ВЕСТИ
ИЗ ЛЕСА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вести из леса… Кто из вас не слышал этой «Лесной газеты» по радио! В течение ряда лет передавался, под редакцией Виталия Бианки, радиокалендарь родной природы. Вы слушали интересные рассказы и забавные разговоры птиц и зверей, лесные сказки, сообщения о ребячьих делах, книгу жалоб и предложений, загадки и отгадки. Вот из лучших рассказов, сказок, очерков, заметок, ребячьих писем и составлена эта книга, которую авторы посвящают **памяти организатора и участника «Вестей из леса» — Виталия Валентиновича Бианки.**

- Составитель Николай Сладков
  -
  - Январь
  - Февраль
  - Март
  - Апрель
  - Май
  - Июнь
  - Июль
  - Август
  - Сентябрь
  - Октябрь
  - Ноябрь
  -
  - Декабрь
  -

Составитель Николай Сладков

Вести из леса

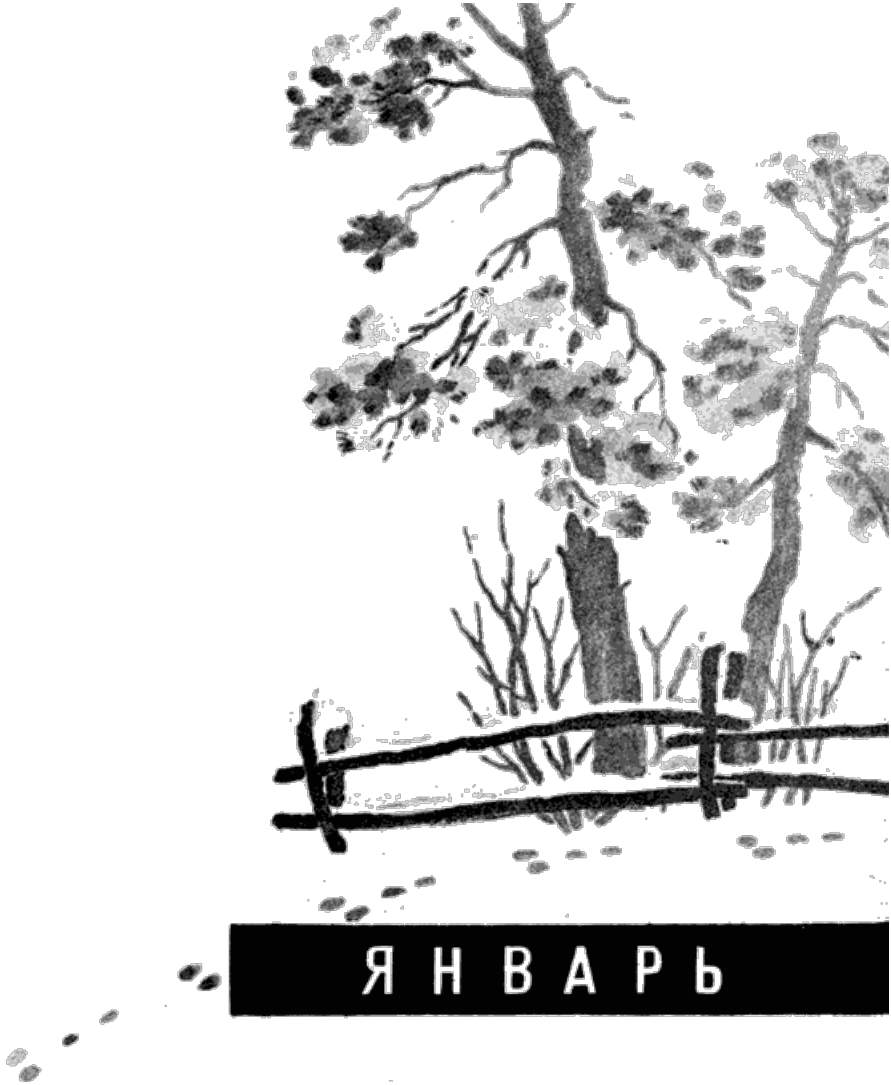
ВЕСТИ
ИЗ
ЛЕСА

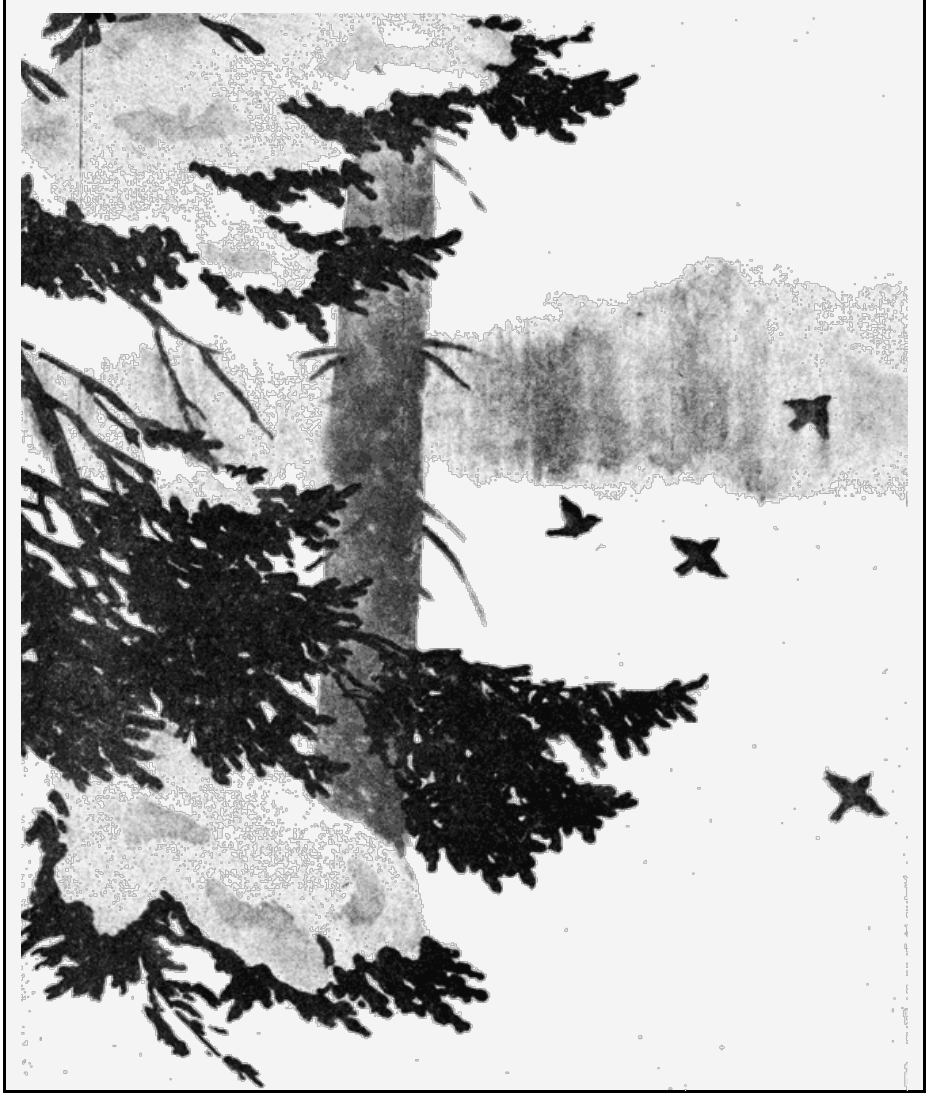
В. БИАНКИ,
А. ЛИВЕРОВСКИЙ,
Н. ПАВЛОВА,
Н. СЛАДКОВ,
Э. ШИМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1961

Рисунки Ел. Бианки

Январь





Январь — месяц рыхлого снега, морозных ночей, осыпных студёных инеев. Январь — перелом зимы, тёмная зорька года.

Спят леса, промёрзшие, заиндевевшие; лиственные — в пуховых валенках, хвойные — снежные шубы накинули.

Трудное пришло время для диких обитателей леса. Глубоко под снегом семена трав, ягоды, насекомые, лягушки, мыши.

Труднее всего птицам. Зимний день короток, а поесть надо как следует, иначе морозная ночь вдвое длинней покажется.

Стоит на поляне ель-красавица, завернувшись в пуховую шаль, и… поёт — звенит птичьими голосами. Солнце слепит

глаза; хорошо в лесу, самому петь хочется, но ёлке петь не полагается. В чём дело? Осторожно подошёл поближе, хлопнул лыжной палкой по веткам… Обвал!.. И вместе со снежным водопадом вылетела на простор стайка синичек-гаичек.

Много в хвое и в трещинах коры птичьей пищи, разных насекомых и личинок, только кормиться приходится… вверх ногами.

Заяц-русак, чтобы добраться до озими, роет в снегу глубокие ямы. Утром сюда прилетят серые куропатки и воспользуются заячьей работой. Им самим трудно копаться в снегу, — лапки у них слабые и голые.

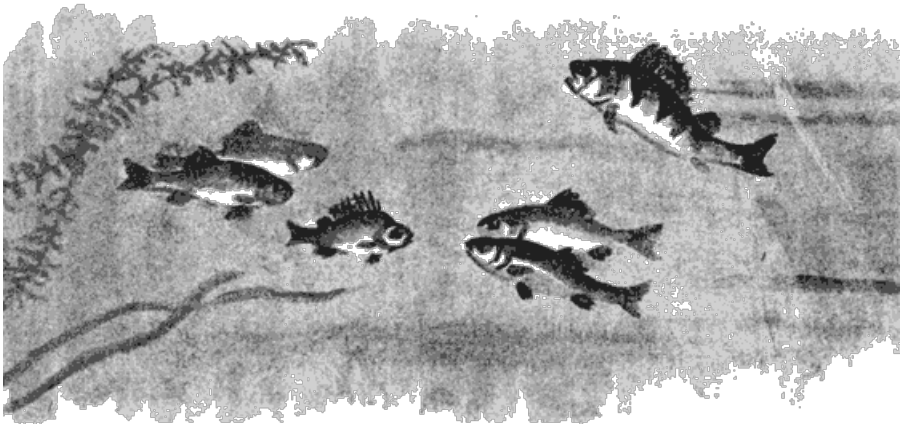
Недавно в берлоге, под снежной крышей родились медвежата, — копошатся, урчат, есть просят. До апреля будет кормить их мама, а сама она поела последний раз в октябре.

Белка на зиму не засыпает, только в большие морозы забирается в своё гнездо.

Если утро тихое, — лесной заяц-беляк заскочит в куст, подожмёт ноги и ложится прямо на снег. Сверху зелёное от мороза небо, снизу снежная перина, только она постепенно подтаивает и заяц спит всегда на мокром.

Тетеревов, глухарей и рябчиков выручает спальный мешок, он наготове под ногами. Сто́ит только порыться, и уютная снежная пещера спасёт и от мороза, и от ветра.

В глубоких омутах, в чёрных ямах, покрытые слизью, одна к одной сонно стоят рыбы. Крепнет лёд на озёрах и реках. В морозных объятиях трещат стволы деревьев.



Но солнце пошло на лето, и к концу месяца день прибавился на «воробьиный скок».

С января мы и начинаем наши «Вести из леса».

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Привет вам, уважаемые ребята!

Дошло до меня, что вы любите послушать лесные были и небылицы — рассказы и сказки из жизни разных жихарок: зверей, птиц, насекомышей, деревьев, цветов… Я очень рад этому, потому что и сам с малых лет интересуюсь их житьём-бытьём, таким не похожим на нашу человеческую жизнь и так уморительно на неё похожим.

Подумать только: ведь мы-то — люди — большую часть своего времени — зимой особенно — проводим в четырёх стенах!

Спим, едим, работаем, читаем, пишем — всё в комнатах. И в домах у нас своё тепло, свой свет, своя вода, свой огонь и всевозможные удобства: кровати для сна, стулья для сиденья, столы для еды и работы, одежда, обувь.

А глянешь в окно, — там ничего этого не знают, совсем другой жизнью живут там жихарки. Взять хоть мышей. Бегают босыми лапками по снегу, одёжки другой не знают, кроме собственной шкурки, тепла своего — только что поел посытней, — затопил печурку в животике, а о стульях-столах, о водопроводе и электричестве в самой лучшей норке и думать нечего! И как они там ухитряются безо всяких удобств жить-веселиться, — непонятно!

Не столько даже непонятно, как неизвестно нам. Глянешь за окно — там бело и холодно — бррр!.. Да и мало кого заметно. Изредка разве пробежит под стенкой, хоронясь от кошки, голохвостая крыса-пасюк, или пролетит по своим делам ворона, или ворвётся в открытую фортку бубенчик синицы, или весёлый весенний крик уличных воробьишек: «Жив-чив-чив-чив-жив!»

Мало мы жихарок видим. Летом — на прогулках в лес, в поля, на реку — больше. А зимой совсем забываем о них. А ведь у них в лесу очень интересно, часто весело и всегда удивительно, даже в сонном и холодном январе.

Вот ты говоришь: «Новый год», «Новый год» — и радуешься, когда приходит Новый год, и поёшь песни, и пляшешь, и всех друзей поздравляешь с праздником.

А сам и не знаешь, что если бы не Петух с золотым гребешком, да не Ёлка зелёная, так Нового года на земле бы и не было…

Вот послушай, почему.

Когда-то давно Петух с золотым гребешком жил в лесу, вместе с дикими зверями и птицами.

И Ёлка зелёная тоже в лесу жила, вместе с дикими деревьями. Да, да, не удивляйся… Она жила вместе с дикими деревьями и никогда не приходила к Человеку домой, — даже под Новый год.

И Человек тогда ещё не умел украшать Ёлку и никогда не праздновал праздников. Ведь праздники приходят всегда вовремя, а у Человека не было Петуха с золотым гребешком, чтобы

узнавать время. И Человек всегда опаздывал на праздники…

А в лесу тогда была очень злая Зима с очень лютым Морозом.

И злая Зима говорила Морозу:

— Я не хочу, чтоб наступал Новый год! Он приведёт за собой Весну, а она меня выгонит…

И лютый Мороз отвечал Зиме:

— И я не хочу, чтоб приходил Новый год! Он приведёт Весну, и она меня тоже выгонит…

Не удивляйся, что они разговаривали так одинаково. Они одинаково боялись Весны, одинаково думали и придумали одинаковые страшные дела…

Настала в лесу новогодняя ночь. Все звери и птицы ждали праздника. Дикий Петух с золотым гребешком взлетел на зелёную Ёлку, чтобы ровно в полночь закричать на весь лес и объявить, что пришёл Новый год.

Ведь один лишь Петух умел узнавать время и кричать вовремя.

А злая Зима и лютый Мороз уже были тут как тут.

— Не дадим ему закричать. Тогда Новый год не придёт! — сказала злая Зима.

— Не дадим ему закричать. Тогда Новый год опоздает! — сказал лютый Мороз.

И они встали у зелёной Ёлки.

Злая Зима запела длинную-длинную колыбельную песню и стала убаюкивать Петуха с золотым гребешком:

— Спи-усни… Спи-усни…

А лютый Мороз стал дышать на Петуха ледяным холодом и тоже шептал:

— Спи-усни… Спи-усни… Спи-усни…

— Спи-усни… Спи-усни…

И Петух с золотым гребешком закрыл глаза и задремал.

А Зима всё пела свою песню, и Мороз всё дышал и дышал холодом…

И заснул Петух с золотым гребешком, и не заметил, как стал замерзать.

А до Нового года оставались последние минуты.

Но теперь некому было закричать на весь лес, потому что, кроме Петуха, никто не умел узнавать время…

Зелёная Ёлка попробовала разбудить Петуха. Она закачала макушкой и заскрипела:

— Проснись, проснись, Петушок!.. Новый год проспишь!..

Но Петух спал крепко.

Ёлка зашумела ветками и загудела громче:

— Проснись, Петушок! Новый год проспишь!..

Но и тут не проснулся Петух.

А злая Зима и лютый Мороз всё не уходили, всё пели свою песню.

И тогда рассердилась на них Ёлка. Так рассердилась, что лопнула со злости:

— Бах!..

И на стволе у неё появилась трещина.

Сразу проснулся Петух.

И сразу закричал на весь лес, потому что была уже полночь и наступило время Нового года…

Вот как было.

С тех пор Петух с золотым гребешком и зелёная Ёлка боятся Зимы и Мороза.

Петух совсем ушёл из лесу и стал жить у Человека.

А Ёлка зелёная в ночь под Новый год тоже уходит из лесу в человеческий дом.

И Человек очень быстро научился наряжать Ёлку и теперь не опаздывает на праздники.

Цветок, который зимой не спал

Есть в лесу поляна. Зимой над нею светит самая яркая в небе звезда. А в ночь под Новый год поляна становится волшебной. В эту ночь в этом месте может приключиться что угодно, сто́ит только лесным жителям сюда собраться, сообща что-нибудь пожелать и сказать о своём желании звезде.

Трудно птицам и зверям сговориться насчёт желания. Но в нынешнем году все так соскучились по свету и теплу, что дружно сошлись на одном: пожелаем, чтобы к нам на встречу Нового года пришла сама Весна!

— Я спою ей свои лучшие песни, — сказала Чечётка.

— Я встречу её барабанным боем, — сказал Заяц.

— Я выведу ей навстречу всех своих восьмерых мышат, —

сказала лесная Мышь.

Звезда долго молча мигала, когда узнала о желании лесных птиц и зверей. Потом сказала:

— Весны на земле сейчас нет. В северном полушарии у вас Зима, в южном — Лето.

— А куда ж упорхнула Весна? — спросила Чечётка.

— Где она скачет? — спросил Заяц.

— Кого растит? — спросила Мышь.

— Весна сейчас у меня, — ответила Звезда, — и это против правил требовать её на землю. Но если она согласится сама я, так и быть, отпущу её на эту ночь.

— Упроси Весну! — крикнули птицы и звери.

И они долго смотрели, задрав головы, на яркую Звезду. Звезда молча мигала. Наконец она сказала:

— Весна просила меня передать, что она встретит с вами Новый год, но только при одном условии, — если у вас в лесу есть хоть одно растение, которое сейчас не спит и готовит ей в подарок цветы.

— Найдём такое растение! — крикнули птицы и звери, а громче всех Чечётка, Заяц и Мышь.

Чечётка тут же собралась лететь:

— Навещу Ольху. Она расцветает, как только стает снег. И цветы у неё уж давно готовы. Не спит Ольха — хорошо, а спит, — разбужу.

И Чечётка полетела над снежными полями, над закутанными в снег ёлочками к замёрзшей реке. Там стояла Ольха, вся в чёрных шишечках, вся в плотных серёжечках.

— Ты не спишь? — спросила Чечётка.

Ольха молчала. Чечётка прыгала с веточки на веточку, тормошила Ольху, теребила, выклёвывала из шишечек семена и всё спрашивала:

— Ты не спишь?

Но пришлось ей вернуться ни с чем. Тут собрался в путь Заяц.

— Поскачу к Волчьему Лыку.

Оно расцветает ранним-рано и, наверно, уже готовит Весне цветы.

И Заяц помчался по пухлому снегу через полянку и мелкий кустарничек. Там торчали из-под снега голые прутики Волчьего Лыка.

— Ты не спишь? — спросил Заяц.

Волчье Лыко молчало. Заяц тряс его за ветки, тормошил, теребил, надкусывал кору и всё спрашивал:

— Ты не спишь?

Но пришлось и Зайцу вернуться ни с чем. Тут собралась в путь Мышь.

— Спущусь под снег на зелёный мох. Там много кустиков и трав, которые не спят всю зиму.

И Мышь влезла в норку и побежала белым туннелем до самого мха. Бежит по мху и всё спрашивает:

— Эй, ребята, кто готовит Весне цветы? Отзовись!

Вдруг слышит из-за снежной стены голос:

— Я! Я готовлю Весне цветы! Заработала Мышь лапками. Прокопала снежную стену и видит: на земле — стебельки, на стебельках — зелёные почки.

— Ты кто? — спросила Мышь.

— Я лесная звёздочка, Звездчатка.

— И это ты думаешь о цветах?

— Я.

— Но у тебя же нет ничего, кроме почек!

— А в них-то я и подращиваю цветы. Я всегда делаю это зимою. Смотрю на снег и думаю: «Пусть мои цветы будут так же белы», любуюсь на снежинки и думаю: «Пусть мои цветы будут тоже звёздочками». И всё это сбывается!

Мышь выбежала на волшебную полянку и сказала:

— Я нашла цветок, который не спит и готовит в подарок Весне цветы. Его зовут Звездчаткой!

Тут все так обрадовались и такую подняли суматоху, что Звезда сама догадалась — цветок найден! И она послала на волшебную полянку Весну.

Чечётка встретила Весну звонкой песенкой, Заяц — барабанным боем, Мышь вывела ей навстречу восьмерых мышат.

Весна принесла с собою и свет и тепло. Стаял снег. Забегали по земле муравьи и жуки. Вылетели из щелей бабочки. Заурчали в лужах лягушки.

Птицы весело перекликались на деревьях. Звери растянулись на мягком мху. Все стали чиститься, прихорашиваться к празднику.

А потом пошло веселье! Такого веселья на волшебной поляне ещё никогда не бывало. Ведь сама Весна встречала здесь Новый год и оставалась всю ночь до утра.

Но о лесной Звездчатке на этом празднике, кроме Весны, никто не вспомнил. Весна же сразу подошла к ней и сказала:

— Спасибо тебе! Спасибо, Звездчатка, что не забываешь меня в темень, в стужу, в январскую звёздную ночь!

Внимание! Внимание! Зимний спортивный сезон у птиц и зверей в разгаре.

Птичья эстафета

Охотник шёл по следам стада кабанов. Он вошёл в лес, снял ружьё с плеча… Но тут в кустах на опушке затрещала-зачекотала СОРОКА-БЕЛОБОКА, — и эстафета началась.

— Чек-чек-чек — человек!!! — чекотала Сорока. — Чек-чек — с ружьём!

Долетела до конца кустов — и передала весть голубокрылой СОЙКЕ.

Сойка помчалась по лесу с криком:

— Охотник идёт! Охотник идёт!

В чаще подхватил её крик крошка ПОДКОРЕННИК.

— Трррevога! Трррevога! — затрещал он таким звонким голосом, что далеко в глухом ельнике услыхали его буренькие лесные ворóнки — КУКШИ. Вздрогнули, торчком поставили на голове кофейные хохолки и понеслись — заорали:

— Кук-кук-кук — о-хот-ник! О-хот-ник!! Кук-кук-кук!

Услыхал их старый ВОРОН с вершины самой высокой сосны, снялся с места и на весь лес объявил толстым голосом:

— Кррок! Врраг! Враг! Кррок!

…Охотник повесил ружьё на плечо и повернул лыжи к дому: с такой эстафетой разве что добудешь! Все птицы и звери в лесу попрятались!

Бег на скорость

Ранним утром все не залёгшие на зиму спать быстроногие звери собрались на лесном стадионе — померяться в скорости бега.

Все выстроились в одну линию… Вдруг кто-то крикнул:

«Охотник!» — и в ту же секунду раздался выстрел.

Заяц как даст стрекача — на все сто метров! Длинные задние ноги вперёд передних бежали. Ну и примчался в лес первым: мировой рекорд поставил со страху!

Воздушные акробаты

В этом виде спорта особенно отличаются белки, или, как их ещё зовут, *векши*.

Под куполом леса они проделывают прямо-таки головоломные фокусы — бег винтом по стволу вверх головой, бег винтом по стволу головой вниз; прыжки над пропастью с сука на сук; прыжки с конца одной качающейся ветки на конец другой; подскок на сук; подскок с трамплина упруго пружинящей ветки; неожиданные сальтомортале, то есть кувыркание в воздухе через голову. Во всех этих видах воздушных упражнений векши являются чемпионами чернолесья и краснолесья.

Прыжки в высоту

В этом виде спорта чемпионом неожиданно оказался… кто бы вы думали?.. Известный тяжеловес ЛОСЬ-СОХАТЫЙ.

Услыхав шаги приближающегося охотника, он почти без разбега птицей махнул через плетень высотой в два метра пятнадцать сантиметров!

Вес Сохатого — 407 килограммов 255 граммов. Вот так птичка!!

Прыжки в снег

Некоторые лесные куры ночуют в снегу. Мастера́ этого дела

— *тетерева* и *тетёрки*. Днём они сидят высоко на берёзах — объедают берёзовые серёжки. А зайдёт солнце, — дружно, всем стадом — бух с веток в снег! Тепло им там — в снежных норках. А дырки, что они пробили в снегу, засыплются, — ловкачей и не видно врагам.

Слалом, или бег с горы с препятствиями

Первым к подножию горы пришёл лыжный *Заяц-беляк*. Этот — на горé увёртыш — с горы несётся быстрее ветра: ведь задние ноги у него куда выше коротеньких передних. Трижды прыгал он на крутом склоне через пни и кусты, десять раз летел через голову — и так кувырком, кувырком, как снежный ком, прибыл к подножию — на финиш!

ДЕЛА РЕБЯЧЬИ

Приучил

Я очень люблю птиц, особенно синичек. У меня за окном висит кормушка. Утром я встаю и наблюдаю за синичками, которые усердно клюют сало и семечки. Птички сначала боялись, когда я подходил к окну, но потом они к этому привыкли. Это я приучил. Я стал стучать по стеклу, когда синички прилетали клевать семечки. И они теперь стука не боятся. Они к нему привыкли.

Синички и воробьи живут у нас под крышей, и сто́ит мне только постучать в окно, — они сразу прилетают на кормушку и принимаются за еду.

Люб**и**те, ребята, птиц. Зимой подкармливайте, а весной развешивайте скворечники и синичники. У меня лично уже выработалась привычка: как зима, — так я делаю кормушку, как весна, — строю скворечники. Очень люблю я птиц!

Коля Полянин

Кормовая прорубь

Все ребята рассказывают про свои кормовые столики и полочки для птиц.

А я хочу рассказать про кормовую прорубь.

На нашей речке есть быстрина, которая и зимой не всегда замерзает. И вот прилетели на эту быстрину две птички: кургузенькие, тёмные с белой грудкой.

И хоть холодина, а они в воду плюхаются и что-то там клювами хватают.

Учитель нам сказал, что это оляпки — водяные воробьи. Зимы они не боятся. Была бы открытая вода, а водяных жуков они наловят.

По совету учителя, я в сильные морозы, когда быстрина затягивается тонким ледком, разбиваю лёд длинной жердью. Оляпки постоянно прилетают на мою кормовую прорубь, и, судя по весёлому писку, чувствуют они себя не плохо.

Лёша Самохин

Песок помогает

У нас в лесу немало живёт тетеревов и глухарей. Глухари сейчас склёвывают сосновую хвою, а тетерева — почки берёз. Пища грубая, тяжёлая. Чтобы её размельчить, должны глухари и тетерева заглатывать песок и мелкую гальку.

Песок и галька перетирают пищу в зобу, как жернова. Только вот негде птицам зимой найти песок и гальку: всё под снегом.

Наши деревенские охотники решили помочь птицам и сделали в лесу несколько искусственных галечников. Они расчистили снег и насыпали слой песка и гальки.

Мы с братом помогали им и сейчас следим, чтобы снегом не засыпало песок.

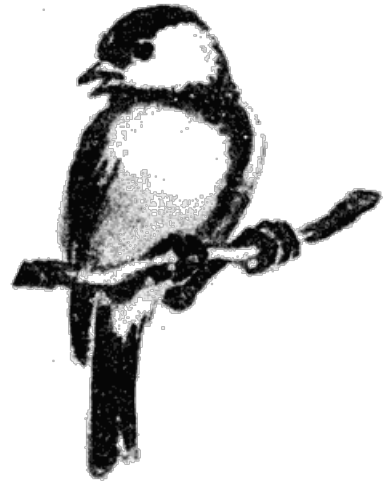
Вова и Коля Васютины

Совет друзьям

Я часто держал птиц в клетках.

Лучше других переносят неволю чижи, снегири, щеглы и чечётки. Это весёлые и красивые птички. А щеглы и чижи — хорошие певуны.

Если птицы только что пойманы и бьются в клетке, — подвяжите им крылышки, а клетку на четыре — пять дней прикройте марлей.



Следите, чтобы на дне клетки всегда был чистый песок, а в поилке — чистая вода.

Не кормите птиц однообразным кормом.

Особенно опасно кормить их только одной коноплёй — птицы от этого могут погибнуть.

Чижи и чечётки любят семена ольхи и берёзы; щеглы — семена сорняков; снегири — ягоды рябины, калины, черёмухи, семена ясеня, сирени, клёна.

Все зерноядные птицы любят коноплю.

Зимой и летом давайте птицам зелень: молодые листики тополя, одуванчика, салата, капусты; кусочки яблока, морковки; всходы овса.

Птицам необходим чистый воздух. Но берегите птиц от сквозняков!

Будете соблюдать эти правила — пленники ваши будут здоровы и веселы и будут петь не только летом, но и зимой.

Любитель птиц

Как самому сделать лесной календарь

Календарь природы могут сделать для себя все писатели и художники.

Это очень просто: в школе ведь каждый сам себе писатель и художник.

Бери обыкновенную школьную тетрадку и простой (не чернильный) карандаш. Если ты художник, нарисуй на обложке картинку с лесом, а если будешь только писателем, то просто напиши на тетрадке: «Лесной календарь» — и свой адрес.

Потом тетрадку и карандаш спрячь в школьную сумку (планшетку, ранец) и повесь через плечо.

И вот ты во всеоружии отправляешься за город: в лес, в поля, на берег реки или озера, — смотря где живёшь.

Тут-то — в лесу, в поле или даже в городском саду или парке — и начнётся твоя работа. Тут смотри и слушай в оба! Что увида́л, что услыха́л, — моментально заноси в тетрадку. Если ты художник, — зарисовывай, если писатель, — записывай.

Увидал, что из-под дерева вылезли бескрылые комарики и бегают босиком по снегу, — зарисуй их. Услыхал, как под снегом таинственно шепчет что-то невидимый ручеёк, или дятел носом выбивает барабанную дробь, или звенит колокольчик синицы, — тут же запиши. Да постарайся пометче выбирать слова, чтобы как можно точнее описать то, что слыхал и видал. Всё, всё интересное записывай и зарисовывай: и какие на небе облака, и как под тяжестью снега согнулись ветви деревьев, и первых мух и бабочек, и расплывшийся на талом снегу следок неведомой зверюшки, и какие птицы прилетели к нам из заграницы, и как золотистая наша овсяночка, вспорхнув на самую маковку не одетой ещё берёзы, тихонько звенит оттуда счастливым голоском: «Эс-эс-эс-се-зер!»

Ведь всё это и есть календарь природы — календарь твоей Родины.

Есть в лесу «Книга жалоб и предложений». Это огромная книга с огромными листами. Зимой эти листы белые, летом — разноцветные.

Пишут в неё звери и птицы. Кто чем может, тем и пишет: кто копытом, кто коготками, а кто прямо носом. Что ни месяц, то свои жалобы и предложения.

Вот в «Книгу жалоб и предложений» поступили первые письма.

Письмо на бересте выстукал дятел.

«Поздравляю редакцию „Вести из леса“ с Новым годом! У нас в лесу тоже была праздничная ёлка. Мороз украсил её блёстками инея и пушинками снега. А юннаты развесили на ветках кусочки сала, мяса, кисти рябины. На праздничный кормовой столик насыпали конопли, семечек и крошек.

На ёлку со всего леса слетелись красные снегири, жёлтые овсянки, голубые поползни и разноцветные синички. Все расселись на еловых ветках, как ёлочные игрушки. Все были сыты

и веселы. Предлагаю каждый Новый год устраивать в лесу праздничную ёлку».

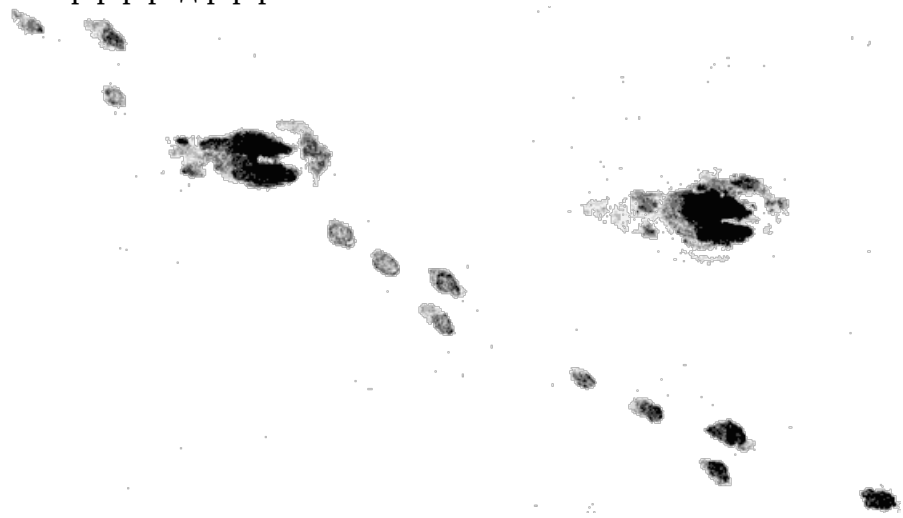
В форточку редакции залетел певчий дрозд и заявил устно жалобу.

— Я — др-р-р-розд! — прошепелявил он, стуча от холода клювом.

И затрещал:

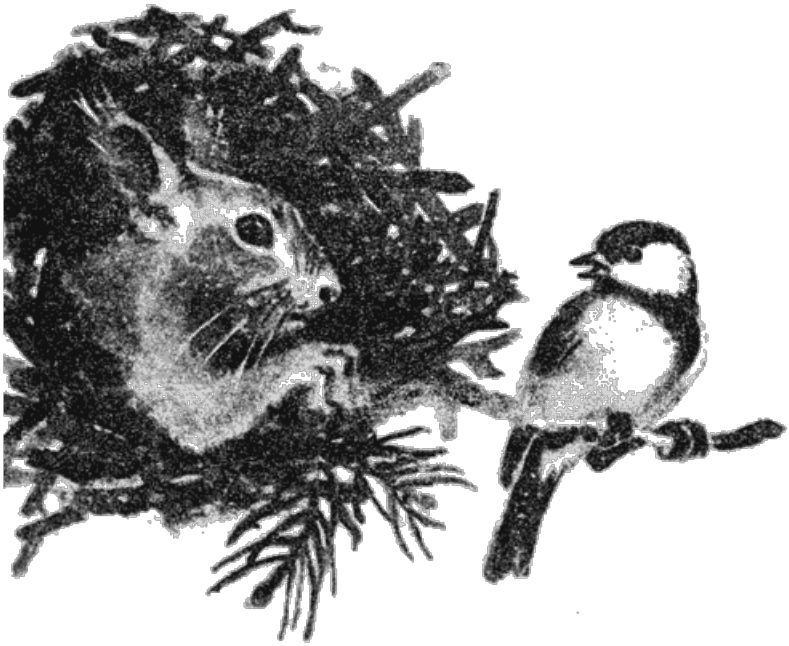
— Желаю моему доброму хозяину Спирьке встретить так будущий Новый год, как встретил его нынче я! Тридцать первого декабря подходит эта добрая душа к моей клетке и мямлит сквозь слёзы: «Бедный мой дроздик! Новый год на носу, у всех праздник, а ты, несчастный, в клетке томишься. Лети, — говорит, — на волю, помни мою доброту!» И — раз! — выбросил меня в форточку. А на дворе снег. А на дворе мороз. А я птица летняя. И есть мне нечего! Давай я в стекло клювом барабанить. Прибежал Спирька, за ним его мама, за мамой — папа. Расплющили они свои носы на стекле и шепчут: «Это, Спиринька, он тебя за сердечко твоё золотое благодарит!» Улыбаются мне из тёплой комнаты, головами кивают, а форточку не открывают! Так и встретил я Новый год на морозе. Пальчик отморозил, горло своё певчее простудил.

Пр-р-р-род-р-р-рог!



ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Синица и Белка



— Ты чего, Белка, из гнезда не выходишь?

— Я, птица Синица, тепло берегу. На воле-то нынче студёно, я вход в гнездо мохом заткнула, все щёлочки законопатила. Боюсь наружу нос выставить.

— А чем же ты кормишься?

— А у меня с лета сухие грибки припасены, да орешки, да жёлуди. Вот в морозы-то и отсижусь!

Лось и Сорока

— Батюшки мои, Лось, куда ж ты рога свои подевал?!

— Да ну их… Сбросил.

— Отчего же сбросил-то?

— Да больно лёгонькие, даже носить неловко… Всего-то два пуда весили. Вот к весне новые отращу, потяжелей будут, поудобнее!

Ворон и Тетерев

— Что, Ворон, холодно?

— Холодно, Тетерев, ух, как холодно! Ночку на дереве просидишь, утром лапой не шевельнуть, крылом не махнуть… Вовсе закоченеешь!

— А ты делай, как я. С дерева вниз головой в снег — бух! Под снегом-то как под одеялом. И ветер не задувает, и мороз не припекает, и на глаза никому не попадёшься!

Клёст и Чиж

— Ты, Клёст, чего визжишь? Обидели тебя, что ли?

— Да нет, Чижик, это я радуюсь!

— Нашёл время радоваться…

— Как раз самое время, как раз! У меня в гнезде птенчики вывелись, — до чего милы, до чего хороши…

— В этакой-то мороз?! Да они живыми не останутся!

— Ещё как будут жить-поживать! Я им еловых семечек таскаю, а мать-Клестиха греет их, вроде печечки. И тепло им, и сытно, и от моей песенки весело!

Мышь и Заяц

— Чего, Заяц, грустный?

— Да вот как подумаю, что всю зиму мне травки не видать, листика зелёного не сорвать, — тошно делается…

— А почему не видать, почему не сорвать? Листьев зелёных много!

— Где ж это?

— А под снегом! Смотри, сколько: и у медуницы листочки зелёные, и у манжетки, и у подорожничка, и у одуванчика, и у коровяка, и у земляники, и у… да просто не перечесть!

— Есть-то, может, и есть, да вот как их съесть? Это вы, мыши, под снегом бегаете, ходы прокладываете. А нам, зайцам, трудней. И близок листочек, да не укусишь!

Загадки

Под Новый год ёлки из леса двинулись к людям. Ёлки ехали на санях, на машинах, в поездах. Ёлки смело шагали по лестницам, поднимались на лифте, заходили в комнаты. Двери перед ними распахивались настежь. К ёлкам собирались ребята. Ребята пели, танцевали, читали стихи. А потом угощались конфетами, орехами, яблоками и печеньем.

В лес тоже пришёл Новый год. И в лесу собирались к ёлкам за подарками лесные ребята — зверюшки и птицы. Ёлки угощали их чем могли. Они раздавали пакетики, полные вкусных еловых семян, — шишки. Лесные ребята и тому рады: пищат, скачут, играют в пятнашки. Вкусные семена съели, а пакетики бросили. Птицы и зверюшки не такие аккуратные, как вы. Насорили, намусорили, — им и дела мало. Разбежались и разлетелись.

Но пришёл лесник и сразу узнал, кто тут насорил. Ведь зверьки и птицы мусорят каждый по-своему. Кто прижимает шишку лапкой и отгибает чешуйки носом. Кто втискивает шишку в расщелину и носом разбивает на шишке чешуйки. А кто отгрызает чешуйки начисто — остаётся один стерженёк с венчиком на конце.

Побывайте и вы на ёлке в лесу. Посмотрите, — кто там пищит, скачет, играет в пятнашки? Кто сбрасывает шишки с отогнутыми чешуйками, кто втыкает в расщелины коры и разбивает носом и кто отгрызает чешуйки совсем?

Февраль

Февраль — месяц вьюг, голубых скрипучих сугробов и последних морозов. В феврале теплеет солнце.

Бушует снежное море… Шипят струйки позёмки, змейками вьются по льдистому насту. Всю ночь поёт вьюга, гуляет по всем улицам и закоулкам.

В сумерках на поле вышла лисица. Побродила от омёта к омёту, и не понравилось ей на открытом месте. Глубоко укрылись мыши. Снег бьёт по глазам, забивается в шерсть, ветер завивает хвост. Неуютно… Потрусила лисица в лес, и в лесу не лучше. Мертво кругом, — всё задула, занесла пурга, нигде ни следочка.

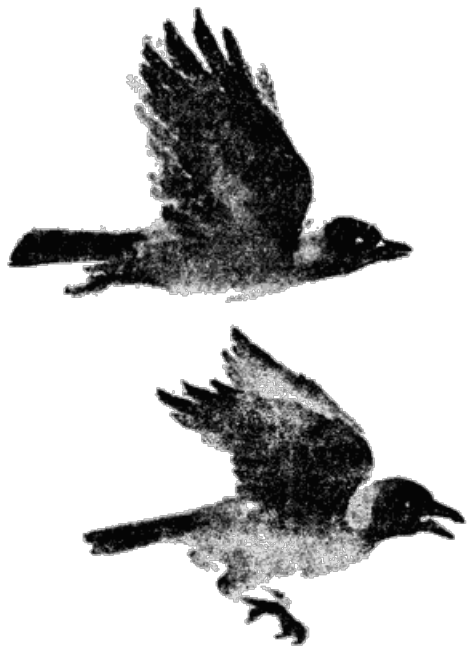
К утру метель унялась. Застыли белые волны. Солнце кинуло лучи вдоль болот и вырубок, вдоль полян и лесных чистинок. И вспыхнули снега! Больно глазам.

На озере рыбак хлопочет у проруби. В подлёдной темноте

ходят рыбы. Это налимы.

Не под ясным небом, а в холодной глубине первыми почувствовали весну налимы и заходили по отмелям.

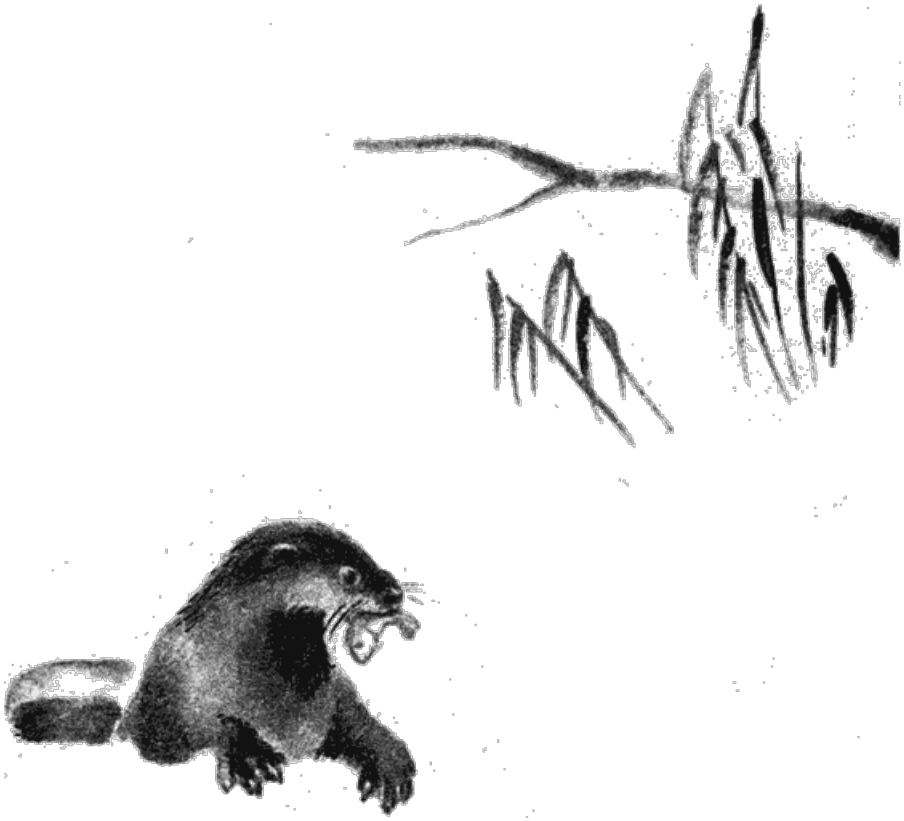
Ушёл со льда человек. Кончилась ли рыбалка? Нет, только начинается. Первыми слетели к проруби вороны. Они большими шагами меряют снег вокруг проруби. Подошла, одна ворона к лунке и замерла. Выплыл малёк подышать — разевает рот у самого водного зеркала. Раз — рыбёшка в клюве!



Но вдруг взлетела воронья стайка. Лисица снегами пробирается! Красный мех в закатных лучах солнца кажется чёрным.

Осторожно обходит хитрый зверь прорубь, принюхивается. Пахнет человеком, воронами, рыбой.

А вот и рыба, — закатáлся окунёк в снегу. Выходит, лисье чутьё лучше птичьего глаза. Ушла лисица. Тихо на озере. Смеркается. Из проруби показываются сначала глаза и кончик носа, потом мокрая, словно прилизанная голова. Выдра! Большая — еле-еле в лунку протиснулась. В зубах у охотницы розовоглазая плотица. Отряхнулась выдра, не торопясь съела рыбу, почистилась, громко вздохнула и бесшумно, как нож в масло, ушла в воду.



Год повернулся на весну. Длиннее стали дни, и к февралю, как говорится в народе, «день прибавится так, чтобы хлебы спечь», а на это, как известно, надо около двух часов.

Воркуют на припёке голуби. В очень морозный день озябшая синица с высокой-высокой осины как-то сумела увидеть весну. Обрадовалась и спела:

— Зин-зи-вер! Зиме конец!

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Федино окно

Я повредил себе на катке ногу, и мама не пускает меня в школу. Я сижу в своей комнате и всё смотрю и смотрю на своё окно.

Думаете: «Вот скучища-то!» Я тоже сперва так думал. А потом вдруг сделал замечательное открытие: оказывается, окно — это вроде кино! Смотришь в него, как на экран, а в нём всё меняется. Хоть не так шибко, как в кино, но смотреть тоже очень интересно. Если научиться смотреть.

Я сидел, сидел — и научился.

Мы живём на самом краю города. Окно моё выходит в сад. За забором конец улицы переходит в полевую дорогу, дорога бежит через реку, а за другим её берегом — синяя полоска далёкого леса.

Только ничего этого не видно в окно: сейчас оно почти всё занесено, заляпано снегом, — такие вьюги и метели в феврале полетели!

Я вглядывался, вглядывался в морозные узоры на окне — и вдруг понял: это же настоящее волшебное царство, — вроде как на дне океана! Таинственный лес мерцающих снежных ёлочек, а в нём — разные морские ежи, морские звёзды, чьи-то стрельчатые усы, какие-то льдистые стрелки, лучистые цветы… И всё это то

вспыхивает, то меркнет, — играет разноцветными искорками! Ух, как чудесно! Лучше, чем в калейдоскопе, — знаете в такой игрушечной трубке с цветными стёклышками? Прямо глаз не оторвёшь!

В тот день, ложась в кровать, я твёрдо решил: как только встану, — сразу сесть к окну и подсмотреть, кто это там шевелится, мерцает в таинственном льдистом лесу и что они там делают? Утром проснулся, а стёкла чистые! Вот досада! И неизвестно, будет ли ещё нынче такая метель — прямо в моё окно, чтобы все стёкла занесло? Растаял снег на стёклах — и сразу началось другое.

Какие-то птички мелькнули за окном — целая стайка. И я сразу вспомнил, что забыл устроить бесплатную столовую для голодающих птиц. Я попросил принести мне фанерки и в один день смастерил лоток — такую досочку с бортиком, чтобы еда с неё не просыпалась. Приладил к ней верёвочки, через форточку опустил её на подоконник и привязал там. Теперь каждый вечер насыпаю на лоток разное вкусное угощенье: хлебные крошки, семечки, коноплю, ягоды рябины, сальце несолёное. И с утра жду гостей.

Они не заставляют себя долго ждать. Я разглядываю их через стекло из комнаты и опознаю, — кто такие пожаловали? Вот пожалуйста: список моих красивеньких, весёлых, миленьких гостей:

1 — белощёкий, с длинным чёрным галстучком на жёлтой груди, Зинзивер — большая синица. Самый боевой народ. Только солнышко выглянет, — готово, уже поёт: «Зин-зи-ве́р! Зин-зи-ве́р! Зин-зи-вер!»

Крутится на ветках, как сумасшедшая, долбит носом семечки — только шелуха летит!

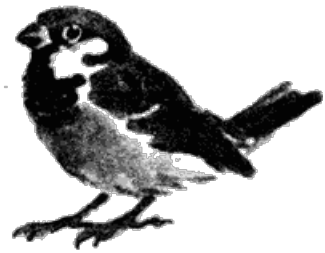
2 — лазоревки-синички — тоже белощёкенькие, желтоватенькие, в голубеньких шапочках, — тоже бойцы-храбрецы-хитрецы ловкие!

3 — московки-синички, черномазенькие, тоже веселяги.

4 — снегири. Эти важные! Толстоносенькие. Самочки серенькие, самчики красногрудые.

5 — красотки-хохлуши. Дымчато-серые с жёлтым, на крылышках, а иногда и на хвостике узенькие-узенькие ярко-алые пальчики-пёрышки!

Ну и, конечно, воробьишки прилетали. Эти-то тут как тут, хоть будь твоё окно в середине города, выходи оно хоть во двор-колодец!



Насыпь только на подоконник крошек, — в момент явятся!

А на днях вижу я в окно: кто-то едет по дороге из далёкого синего леса. Подъезжают, — оказывается, едут в санях два знакомые охотника. Остановились, зашли к нам обогреться. Распахнули на кухне свои тяжёлые собачьи шубы, а у каждого из пазухи… А вот ни за что не догадаетесь, кто выглянул у каждого из пазухи!

Сказать? А?.. Нет, лучше я всё по порядку.

Как дело было

Молодой колхозник Игнат шёл по лесу на лыжах и вдруг видит: иней на ёлушках! Что такое: нигде кругом инея на кустах нет, а тут вдруг над самой землёй ветки лохматятся! Дело неспроста…

Парень — стоп! Огляделся. Тэ-тэ-тээ! Вон оно что: прямо против тех ёлушек сугроб снега на поваленной ели, в сугробе — дырка небольшая: ну — шапкой заткнуть. А из дырки теплом тянет: не иначе, кто-то под сугробом хоронится и через эту дырку на ёлушки дышит…

Игнат задом, задом на лыжах, кое-как развернулся да с горки одним духом!.. И в тот же день вызвал из города охотников.

Наутро в лес пошло четверо: трое стрелков — Игнат тоже ружьё взял — четвёртый — старик-колхозник. Игнат стал прямо против дырки в сугробе, охотники — один справа от него, другой — слева. Каждый снег под собой утоптал, чтобы поворачиваться ловчей. Тут старик зашёл с тылу — и давай суком в сугробе шуровать — поднимать спящего.

Стоит Игнат, дохнуть не смеет. Ружьё поднял: вот сейчас как рявкнет из сугроба, ка-ак вскочит!.. А время остановилось; старик что-то там возится, копается в сугробе, а дыра чернеет, молчит, ничего в ней не шевелится…

И вдруг, как во сне, — распахнулся перед парнем сугроб и что-то большое, чёрное, лохматое неслышно выкатило из него по снегу. Хотел Игнат выстрелить, — ружьё вылетело у него из рук и умчалось куда-то за ёлушки. Что-то сильно толкнуло парня под ноги — и он очутился лицом в снегу.

Как это случилось, рассказали Игнату охотники потом, когда он очухался. Зверь выскочил из берлоги, как бомба, выбил у него из рук ружьё, самого его уронил в снег и скрылся в чаще. Охотники не могли выстрелить: боялись второпях попасть в Игната. Игнат отделался испугом.

А охотникам без выстрела досталась богатая добыча. Когда они у нас в кухне распахнули свои тяжёлые собачьи шубы, у каждого выглянул из пазухи… теперь догадались — кто? Медвежатки!

Оказывается, в берлоге спала медведица, — и у неё во сне родились медвежата.

Мне очень понравились эти крошечные медведики: мохнатые, мягонькие, на груди белое пятно, будто у них салфетка повязана, глазки зелёные, носы чёрные, — до чего смешные зверики.

Вот оно окно-то какое. Как в кино!

Переполох

Уж на что, кажется, заботился старый пасечник Федосеич о

покое своих пчёл. Мёда им на зиму оставил вдоволь. Ульи поместил в сухой прохладный зимовник. Каждый день заходил проверять, всё ли благополучно. Но всё-таки дело не обошлось без неприятного случая. Однажды в зимник пробрался дерзкий враг. Он облюбовал себе один из ульев и тут же в него забрался.

Пчёл в улье было двадцать тысяч. Они зимовали на рамках с мёдом, но, чтобы было потеплее, собрались в большой круглый ком. В середине кома пчёлы двигались, разогревались и согревали всю огромную пчелиную семью. А снаружи — пчёлы плотно прижались друг к другу, грудками внутрь кома, брюшками — наружу.

Эти пчёлы были живой шубой. Они спасали весь пчелиный ком от холода, не давали ему остыть. А когда сами начинали замерзать, менялись местами с своими счастливыми сёстрами — ползли в тёплую серединку.

Услышав в родном улье чью-то возню, пчёлы зашумели. Но они не полетели искать врага, чтобы его прогнать, как сделали бы это летом. Пчёлы знали, что оторваться от кома — значит замёрзнуть.

И дерзкий посетитель понимал, что пчёлы сейчас беспомощны. И потому он распоряжался в улье, как в собственном доме. Поел перги — вкусного кушанья, приготовленного из цветочной пыльцы, потом закусил мёдом. И наконец, потеряв всякий стыд, загрыз и съел двух пчёл!

Пчёлы зашумели ещё сильнее. А убийца преспокойно занялся устройством для себя уютного гнёздышка.

Как раз в это время в зимовник вошёл Федосеич. Он нёс в руке красный фонарь: красный свет не тревожит пчёл. Федосеич осторожно притворил за собою дверь и, по своему обычаю, стал прислушиваться.

Привычное ухо уловило шум, хоть и слабый, но тревожный. Федосеич быстро отыскал взволнованную семью пчёл, осветил фонарём прилётную доску улья и увидел на ней две мёртвые пчелиные головки и оторванные крылья. Этого было достаточно: старому пасечнику всё стало ясно — в улей забралась мышь.

Федосеич позвал помощника. Вместе они вынесли улей в сени и с позором выгнали дерзкую нарушительницу покоя.

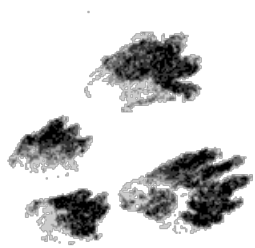
Как клесты заставили белок по снегу прыгать

Не очень-то любят белки по земле прыгать. Наследишь —

охотник с собакой и выследит! На деревьях куда безопаснее. Со ствола на сучок, с сучка на ветку. С берёзы на сосну, с сосны на ёлку. Там почки позу́брят, там шишки пошелушат. Так и живут.

Ходит охотник с собакой по лесу, смотрит под ноги. Нет на снегу беличьих следов! А на еловых лапах следов не увидишь! На еловых лапах одни шишки, да ещё клесты.

Красивые эти клесты! Самчики пурпурные, самочки жёлто-зелёные. А уж шишки шелушить великие мастера! Оторвёт клёст шишку клювом, прижмёт её лапкой и давай кривым носом чешуйки отгибать, семена выщелущивать. Отогнёт чешуйку, отогнёт вторую и бросит шишку. Шишек много, чего их жалеть! Улетят клесты — под ёлкой целая груда шишек остаётся. Охотники называют такие шишки клестовой падалицей.



Идёт время. Клесты всё срывают да срывают с ёлок шишки. Совсем мало в лесу на елях шишек становится. Голодно белкам. Хочешь не хочешь, а приходится на землю спускаться да по низу ходить, клестовую падалицу из-под снега выкапывать. Голод не тётка!

Ходит белка по низу — оставляет след. По следу — собака. За собакой — охотник.

К весне из всех шишек на елях высыплются последние семена. Белкам теперь одно спасение — падалица. В падалице все семена целы. Всю голодную весну подбирают и шелушат белки клестовую падалицу. Теперь бы им клестам спасибо сказать. Но

белки не говорят. Не могут они забыть, как клесты заставили их зимой по снегу босиком перед охотниками прыгать!

Вежливая галка

Много у меня среди диких птиц знакомых. Воробья одного знаю. Он весь белый — альбинос. Его сразу отличишь в воробьиной стайке: все серые, а он белый.

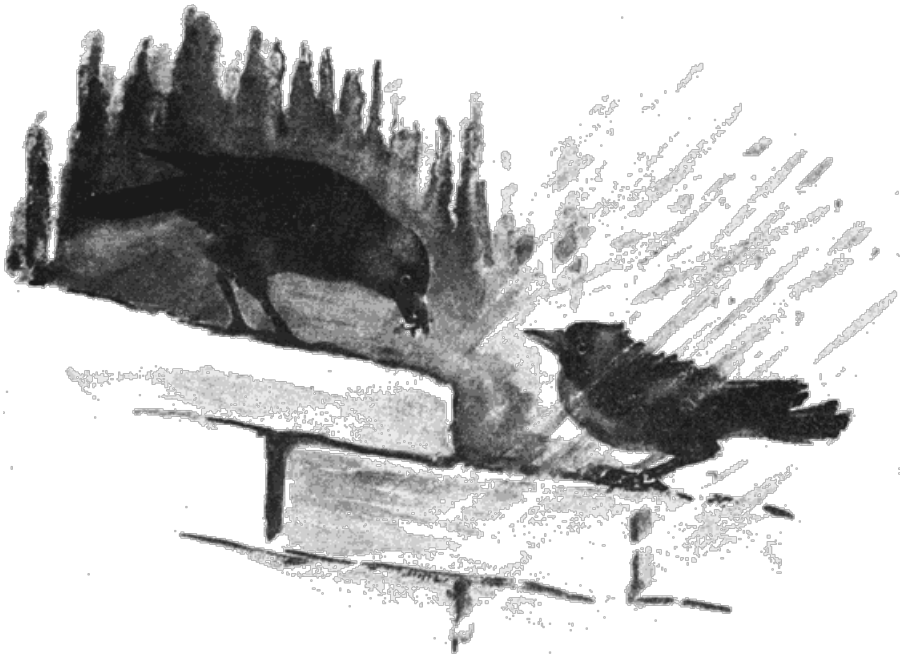
Сороку знаю. Эту я по нахальству отличаю. Зимой, бывало, люди за окно продукты вывесят, так она сейчас же прилетит и всё растреплет.

А вот галку одну я приметил за её вежливость.

Была метель. Ранней весной бывают особые метели — солнечные. Снежные вихри завиваются в воздухе, всё сверкает и несётся! Каменные дома похожи на скалы. Наверху буран, с крыш, как с гор, текут снежные водопады. Сосульки от ветра растут в разные стороны, как косматая борода деда-мороза.

Над карнизом под крышей — укромное местечко. Там два кирпича из стены выпали. В этом углублении и устроилась моя галка. Чёрная вся, только на шейке серый воротничок. Галка грелась на солнце и расклёвывала какой-то лакомый кусок. Уютное местечко!

И вдруг вижу, — подлетает к моей большой галке другая, поменьше и цветом потусклее. Прыг-скок по карнизу, круть-верть хвостом! Села напротив моей галки и смотрит.



Ветер её треплет — так перья и заламывает, так белой крупой и сечёт!

Моя галка кусок свой схватила в клюв и — шасть из углубления на карниз! Тёпленькое местечко чужой уступила!

А чужая галка хвать у моей кусок из клюва — и на её тёпленькое местечко. Лапкой чужой кусок прижала — клюёт. Вот бессовестная!

Моя галка на карнизе — под снегом, на ветру, без еды. Снег её сечёт, ветер перья заламывает. А она терпит! Не выгоняет маленькую.

«Наверное, — думаю, — чужая галка очень старая и не драчунья. Да и не чужая она теперь. И уж конечно не всеми уважаемая».

А моя знакомая галка совсем не галка, а гал!

И не от страха уступил он тогда своё тёплое местечко. Просто очень вежливый гал. Я такого первый раз вижу.

Весны предтечи

Конец февраля.

Величественный корабль зимы дал течь. Чуть заметную, правда, пока, но ведь начинается всегда с малого.

Глянь в окошко: там ещё мчится корабль зимы на всех

парусах своих снегопадов, раздутых позёмкой, метелью, пургой.

А утром поднимается солнце на бледно-голубое небо, тишина, помина нет о вьюге, — паруса спущены. Корабль лёг в дрейф.

Течь обнаружилась на самом дне корабля. Текут струйки, сбегаются в ручеёк. Но маленького голоса его ещё не услышишь у себя под ногами: земля сразу впитывает воду.

С каждым днём всё ласковее солнце. Неприметно рушит оно белую палубу, рыхлеет снег.

Ночами мороз надраивает палубу до блеска, кроет льдистым настом. Плохо приходится пассажирам, спящим в уютных каютах: тетеревам, куропаткам, рябчикам. Утром проснутся, а над головой — ледяная крыша. Жди, пока выпустят на палубу.

Ещё хуже приходится лосям, оленям, косулям: их крепкие копыта пробивают палубу — и стекло наста в кровь ранит им ноги.

Тяжёлая снежная навись гнёт мачты и реи деревьев. Голубые матросики — белки, — прыгая по реям, с шелестом роняют снег на головы безоружным, только сбросившим рога оленям.

Но самое чудо свершается невидно, неслышно — тайно — в трюме. Там в лютые морозы появляются на свет крошечные — с крольчат — медвежата. Медведицы-матери, сами не евшие с осени, кормят их своим молоком. И серебристый сон в берлоге, под снегом, продолжается до весны.

Вновь летит, летит, летит,
Звенит и снег крутит, крутит —
Налетает вихрь
Снежных искр.

Вихрь срывает с деревьев кухту́ — и в воздухе бесшумные взрывы, тающие облачка. И вот, как в загадке «пурхан — без пол кафтан, без пуговиц», — надул паруса и мчит корабль сквозь лунную ночь.

Промчались неистовые тучи. Зажглась за лесом холодная палевая зорька, и с высокой мачты слетел на обледеневшую палубу петух-глухарь. Тёмный, бородатый, он смахивает на капитана пиратского корабля.

Он расхаживает по палубе, вдавливая в неё свои тяжёлые следы, и в полном молчании чертит на насте приспущенными, судорожными крыльями таинственные знаки: куда путь держать кораблю.

Скоро, очень скоро он запоёт на утренней зорьке свою скрежещущую песнь — первую песнь леса грядущей весны!

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Дятел и Куница

— У Медведя — берлога, у Барсука — нора, у Белки — гнездо, у меня, у Дятла, и то дупло есть, в метель отсидеться. А ты, Куница, где проживаешь?

— Лучше тебе, носатому, и не спрашивать!

— Отчего же?

— А оттого, что придёт время — сам узнаешь. Станет мне голодно да холодно, я сюда прискачу, тебя слопаю да в твоём же дупле и спать улягусь. Вот как!

Налим и Окуни

— Налим, Налим! Все Карпы спят подо льдом, все Караси спят подо льдом, все Сомы спят подо льдом, все Лещи спят подо льдом. А ты куда ползёшь, торопишься?

У меня, братцы Окуни, весна! Пускай лёд толстый, пускай

вода студёная, пускай все спят, а я уже весну праздную… Буду свадьбу играть, икру на камнях откладывать!

— Тихо, братцы! Айда за ним… Налимья икра до того вкусна — нас, Окуней, червяками не корми, только дай икринкой полакомиться!

Выдра и Ворона

— Удивляюсь я на тебя, Выдра, очень удивляюсь! Чего ты здесь на мельнице поселилась?

— А чем же тут худо?

— Да как же?! И шумно, и людно, и покою нету… То ли дело в лесу!

— Хе-хе, Воронушка… Недогадлива ты. В лесу речка замёрзла, ни одной проруби нет. Как бы я за рыбкой ныряла? А на мельнице водичка круглый год живая. Захотелось рыбки — и наловила… А что шумно, так это даже хорошо!

— Как же так?

— А вот так же. Среди шума-то никто меня, тихонькую, не услышит, среди людей никто меня, пугливую, искать не будет. Лучше всех проживу!

Прыжки с парашютом

Специалист по этому виду спорта серенькая *Белка-летяга*. Парашют из тонкой кожи натянут у неё справа и слева между передними и задними лапками и сверху покрыт шёрсткой.

Забравшись под самую вершину дерева, летяга отталкивается вдруг всеми четырьмя лапками от ветки и летит, растянув свой парашютик, метров двадцать пять по воздуху, пока не приземлится где-нибудь по ту сторону полянки на нижних ветках другого дерева.

Прыжки в воду

То есть как это — в воду? Сейчас ведь зима и все реки и озёра покрыты толстым льдом.

А проруби на что?

Чернобрюхая птичка ростом со скворца попрыгает-попрыгает по льду — ещё и песенку споёт, — да вдруг бултых в прорубь головой вниз!

Думаете, — утопилась? Ничуть не бывало! Вон она бежит по дну речки, цепляясь коготками за камешки. Вся будто в серебряной рубашке, — это на ней воздух пузырится. Вот-вот колупнула носом камешек, достала из-под него водяного жучишку, повернулась, замахала крылышками, взлетела под ледяную крышку — и выскочила в прорубь. *Оляпка* это, «водяной воробей».

Р-р-р-р! Мор-р-роз по шкур-р-ре! Спал сладко, медовые сны видел. Только вдруг слышу: стригут! Стригут, как овцу, машинкой! Как начнут от пятки, так и ведут машинкой по лапе, по боку, по плечу — до самого загривка. А уж за волос дёргают, а уж щекочут!

Лопнуло даже моё медвежье терпение. Заворочался я и… проснулся! Обрадовался, что во сне мне всё это приснилось. Но только лапой на боку пощупал — шерсть от страха поднялась дыбом! Да не вся шерсть поднялась. От пятки до загривка дорожка в шерсти выстрижена! Чисто — до кожи!

Прощай, медовые сны! Прощай, тёплая шуба! Добрались охотнички — с живого шкуру тянут!

Повернулся я в берлоге. И вдруг вижу — мыши! Мыши, — чтоб их хорёк съел! Разбегаются и мою шерсть клочьями в свои норы тащат! Вот кто меня стриг! Зубы-то у мышей что твоя машинка! Напугали, окаянные! Того и гляди весной из берлоги

нагишом вылезешь! Б-р-р-р!

Историю эту медведь не из лапы высосал. Это не шутка. Это правда. Учёные и охотники заметили, что лесные полёвки иногда выстригают в шерсти спящего в берлоге медведя «дорожки» и шерстью медвежьей утепляют свои гнёзда.

* * *

Мы — клеточные птицы. Мы сейчас живём в клетках у ребят. И мы жалуемся.

Нет, нет, мы жалуемся не на всех ребят, которые держат нас в клетках! Мы жалуемся только на тех, кто думает, что стоит птицу посадить в клетку, бросить ей горсть зерна, поставить баночку с водой — и достаточно: птица будет жить да радоваться.

Нет, нет и нет! Ни жить, ни радоваться у такого хозяина мы не будем. Скорее всего мы помрём.

Просим всех ребят только тогда брать нас к себе, когда у них будет для этого подходящее место, подходящие клетка и корм. Потому что больше всего мы погибаем не от «тоски по свободе», а от неумелого ухода и от не пригодного для нас корма.

* * *

Жалуемся на гололёд! Сучки и ветки покрылись ледяным чехликом. По-охотничьи — это ожеледь. Просто беда! Ножки скользят, до насекомышей не добраться. Надеемся на вас, ребята. В гололёд нам особенно дорого ваше угощение на кормовых столиках!

Синицы

* * *

На кого жаловаться — знаем, а вот кому жалобу подавать, — неизвестно!

Были мы прямые, стройные, статные, а стали кривые и горбатые. И во всём снег виноват! Без передышки сыпал два дня и две ночи. Навалился на плечи, согнул дугой и головой в сугроб окунул. Того и гляди спину переломит!

Неужели и управы на него нет? Не стоять же нам до весны вниз головой!

Молодые берёзки

От РЕДАКЦИИ. Управа на снег есть — оттепель или ветер. А пока терпите и ждите. Будет, будет ещё и оттепель и метель. Станете вы опять прямыми и стройными

Как называются?

На мою кормовую полочку прилетают три птички. Папа говорил мне, как они называются, да я забыл. Помню только, что первую птичку он назвал так же, как называют один весёлый танец, вторую — как называют разливательную ложку, а третью — именем крупы.

Вспоминаю, вспоминаю и никак не могу вспомнить!

Может, вы вспомните, ребята?

Кто они?

Папа мой на весь отпуск уезжал на охоту. Трёх зверей добыл он на охоте. У одного зверя хвост называется *труба*, у второго — *полено*, а у третьего — *цветок*.

Отгадайте: каких зверей добыл мой отец?

Почему?

У меня за окном кормовая полочка для птиц. Прилетают на неё одни воробьи. Но я их не прогоняю, я по воробьям

температуру узнаю.

Если воробьи на полочке гладенькие да аккуратные, — значит, тепло на дворе. А если взъерошенные, будто надутые, — тут уж береги уши и нос!

Я давно заметил: ударит мороз — воробьи сразу распушатся. А вот для чего, — не пойму!

Если знаете кто, — объясните.

Март

Март — месяц света и птичьих запевок. Неделю гуляла метелица — плакала, пела, сердилась.

Однажды, близко к полудню, открылась среди туч лазурная дверка и кинулся вниз светлый и тёплый луч. Он легко побежал полем к далёкому лесу.

Забежал лучик на опушку и замер… Вокруг стояли озябшие, молчаливые ёлки.

— Я Март! Я кусочек солнца, — сказал луч. — Почему не

радуетесь и молчите?

— Посмотри на нас, — скрипнула старая ель, — посмотри хорошенько. Видишь, как прижаты наши руки мёрзлым снегом?

Март глянул, и тотчас соскользнула по хвое тяжёлая навись; дрогнули, распрямились и приветливо зашелестели свободные ветви; и когда лучик убежал, они долго махали ему вслед.

В лесной глуши по кромке болота бродила большая птица. И сюда заглянул весёлый луч. Он, как фонариком, осветил глухаря и радостно крикнул:

— Я Март! Я свет и тепло! Грейся, старый, и думай о весне.

Вспыхнули сине-зелёные перья на чёрном зобу глухаря, кровью налились брови.

Щёлкнул звонко и важно пошёл, как поплыл. Потянулись длинные борозды по снегу от тугих напруженных крыльев.

А лучик Март уже далеко. Опять бежит, искрится по лесам и полям. Вот задержался в кружевных снежных пещерках у спящего ручья.

— Что спишь, ручей? Я Март! Я пришёл проведать тебя. Слушай! Скоро весна!

Сверкнули водяные капли и сбежали вниз по склону. Проснулся ручей и чуть слышно сказал первые слова привета свету и солнцу.

У колхозного амбара снегу навило вровень с крышей. В тишинке за сугробом — стайка овсянок. Поодиночке залетают в тёмную дверь амбара, дружно взлетают от каждого шороха и садятся, утопая по брюшко, на снег. На пороге крутится бойкая синица.

Добежал и сюда светлый луч. Сразу раздёрнулись тучи и открылось синее-синее небо. Повернули овсяночки жёлтые грудки к солнцу, и одна из них завела весёлую песенку:

— Синь-синь-синь! С-и-и-инь!

— Не так! Не так! — заволновалась синица. — Слушайте, как надо петь: Синий-день! Синий-день! Синий-день!..

— Узнали меня, — рассмеялся Март. — Пойте. Я у вас побуду ещё и побегу дальше.

К людям добрался луч. Тёплым светом залил новый дом, на пригорке прилепился к карнизу и разбрызгался по длинным сосулькам. В одной обернулся зелёной искоркой, в другой — оранжевой, в третьей загорелся так ослепительно, что глазами смотреть больно. Хрустнули и посыпались в снег сосульки. Зазвенела бойкая капе́ль. Прилетели к первой лужице воробьи; чирикают, купаются. Со стёкол сгинули морозные узоры, показались в окошках детские лица. Ребята хлопают в ладошки и кричат:

— Здравствуй, Март! Здравствуй, солнечный! Конец зиме!

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Сногсшибательный душ

Простаки эти голуби!

Воробьи похитрее.

Голуби честно ищут корм, а воробьи-хитрюги за ними поглядывают. Как увидят, — голуби на подоконник слетелись, толкаться начали — значит, есть пожива! Мчат сразу на землю под окно.

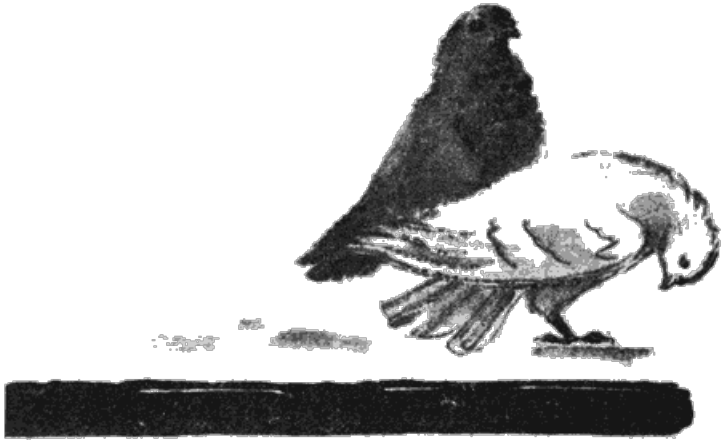
Наверху толкотня, драка: зёрна и крошки так и сыплются вниз.

Воробьи не зевают, клюют с выбором.

Вот пройдохи!

Но попали и воробьи впросак!

Видят как-то — слетелись голуби, затеяли возню. Приседают, хвосты веером, хлопают крыльями. Встряхиваются, толкаются, воркуют. Но собрались они не на подоконнике, как всегда, а внизу, на земле.



Ничего не понять!

«Нас за нос водят!» — смекнули самые стреляные воробьи. И со всех сторон скорей в голубиную толчею — шмыг, порх, скок!

Но тут одному воробью по затылку — стук!

Да так, что он носом в снег.

Второму по спине — трах!

Бряк третьему по носу. Так брызги и полетели!

— Наших бьют! — загалдели воробьи.

А кто бьёт?

Неизвестно. Голуби не бьют.

А первому снова — стук в голову!

Тут-то до него и дошло: капли бьют!

Тяжеленные капли с сосулек под крышей.

Висит высоко гроздь голубых сосулек. И с них, как из краников, капли сыплются — целый душ!

Голубям что — они большие. Толкутся себе, вертятся, купаются — рады живой воде.

А воробьишкам такой душ не под силу: того и гляди с ног собьёт и покалечит.

Давай воробьи скорей назад! Стали клювами пёрышки перебирать. Будто пересчитывают: все ли целы?

Который по носу получил — нахохлился. А поделом! Не суй нос, не спросясь. Не хитри, не изворачивайся на каждом скачке!

Вот получил — и не жалко!

Прорубь

Зимой вороны, пролетая над озером, и не подозревали, что под этой снежной поляной — вода и там, в глубине, лениво

пошевеливают плавниками сонные рыбы.

Но однажды, в марте, на белом мёртвом лице озера вдруг раскрылись живые блестящие глаза.

«Вода, — догадались вороны и решили: „Спустимся, попьём!“»

Слетели. И видят: в воде брюхом кверху плавают неподвижные рыбы.

— Вот это здóрово! Хватай да ешь!

Наелись вороны до отвала.

Потом расселись поудобнее и стали обсуждать, что произошло:

— Это сделали люди. По следам видно.

— Да, да, люди! Расколупали лёд, добрались до рыбы и давай её убивать!

— Пожадничали! Столько наубивали, что и съесть не могли.

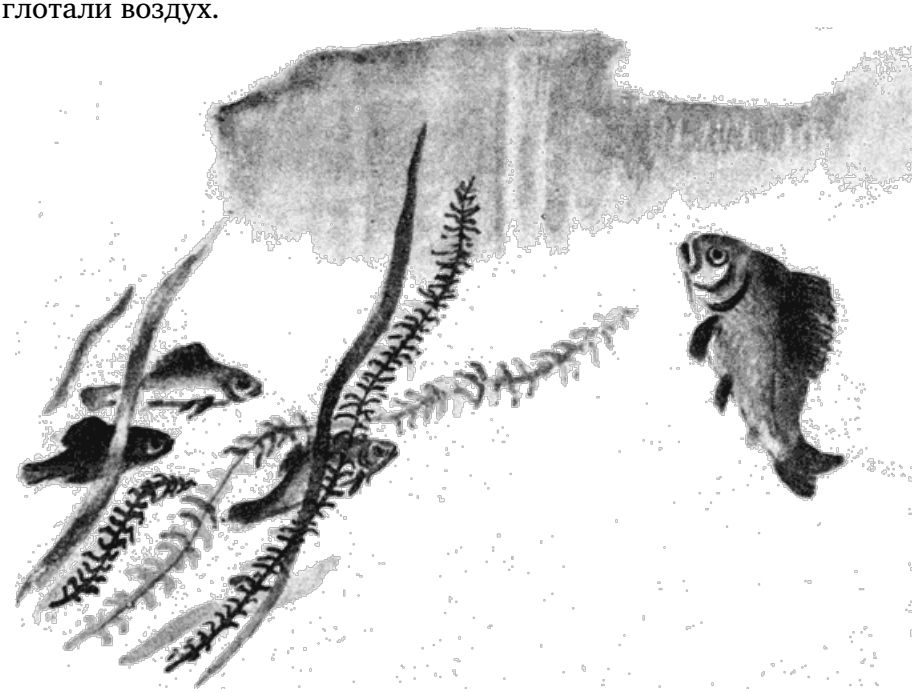
— Но как же так? Проруби появились сегодня, а рыба несвежая. Рыба погибла уже давно. Ручаюсь, что давно, ручаюсь!

— Да, да! Как же так?

Но на этот вопрос вороны ответа не нашли. С тем и полетели. И в последний раз уже сверху донеслось:

— Как же так?

Едва успели вороны скрыться, как в проруби появились юркие мелкие рыбёшки. Они плавали у самой поверхности и жадно глотали воздух.



— Ну, теперь живём! — говорили они между собой. — Есть

чем дышать, можно жить.

А свежий воздух прижимался к поверхности воды, растворялся в воде и проникал в озеро всё глубже и глубже.

Со дна поднялся старый толстый карась. Надышался вволю и сказал:

— Ух, хорошо! А ведь я чуть было не задохся. За зиму мы весь воздух из воды вытянули. Все стонут: «Воздуха, воздуха!» Ну, да ладно! Кончилось мученье.

Тут карась высунул морду из воды, глотнул воздух и сказал:

— Хорошо! Но кто же это пробил лёд? Кто узнал, — что мы погибаем? Кто догадался нас спасти?

— Наверно, вороны, — ответили рыбёшки, — их тут ужас сколько было.

Песенка за окном

Весной в лесах и полях поют мастера птичьих песен: соловьи, дрозды, жаворонки. И как поют! Соловей закроет глаза, крылышками полураспущенными трепещет, и горлышко его дрожит от трелей. А жаворонок — это звенящий весенний ручеёк, песенка на крыльях!

Все слушают их затаив дыхание.

Я знаю много птичьих песен. Услышу и — будь то в лесу или в поле — сразу угадаю, какая птица поёт. Но один раз не угадал. Да ещё и где? В городе, где и птиц-то почти нет.

Проснулся я рано-рано. Вставать не хочется: всю ночь лил дождь, к утру подморозило — холодно. Вдруг слышу: за окном птичка какая-то завозилась в кустах. Потом голосок подала. Тихий голосок, но такой приятный, будто две хрусталинки ударились друг о друга. А потом просто по-воробьиному: «Чив! чив!»

Диво!

Хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой!

Да всё горячей, всё быстрей, всё звонче!

Перебрал я в памяти все знакомые птичьи песни — нет, не слыхал такой никогда.

А птичка-невидимка не унимается: хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой!

Тут уж и из-под тёплого одеяла вылезешь! Отдёрнул я занавеску и вижу: сидит на кусту обыкновенный воробей! И даже не один, а два.

Один — самочка — спокойно сидит и пёрышки чистит. А второму — самчику — не сидится. Он чирикает во всё горло и, как заводной, скачет вокруг с ветки на ветку, как со ступеньки на ступеньку. Тоненькие веточки бьются одна о другую и звенят хрусталинками. Потому звенят, что дождевая вода замёрзла на них тоненькими сосульками.

«Чив!» — воробей, «дзень!» — сосулька.

И так это выходит хорошо и здо́рово, ей-ей, не хуже, чем у знаменитых певцов — соловьёв и жаворонков.

Ворон и Ворона

Промышляла ворона на задворках. Клевала не клевала, а новостей понаслышалась. Про то, про сё и даже про погоду. Предсказание погоды передавалось по радио: будет днём оттепель, а ночью — мороз. Обрадовалась ворона: «Вот лесных жителей удивлю! Одичали они совсем в лесу-то; небось, и ухом не ведут и в ус не дуют. По всему лесу вести о погоде разнесу. Предсказание не мышь, из клюва выпустить не жалко».

Прилетела ворона к лосям.

— Эй вы, горбоносые! Как живёте-поживаете?

— Ничего себе живём, смирно. Кору гложем, веточки обкусываем. Да ты не очень-то каркай, неровен час волки услышат!

— Да как же мне не каркать? Слышали последнюю новость: днём оттепель, ночью мороз — наст — снежная корка будет!

— Ну и ну-у! Вот беда! Нам по насту вот как плохо ходить: и шуму много, и ноги в кровь порежем. Как бы волки ещё про нас не пронюхали, — загонят. Их-то наст хорошо держит. Ох, нос и уши, — становитесь на караул!

А ворона со всех крыльев дальше. К тетеревам прилетела. Расселись тетерева на берёзах, почки склёвывают, помалкивают.

— Эй, краснобровые! Ночью снег настом покроется. По радио передавали.

— Ко-ко-ко! А ты не врёш-шь?

— Сама, небось, слышала!

— Плохо наш-ше дело! Нельзя нам сегодня под снегом ночевать, а то утром голову о наст разобьёшь! Или вовсе из-под снега не вылезешь! Спасибо, ворона, за предупреждение.

Полетела ворона в поле. Рассказала про наст серой куропатке. Та так и запричитала:

— Чрк! Чрк, чрк! Да как же я теперь до земли, до зелёной докопаюсь? Да я же ножки о наст порежу! Да что же я клевать-то буду? Пропала моя серая головушка! Полечу в деревню, может, на задворках чем разживусь.

— Карр! Кр-расота! — радуется ворона. — По всему лесу обо мне толк пойдёт — ворона, мол, самая толковая птица!

Тут видит ворона — ворон летит навстречу.

— Кар! Куманёк, слышал новость? Наст ночью будет.

— Кро! Кро! Хор-рошая новость. Глядишь, волки лосей по насту загонят — и нам свежатинки перепадёт. Или тетерева из-под наста не выберутся — тоже стоящее угощение. А то куропатки с голоду ослабеют — нам лёгкая добыча. А ты гляди, по всему лесу-то не раскаркивай об этом.

Прикусила тут ворона язык, да поздно.

— Поздно, куманёк, — раскаркала я уже! Все знают: и лоси, и тетерева, и куропатки.

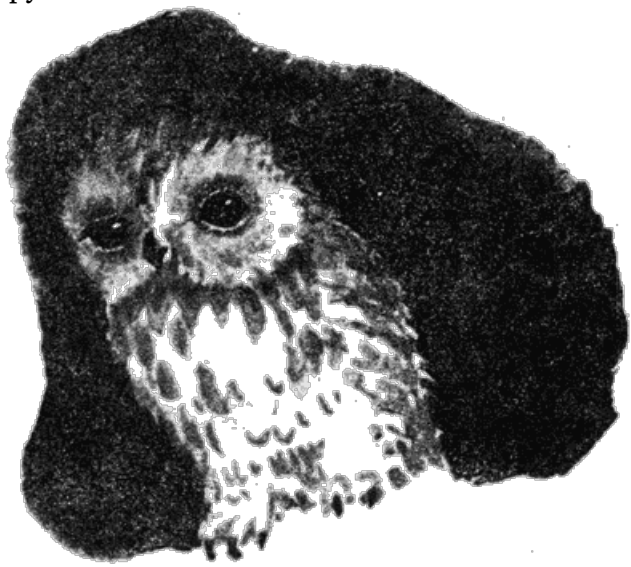
Эх, ворона ты ворона!

Дупла

Каждое дупло в лесу — загадка. В каждом дупле кто-то жил или кто-то живёт. Раздолье следопыту! По пёрышкам, по шерстинкам, по остаткам еды, по следам у дерева разгадает он дупляного жителя.

Бывают дупла-ночлежки. В них ночуют белки, синицы, дятлы.

Или днюет круглоглазый сыч.



Бывают дупла-кладовые. В них белка прячет орехи. Сойка сунет в дупло жёлудь или кисть рябины. Лесная разбойница куница положит про запас лапку тетерева, лесную мышь. Или сыч сделает запас — сложит кучкой синичек, корольков, полёвок.

Бывают дупла-спальни. В них всю зиму спят летучие мыши. Они висят вниз головой, прицепившись коготками задних лапок за выступы дупла. Всю зиму они ничего не едят и не пьют. У них зимняя спячка.

Дупла бывают одноэтажные и многоэтажные. Внизу, в первом этаже, жил дятел. Дятла сменили синицы. Синиц — белка-летяга. Летягу — мухоловки. Подстилки накопились — из дупла торчат!

И бывают дупла-могилы. Вытащишь дупляную труху, а в ней птичьи косточки, перья. От ран, от голода и холода или просто от старости ослабла птичка, забилась в дупло, да там и кончила свою птичью жизнь.

Сколько дупел — столько загадок. Какое найдём дупло мы, — неизвестно. Может, такое, какое ещё никто не находил!

Овсянка

Встретились два друга: Сашка и Матвей. Сашка сказал:

— А у меня дома овсянка!

Подумаешь, — сказал Матвей, — у меня дома тоже овсянка.

— Люблю я овсянку! — добавил Сашка.

— И я люблю! — сказал Матвей.

— Она жёлтая, красивая такая!

— И вкусная. Особенно с молоком!

— Как это — вкусная? Как это — с молоком? — удивился Сашка.

— Да так. А ещё хороша с маслом или с сахарным песком.

— Да ты про что говоришь?! — всплеснул руками Сашка.

— Как это — про что? Про овсянку! — ответил Матвей.

— Про какую овсянку?

— Про обыкновенную овсянку. А ты про какую?

— И я про обыкновенную. Про ту, что в нашем саду жила и песни пела.

— Каша песни пела?! — изумился Матвей.

— Какая каша? Не каша, а птица. Птица ов-сян-ка! Не слыхал про такую, что ли? — рассердился Сашка и добавил: — Айда ко мне — мою овсянку слушать!

— Айда! — согласился Матвей. — А потом ко мне — мою овсянку кушать!

И друзья побежали.

О вкусах не спорят

На мой вкус нет ничего вкуснее конфет «Мишка». А на вкус мишки косолапого нет ничего вкуснее мёда. На вкус и цвет товарища нет. Одному подавай преснее, другому — солонее. Кому вершки, кому корешки. А кому кое-что и похуже.

Есть насекомые, которые всю жизнь питаются перьями и волосами. Такие есть, которым давай рог, пробку, вату. А то и промокательную бумагу, да ещё облитую чернилами. Представляете: на первое суп из ваты, а на второе — кашка из промокашки! Но это всё насекомыши — что с них взять!

А вот слон. Забыли однажды у слона в клетке метлу, слон метлу взял и… съел. А потом закусил деревянной лестницей, которую позабыли монтёры.

Всех перещеголяла акула. Один бывалый водолаз рассказал: «Поймали мы акулу. Из акульего брюха вытащили… швабру, полмешка картошки, матросские парусиновые штаны, ногу козлёнка с копытцем и шерстью. А ещё нашли кусок колбасы, краба и облепленный жиром амбарный замок!»

Можно много перечислить подобных «вкусных» блюд. Вам, может, и хотелось бы о них послушать. Но на мой вкус — хватит.

А о вкусах не спорят!

Птицы над городом

У нас в Ленинграде грязный снег убирают с улиц самосвалами. Наполнят машины и везут на Неву или, там, Невку, — куда ближе, — сваливают в реку. А на окраине — в залив. Весной начнётся ледоход, — весь мусор и уплывёт на льдинах в море.

Нева ещё не вскрылась, а один ленинградский охотник — смотрим — уже строит себе шалаш в кустах у самого берега на взморье.

— Славно, — говорит, — думаю тут поохотиться с чучелами на уток.

Мы над ним посмеялись:

— Не рано ли собрался?

— Какое там рано, — говорит. — Солнце уже вон как греет!

И верно: чистый снег ещё держит, не поддаётся, отблёскивает от себя солнечный свет, — а на свалке, где грязь да мусор, уже весь разрыхлился, растаял. Не успели мы оглянуться — у берега, против охотничьего шалаша, большая полынья вытаяла.

Летят к нам на родину перелётные птицы. Летят чайки, летят утки-нырки и другие водоплавающие… Смотрят с высоты, — где бы на воду присесть, где бы отдохнуть-посидеть, рыбкой подкрепиться? Негде пристать: все озёра, все реки ещё подо льдом.

Но вот птицы над нашим городом, над Ленинградом. За ним — на взморье — гуляет у берега открытая вода, поблёскивает усталым путникам посадочная полынья. И вереницей плывут по ней нырки и другие утки. Радость!

Быстрыми взмахами крыльев снижаются к воде белые чайки, носятся-кружатся над полыньёй, то тут, то там выхватывают из воды серебристых мальков. Стайка чёрно-белых нырков-гоголей, кучка острохвостых морянок с разлёту плюхается в полынью. А вот привлечённые открытой водой поло́го идут из-под облаков, медленно снижаются большие белоснежные птицы. Это лебеди. Их семнадцать — целый хоровод. Медленно поднимая и опуская громадные крылья, они делают широкий круг над полыньёй, потом круг поуже и, не заметив ничего подозрительного, тяжело опускаются на воду.

Что ж не стреляет охотник?

Тихо опускает он двустволку и восхищёнными глазами следит, с какой величественной грацией касаются птицы-великаны жёлтыми ногами ясного зеркала воды и, отражаясь в нём, складывают на спине усталые крылья. Все как один высоко поднимают прямые шеи, внимательно озираются: не покажется ли на берегу человек с ружьём?

Нет, он притаился в шалаше, совсем близко от усталых путников, но он и не думает в них стрелять: слишком прекрасны эти сказочные птицы, и они под охраной закона. Не каждому выпадает на долю так спокойно созерцать эту красоту. Охотник с благоговением следит за плавными движениями белоснежного хоровода и чувствует себя в театре на знаменитом балете. Какая добыча может так щедро вознаградить его за счастливую выдумку — заблаговременно поставить свой шалаш в том месте, куда прилетят отдыхать и купаться прекрасные лебеди!

Сонное соревнование

В самом начале зимы поспорили, *кто дольше проспит*, четыре зверя: медведь, барсук, летучая мышь — ушан и мышь-малютка. Условие было: *спать без просыпу*, а кто проснётся, вылезет из своего логова, — тому засчитывается поражение.

Хотя зима ещё далеко не кончилась, но можно уже подвести предварительные итоги этого соревнования.

Зима нынче бедная крепкими морозами, — то и дело оттепели.

Барсук не выдержал первый: как зачуял тепло, сразу вылез из своей глубокой норы. И теперь уж ему сон не в сон: как оттепель, так он час-другой гуляет по лесу. Барсук исключён из числа участников сонного соревнования.

Мышь-малютка тоже, оказывается, не раз просыпалась у себя в гнезде на можжевеловом кусте и тихонько бегала закусывать в свою подземную норку-кладовую. Подкрепится — и опять в тёплое гнёздышко — досыпать.

Такого уговора не было. Спать так спать! И мышку тоже исключили.

Ушану — летучей мыши, наверно, удалось бы выиграть

состязание на продолжительность сна, проспать всю зиму кверх ногами в своём дупле. Да какой-то шутник заметил дупло и дунул в него дымом от папиросы: не обнаружится ли там кто-нибудь? Ведь по старинной поговорке: «Из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам сатана!» Никакой «сатаны» в дупле, конечно, не оказалось. А наш ушатик, как попал ему дым в нос, решил: «Пожар!» Запищал со страху и — вон из дупла!

Хорошо, поблизости от того дерева оказалась пещера в крутом обрыве речного берега: ушан перелетел туда. Прицепился там коготками ног к потолку, завернулся, как в плащ, в свои крылья и — будь здоров! — опять спит. Но всё равно: раз уж перелетел в другое место, хоть и не по своей вине, прежний сон не в зачёт. Считается — проиграл ушан…

Остался один **медведь**. Этот, как залег в берлогу под корнями вывороченной ели, так до сих пор и спит там, — ни разу с боку на бок не перевалился! Так и будет спать все сто дней подряд, пока солнышко не растопит над ним снег и не пустит ледяной струйки ему под бок.

Тогда медведь проснётся, вскочит, встряхнётся — и узнает, что он — чемпион сна!

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Дуб и Верба

— Послушай, Дубочек… Я проснулась и не понимаю — сейчас весна?

— Конечно, Вербочка, весна. Ранняя, но весна…

— А почему же ты стоишь в жёлтых листьях, как осенью?

— Ты ещё махонькая, оттого и не знаешь… Я не простой дуб, я — зимний. На зиму листья не сбрасываю, в золотой шубе красуюсь. А листопад у меня — весной…

— Ну, как неинтересно! Все весной одеваются, а ты раздеваешься. Будешь голышом стоять.

— Нет, не буду. Старые листья-то падают потому, что новые почки под ними разбухать начинают, места себе требуют. Скину я прошлогоднюю шубу и свежей зеленью оденусь. Хоть я и зимний, а весны тоже не пропущу!

Заяц и Снегирь

— Заяц белый, куда бегал?

— На деревню.

— Для чего?

— Клочок сена подобрать, зеленя пощипать, кочерыжечку капустную в огороде найти.

— И нашёл?

— Как не так! Сено всё под замком, зеленя под снежком, а в огороде собаки брехучие!

— А теперь ты куда?

— Осинку глодать.

— Да она, поди, горькая?

— Сладкая! Вчера не поел, сегодня не ел, — куда как сладка осинка покажется!

Дятел и Синица

— Не долби, Дятел, у клёна макушечку! Клён молодой, здоровенький, никаких букашек нету под корой!

— А я вовсе не букашек ловлю. Глянь-ка…

— Ой, из дырочки сок выступает!

— Вот-вот. Из-за сока-то я и стараюсь. Угостись-ка; знаешь, как вкусно? Нас, дятлов, дерево не только кормит, но и вешним соком поит. Сла-аденьким!

Крапивница и Муха

— Пусти, Муха, пусти, негодная! Тут на брёвнышке моё место, я сама хочу на солнышке греться!

— Кто ты такая, чтоб тебя пустить?

— Бабочка я. Крапивница. Не тебе, Мухе, чета!

— Ну и лети себе в крапиву.

— Где крапива, когда ещё снег кругом?!

— А мне какое дело! Это мой дом, моя стенка, моё тёплое брёвнышко. Я ещё осенью сюда забралась, всю зиму проспала в щёлочке под окошком.

— И я спала в щёлочке под окошком! Ты с какой стороны?

— С левой.

— А я с правой. Я тоже здешняя!..

— Ну, тогда садись рядышком. Вместе зиму коротали, вместе на весеннем припёке погреемся! Чай, соседи!

* * *

У нас в лесу раскрыто преступление!

В дупле дерева найдено 17 трупиков: 3 синички-гаечки, 2 королька, синичка лазоревка, пищуха, 3 рыжих полёвки и 7 землероек.

Убийца разоблачён. Это был воробьиный сыч. Птичек и зверьков он убил и спрятал в дупле про запас.

Когда мы обнаружили страшное дупло и подняли крик, сыч спокойно смотрел на нас и хлопал своими бесстыжими глазами. Умеет прикинуться тихоней!

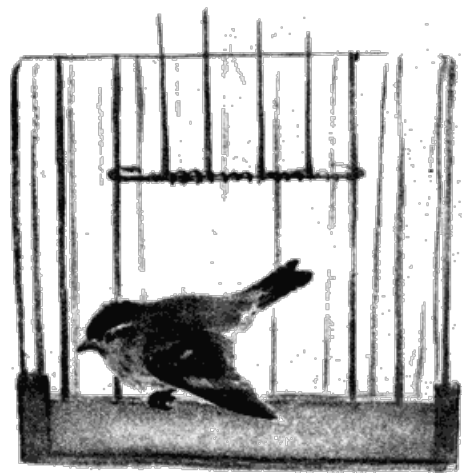
Ну пусть мышей ловит — они лесу вредят, но нас-то, птиц, за что?

Мелкие лесные птицы

* * *

Дорогая редакция, спаси нас от слишком жалостливых и любящих нас людей!

Пригрело солнце, набухли почки, в воздухе запахло весной. Наши хозяева вдруг стали жалеть, что мы томимся в клетках. Открывают форточки, открывают клетки — летите, милые птицы, на свободу!



А что нам сейчас на свободе кушать?

Зимующие птицы поклевали все зимние корма — ягоды и семена. А летних кормов — жуков, пауков, мух, гусениц — ещё нет. Да и холодина на дворе, а мы к теплу привыкли.

Пусть уж потерпят со своей добротой до мая!

Зяблики, варакушки, славки, пеночки, жаворонки, скворцы, дрозды, чечевицы, дубоносы, зеленушки

В марте портится санная дорога. В марте начинают таять снега и появляется первая живая вода.

Все перемены в марте связаны со снегом.

И потому наши мартовские загадки тоже про снег.

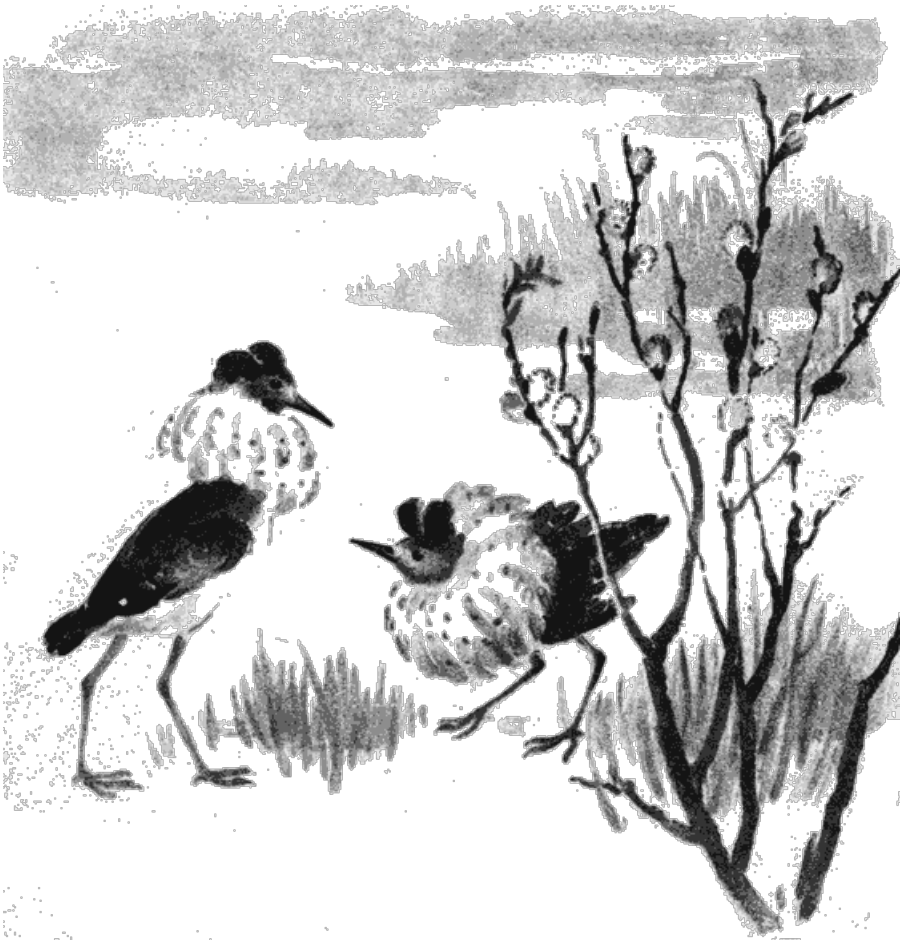
ГДЕ БЫСТРЕЕ ТАЕТ СНЕГ — В ПОЛЕ ИЛИ В ЛЕСУ? ПОЧЕМУ В ГОРОДЕ СНЕГ ТАЕТ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ЗА ГОРОДОМ?

ПОЧЕМУ В МАРТЕ ВОКРУГ ДЕРЕВЬЕВ И СТОЛБОВ ОБРАЗУЮТСЯ ВОРОНКИ?

ГДЕ ЛЕЖИТ ЗИМОЙ ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ?

Апрель

АПРЕЛЬ



Апрель — второй месяц весны. Месяц тающего снега, говорливой воды, новых птичьих песен.

В лесу по ночам гремит под лыжами прочный наст. Днём хвойные иглы, веточки, обрывки коры, сброшенные ветром с деревьев, лежат каждая в своей луночке, наполненной прозрачной водой.

В яркий апрельский полдень бежит вода по остекленевшей пашне вниз к ложбинке, в овраг, к речке, на лёд.

Верховодка! Бурливая и всегда неожиданная, она устремится вниз легко, смывая снег и нахоженные за зиму дороги и тропы.

В апреле выходят из берлог медведи, вылезают из нор барсуки.

Апрель — месяц токо́в. Гремят крыльями и громко воркуют над последними островами снежной крупки синепёрые косачи. Вкрадчиво и неустанно шелестит в вершинах сосен глухариная песня. Подняв клюв и опустив крылья, танцуют на моховом

болоте журавли. Распушив пёстрые воротнички, вновь и вновь сходятся турухтаны. Скоро по всему земному простору — и в лесах, и в полях, и над вешними разливами — зазвенят песни весны, привета родному краю.

Тысячи тысяч крылатых путников уже в пути — летят домой с юга. Грачи уже прилетели, но не они запевалы птичьего хора. Главный в этом деле — жаворонок. Он появится на днях, ему немного нужно — только вытаявший на поле бугорок, покрытый прошлогодней травой. Утром, отдохнув, жаворонок забудет про студёную ночку и взлетит над белыми ещё полями. Купаясь в тёплых лучах, он прославит знакомой песенкой радость жизни, весну и несравненную красоту родной земли. Каждый, кто услышит его, поднимет голову и скажет:

— Жаворонки прилетели. Весна!

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Про жаворонков

— Здравствуйте!.. Я — Юлия из кружка юннатов… По-настоящему, моё имя Юлия, но все в кружке́ меня зовут Юлькой, а почему?

Вы, наверно, и не знаете, какие у нас есть жаворонки!

Во-первых, наш зимний жаворонок — *рюм*. Он рогатенький. Спинка пёстренькая, грудка белая с чёрным галстуком и чёрная, с

острыми чёрными рожками шапочка. Он бегает по земле и поёт свою коротенькую звонкую песенку: «Ди-ди-ди-ди-диии!» А может быть, и не так: я его никогда не видела и не слышала. Ведь он поёт летом, когда у него гнездо. А гнёзда у них на дальнем севере. У нас он только пролётом бывает. У нас во всём кружке никто его не встречал. Это *тундряной жаворонок*.

Вот *полевого жаворонка* все знают. Он такой знаменитый, что про него даже композитор Глинка написал: «…не видать певца полей, где поёт так звонко…» Это потому, что он всегда поёт на лету, высоко-высоко в воздухе. Все, наверно, видели? В День птиц ещё из теста жаворонки пекут, с изюминками вместо глаз, — очень вкусные! Знаете? Ну, вот эти жаворонки, конечно, ничуть не похожи на настоящих, на живых. Совсем наоборот.

Есть ещё другой полевой жаворонок: *хохлатый*. У него хохолок из перьев на голове поднимается. Но этот редко встречается у нас и поёт куда хуже, вполголоса. Я раз только его и видела, — как он пел на крыше сарая. А вот есть ещё один у нас — *лесной жаворонок*. Вот это певец, так певец! Лучше всех! Совсем точно маленькая живая флейта!

Вот поедете за город, — обязательно постарайтесь познакомиться с ним, обязательно! Сейчас он поёт целыми днями. Да что я: даже ночами! Ночи-то светлые у нас сейчас.

Живут лесные жаворонки по вырубкам, по опушкам сухих боров, где песочек и вереск. Они меньше полевых жаворонков, короткохвостенькие и взъерошенные: пёрышки на голове часто поднимают дыбом. А уж по голосу сразу узнаете — чистая флейточка, ну красота и красота! И поёт, обычно, сидя на ветке. Сперва будто там сам себя робко уговаривает: «Юли-юли-юли-юли!»

Потом радостно: «Юлю-юлю-юлю-юлю-юлю!»

Нежным таким, круглым голоском — сверху вниз:

— Юли-юли-юли-юли-юлю-юлю-юлю-юлю-юлю-юлит!

Ах, какая красота! Услышите, — никогда не забудете!

Вот, все меня зовут Юлькой. А я и не думаю обижаться: ведь юлой зовут и любимого моего лесного жаворонка!

Апрельские шутки

Любит пошутить этот Апрель. Взял нынче и прикинулся на первое апреля зимой. Снегу высыпал, морозом ударил.

Скворцы и грачи, что с юга уже прилетели, испугались. Плохо

дело — надо назад заворачивать.

Услыхал про то Апрель и перетрусил. «Что ж я, — думает, — за Апрель, что за весенний месяц, коли всех птиц разогнал?»

Давай кричать:

— Эй, птицы перелётные! Не бойтесь, не улетайте! Я пошутил. Я вас просто с первым апреля надул! Я весенний, не зимний! Сейчас снегопад остановлю, морозы прогоню. Потом за снега возьмусь, потерпите!

Легко сказать — потерпите. А есть что?

Но, спасибо, ребята выручили. И крошек насыпали, и не пугали. А ослабевших птиц даже домой забрали — накормили, обогрели и пообещали выпустить, как только Апрель слово своё сдержит.

Ой, не твёрдое апрельское слово!

Не серьёзный это месяц, весенний. Всё бы ему шутить да обманывать. Не только на первое апреля может обмануть, но даже и на пятнадцатое, а то и на двадцатое. Ему шутки, а лесным птицам и зверям — горе.

Но юннаты знают своё дело!

Скворечники и дуплянки уже развесили. Голодных подкормят, замёрзших обогреют, слабых поддержат. Тех, кто к человеческому жилью в непогоду жмётся, — не пугают, не обижают. Сами доброе дело делают и других ребят учат.

Апрель тоже не одни шутки шутит, но и дело делает. Снега растопляет, льды взламывает, землю прогревает. Большое дело делает. Нешуточное. Слово своё держит.

О чём говорили ветерок с ручейком

В солнечный весенний день ветерок прилетел к своему другу — ручейку.

Ветерок. Здравствуй, ручеёк! Веселишься, сверкаешь? Ещё бы не сверкать: апрель, весна!

Ручеёк. Как хорошо сейчас струиться и журчать! Люблю весну! Весной воды так много!

Ветерок. Любить-то любишь, а, наверно, ничем ей не помогаешь. А я вот помогаю: цветы опыляю. Мои цветы уже распустились.

Ручеёк. Твои цветы? А где они растут?

Ветерок. На ветках. Сейчас цветут деревья и кусты — ольха и орешник.

Ручеёк. Я их знаю: у них уж с осени на веточках висюльки. Чуть стает снег, висюльки подрастут и свесятся пушистыми хвостами. Я отражаю их в своей воде. Порой они висят спокойно, порой качаются и курятся дымком.

Ветерок. Это я их качаю. Как налечу, всё дерево задымит. А я подхвачу этот жёлтый дым и унесу с собой. Как хорошо сейчас летать по лесу! Листьев нет! Проскользнёшь между прутьями и летишь, летишь, как в поле!

Ручеёк. Счастливый! Ты летаешь на свободе! Не то, что я, зажатый в берегах.

Ну, а куда же ты несёшь пыльцу деревьев?

Ветерок. С ольхи — на другую ольху, с одного куста орешника — на другой. А когда опылю, цветки ольхи превратятся в шишечки с семенами, а цветы орешника — в орехи.

Ручеёк. Я знаю это чудо: сперва — цветы, а после — семена.

Да, ветерок, твои цветы милы, но издали их просто не заметишь! Приятнее цветы поярче, понарядней. К таким и бабочки, и пчёлы прилетят.

Ветерок. Это верно, но много ли сейчас таких цветов?

Ручеёк. А всё же есть. Недавно расцвели. Вон там, на берегу, за первым поворотом. Они, как солнышко, лучисты и круглы.

Ещё когда на солнечном припёке не начал таять снег, они уже проснулись. Они росли под снегом плотной кучкой круглоголовых бледных стебельков. И снег от их тепла подтаивал, и делалась пещерка.

Сквозь тонкий потолок пещерки на стебельки заглядывало солнце.

Сейчас растаял снег, цветочные головки распустились, и

засияли жёлтые цветы.

Ветерок. Да, вижу и знаю, что это такое — мать-и-мачеха. У неё, как у моих деревьев, листьев ещё нет, а уже цветёт.

Ты прав, — это чудесные цветы. Ведь это же золотые монетки самой весны. Я видел сам, как они посыпались из её разорванного кармана, когда она спускалась в овраг. Сыпались, когда весна проходила по пустырям, сыпались, когда она поднималась на насыпи.

Упав на землю, они оживали, но продолжали сиять, как золотые. Как они украсили все эти скучные, бесплодные места!

Ручеёк. Ты много видишь, над землёй летая!

Ветерок. Всё вижу! Ну, и заболтался же я, однако, с тобою, ручеёк! Лечу! Хочу погонять по небу вон те толстые ленивые весенние облака. Прощай!

Ручеёк. Прощай! Не забывай, почаще прилетай. С тобою так приятно поболтать!

Гости Берёзы

Весной Берёза пиво варила, гостей поджидала.

Бродят под корой у Берёзы сладкие соки, на весеннем запахе настаиваются, вытекают наружу из трещинки — пенятся…

Стали собираться гости к белой Берёзе.

Приполз младший лесной брат — Муравьишка.

— Угостят ли меня?

Шелохнула Берёза ветками, спрашивает:

— А ты где был, что делал, пока я пиво варила?

— Работал я, — отвечает Муравьишка. — У нас, у Муравьёв, куда как много работы! Мы лес очищаем, насекомышей вредных в муравейник волокём, деревья бережём.

— Ну, коли так, — говорит Берёза, — угощайся, младшенький!

И напоила Муравьишку сладким соком.

А тут ещё гость жалует, средний лесной брат — Крот.

— Угостят ли меня?

Качнула Берёза ветками, спрашивает:

— А ты где был, что делал, пока я пиво варила?

— Землю пахал, — отвечает Крот. — На поляне за зиму сколько всяких семян скопилось: и твои, Берёза, и ольховые, и осиновые. На мягкой земельке теперь скоро взойдут!

— Ну, коли так, — говорит Берёза, — угощайся, средненький!

И Крота напоила сладким соком.

Глядь — ещё гость плетётся, старший лесной брат — Медведь.

— Угостят ли меня?

Зашуршала Берёза ветками, спрашивает?

— А ты где был, что делал, пока я пиво варила?

— Да чего. — говорит Медведь. — Я это… того… спал. Только что проснулся. А сладенького-то больно хочется, всю зиму не пробовал…

— Ну, коли так, — говорит Берёза, — угощайся, старшой.

И Медведя сладким соком угостила.

А тут ещё гость прискакал, не сват, не брат — лесная Мышь с жёлтым горлом.

— Меня-то угостят?

Загудела Берёза ветками, спрашивает:

— А ты где была, что делала, пока я пиво варила?

— Я зубы точила! — отвечает Мышь. — По лесу бродила, поживы искала. Попадётся семечко — я его на зуб, жёлудь попадётся — и его на зуб, всё грызу подчистую!

Рассердилась Берёза.

— Ах, так! — говорит. — Получай тогда берёзовой каши! Да как стеганёт веткой!

Лесная Мышь еле ноги унесла.

Зяблик с колечком

Это сказка не сказка, а так — присказка.

Поймали мы Зяблика. И сказал нам Зяблик человеческим голосом:

— Отпустите, люди добрые! Я что хотите для вас сделаю!

Мы и говорим:

— Расскажи-ка ты нам, Зяблик, как ты с юга в наш лес прилетел? Правду расскажешь, не соврёшь — клетку откроем.

Пискнул Зяблик и начал:

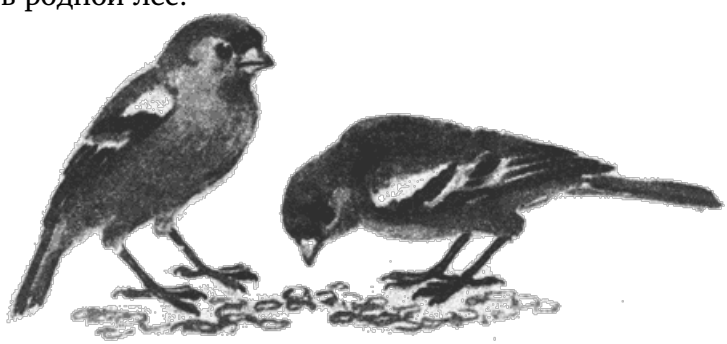
— Мы, зяблики, стайками летим. Первыми зяблики-мужички летят, место для гнезда занимать. Займут место и петь начнут; тут уж к ним не суйся, побьют!

Недельку позже зябличихи появятся, на готовенькие места.

Достаётся нам, передовым, на перелёте! Хоть и зяблики мы, но не холод нам страшен, а голод. Спасибо, из еловых да сосновых шишек семена высыпаются; спасибо, сорняки на полях да на огородах. Видите, ножки мои в грязи? Это я в грязи на поле зёрна выбирал.

Летим мы утром и вечером, днём отдыхаем. А позади нас ястребы-перепелятники летят. Кто ослаб, заболел или отстал, того ни мы, ни зябличихи никогда больше не увидят. Да и здоровым от них достаётся. Вот так и летим: в холоде, голоде и страхе!

А тут ещё вы, люди, со своими ловушками. Отпустите, люди добрые, в родной лес!



Пришлось отпустить: правду рассказал, ничего не выдумал. На прощанье колечко с номером на лапку ему надели. Встретите такого — нам сообщите. Мы его опять расспросим: где был, куда летал? Окольцованные птицы — мастера о перелётах рассказывать.

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Рысь и Белка

— Рысь, а Рысь! У Коровы длинный хвост, у Лисицы длинный хвост, и у меня, Белки, длинный хвост. А у тебя почему коротенький?

— У Коровы хвост для чего?

— Мух отгонять.

— У Лисицы хвост для чего?

— Следы заметать.

— У тебя, Белки, хвост для чего?

— На лету подруливать.

— То-то и есть… А я мух не боюсь, — у меня шерсть густая. Следов заметать не хочу, — меня и так не трогают. С дерева на дерево я не летаю, — тяжела. Вот мне длинный хвост и без надобности!

— Тогда совсем надо хвост — долой!

— А для красы-то чего же останется?

Ворон и Заяц

— Эй, Ворона!

— Ты меня, косой, что ли?

— Тебя!

— Так я не ворона, а Ворон! Не видишь, что ли? Ворона серая, а я чёрный, ворона кричит «кра», а я кричу «кру», ворона деревенская, а я птица лесная, дикая!

— Подумаешь, много разницы!

— Если мало, так я ещё скажу: ворона что ни попадя клюёт, а я только мясо. Птичек, бывает, ловлю, зверюшек и вот таких зайцев, как ты!

— Ой-ой, не буду больше, дяденька Ворон! Всё уже понял!

— Сиди, не бойсь… Я тебя, Зяблик, не трону. Я тебя спросить хочу.

— О чём, Филин?

— Обида у меня. Ну, понимаешь, весна пришла… Радостно! Все птицы петь взялись. И всем эти песни по душе. И синиц хвалят за пенье, и овсянок, и тебя.

— А что — у меня песенка хорошая!

— Пускай хорошая. Но ведь и я запел, и я стараюсь. А меня слушать не хотят. Бегут, понимаешь, кто куда…

— А какая у тебя песенка?

— Замечательная! Вот послушай: пу-гу! пу-гу! пу-гу! пу-гу!.. Стой, куда ты?.. И этот удрал. И чем моя песня не нравится?

Телеграмма от первых прилётных птиц

Мы пролетели тысячи километров — и вот мы на родине.

Но вдруг вчера вернулась зима, посыпал снег, задул ледяной ветер. Мы все, конечно, перелетели к человеческому жилью. Не потому, что ждали от людей помощи, а потому, что у жилья легче прокормиться.

А что, если бы люди взяли да и помогли нам? Пусть насыпают на кормовые полочки в непогоду муравьиные яйца, мучных червей, коноплю. Если не от людей, то от кого же нам ещё ждать помощи? А мы летом отпоём и отработаем.

Скворцы, жаворонки, зарянки, трясогузки

Голоса из-под воды

Нам пока можно бы и не жаловаться. Мы пока ещё под водой. Но мы жалуемся, потому что не век же нам под водой сидеть, скоро и на сушу выбираться. А уж мы знаем, как на сушу выберешься, так и пожаловаться не успеешь — сразу лапки врозь! Лучше уж сейчас жалобу заявить.

Жалуемся мы на рогаточников. Видно, птиц они всех перебили, так за нас принялись. Бродят по берегам рек, болот, озёр и портят нам жизнь. Каждую весну бродят. Носа из воды высунуть нельзя: сразу между глаз залепят! Убьют и на рогатке зарубку сделают: моя очередная победа. А за что? За то, что мы людям пользу приносим, комаров и других вредных насекомышей поедаем.

Скажите этим ребятам что-нибудь! Сами-то мы не умеем. Мы только квакаем.

Лягушки

Предлагаем ребятам дружбу

Мы, дикие, предлагаем стать ручными и жить в ваших садах и парках.

Мы, певчие птицы, будем петь для вас весёлые песни!

Мы, белки, будем показывать вам акробатические номера!

Мы, ласки и горностаи, будем ловко ловить мышей и крыс!

Мы, дикие утки, выведем своих утят на парковых прудах и озёрах!

Мы, лягушки и жабы, позабавим вас смешными прыжками и можем даже спеть вам!

Вам будет интересно и весело! Вашим садам и паркам полезно.

Только приготовьте для нас жильё! Угощайте нас вкусненьким — мы не откажемся! А главное, — не пугайте нас, не гоняйте, не обижайте! И тогда — вот вам на дружбу наши лапки! Дружба, дружба, дружба!

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ
ИЩЕМ НА ЛЕТО ОДНОЭТАЖНЫЙ ОСОБНЯЧОК — СКВОРЕЧНИК. ЖЕЛАТЕЛЬНО С ОКОНЦЕМ НА СОЛНЕЧНУЮ СТОРОНУ. ВАННАЯ, ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТОПЛЕНИЕ, МУСОРОПРОВОД – НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ. ГЛАВНОЕ – НЕ ПРОТЕКАЛА БЫ КРЫША!
Меняю город на деревню. Пришла пора подумать о гнезде. А в городе и городским воробьям свободной жилплощади не хватает! Воробьёв-Деревенский
ПРОДАЮ БЕЛЫЕ МЕХОВЫЕ БОТИКИ ДЛЯ ЗИМЫ, ПОКУПАЮ БОСОНОЖКИ ДЛЯ ЛЕТА
Курепатка Белая
МЕНЯЮ „КУЗНИЦУ" НА „БАРАБАН"
Дятлов
СРОЧНО
требуется строительный материал!
СОЛОМА, КОНСКИЙ ВОЛОС, ПУХ И ПЕРЬЯ.
ЗВОНИТЕ... НЕТ, ЛУЧШЕ НЕ ЗВОНИТЕ, А ПОМОГАЙТЕ!
Галкины, Воробьёвы, Голубевы

Куда смотреть и что слушать?

С каждым днём теперь в освобождающемся от снега лесу, на взломавших лёд реках и озёрах будут появляться всё новые стаи больших и маленьких птиц. Запиши и зарисуй в свой календарь, каких удалось тебе увидеть, где и когда. Запиши, как они поют, пищат, свистят, крякают. Чем они занимаются.

Почаще взглядывай на небо; какие там пролетают стаи? Выстроившись правильным углом, растянувшись вожжой, фронтом или беспорядочной кучкой?

Рыболовы! Запишите, какие рыбы начнут клевать первыми.

Когда щуки и язи начнут выходить на берега, залитые паводком, метать в траве икру.

Кто найдёт муравейград (муравейник, муравьиную кучу), освободившуюся от снега, заметьте, когда муравьи откроют свои входы-выходы и вылезут наружу. Что они будут первым делом предпринимать, проснувшись после долгого-долгого зимнего сна.

Смотри себе под ноги, чтобы не наступить на ужа или ящерку: они ещё вялые, — солнце ещё не разогрело как следует их холодную кровь.

Запиши, зарисуй, что наделала вода, выступив из берегов. Кто рад наводнению, а кто пострадал от него. Каких бед натворило наводнение.

Организуй помощь потерпевшим от наводнения зверюшкам и напиши нам, кого и как тебе удалось спасти.

Сумасшедшие птицы

Шла девочка по скверу, вдруг — раз! — на шапочку ей села птичка! Девочка остановилась. Тогда птичка соскочила на воротник и стала заглядывать ей в лицо. Девочка испугалась, махнула рукой. Птичка улетела. А к одному мальчику в комнату залетел дрозд! Сел на картину, почистил свои пёрышки. Потом слетел на стол, стал ходить между тарелок и клевать крошки. А мальчонку этого даже клюнул в палец.

— Сумасшедший он, что ли? — удивился мальчик.

На днях открыли мы форточку, а на форточку прилетела и села галка! Подошли к ней — не улетает! Протянули кусок булки — взяла. Прижала булку лапой и расклевала. Потом лапку поджала, клюв в пёрышки спрятала и уснула! Мы её зарисовали, сфотографировали, а она всё спит! Форточку закрывать пора. Мы уж замёрзли совсем, а она спит себе! Наконец проснулась, схватила кусок булки и улетела.

Птицы эти не сумасшедшие. Просто они жили раньше у людей, доверяют им и привыкли к ним. Их выпустили на свободу, а они всё к людям жмутся. Разучились сами-то корм добывать! Если встретите таких, — не обижайтесь. И если можете, — подкормите!

День птиц

В начале апреля ребята в парке встречали птиц. На самом высоком клёне сидел скворец, всё оттуда видел и громко объявлял птицам:

— Сегодня праздник. Парк украшен флажками, лозунгами и транспарантами. На транспарантах написано: «Птицы — лучшие помощники в борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства!», «Больше птиц — меньше вредителей — выше урожай!», «Возьмём птиц под охрану!»

У ребят слова не расходятся с делом. В руках многих ребят одноквартирные домики — синичники и скворечники. Домики очень уютные, площадью в 300–400 *кв. см.* Окошко служит и дверью. Домики дожде- ветро- и кошкоупорные.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Вокруг ребят что-то уж слишком расчирикались воробьи. Как бы эти проходимцы и прощелыги не захватили домики раньше нас. Скворцы и синицы! Все честные дуплегнёздики, кто песнями своими и уничтожением вредных насекомых служит человеку! Не допустим незаконного вселения воробьёв в новые квартиры! Хватит с них чердаков и карнизов! Сохраним домики для тех, кто скоро вернётся с юга — горихвосток, мухоловок-пеструшек, вертишеек.

Синицы, вы самые голосистые. Славьте строителей птичьих домиков!

Пинь, пинь — урра! Пинь, пинь — урра!

У скворцов весной три заботы.

Первая забота — дом найти, если скворечников не вывесили.

Вторая забота — не прозевать на лошадях, коровах и овцах покататься, когда тех на поле выгонят.

Третья забота — от трактора не отставать, когда тот землю пашет.

Скворцам заботы, а вам загадки:

ГДЕ ГНЕЗДЯТСЯ СКВОРЦЫ, КОГДА СКВОРЕЧЕН НЕТ?

ДЛЯ ЧЕГО СКВОРЦЫ САДЯТСЯ НА ЛОШАДЕЙ, КОРОВ И ОВЕЦ?

ПОЧЕМУ СКВОРЦЫ ЗА ТРАКТОРОМ ПЕРЕЛЕТАЮТ?

Май

М А Й

Май — месяц расцвета земли, зелёного шума и первых гроз.

В эту пору нет растения, чтобы не тронулось в рост, нет птицы без гнезда, нет зверя без выводка, нет человека без улыбки.

Когда первые клейкие и маленькие ещё листья глянут из почек, лес отзовётся на порыв ветра лёгким и ласковым шелестом. Полная листва, нарядная и пышная, громко спорит с налетевшим шквалом, шумит, плещется в весёлых и тёплых струях. Прислушайтесь к зелёному шуму майского леса — какой он радостный и многоголосый!

Радует сердце человека зелёный шум!

Везде светятся яркие кисти черёмухи. Не видно её в лесу ни зимой, ни летом, а вот зацвела, и всюду она: и в подлеске, и на опушке глухого ельника, и вдоль ручья.

В начале мая неярко цветёт наша северная земля. В лесу на чистинках появляются белые и голубые островки ветреницы и перелески. Под древесным пологом — далеко один от другого — цветут кустики волчьего лыка. Нет ещё ни одного листика на его голых ветках, но на кончиках пышно распустились розовые, нежно пахнущие гроздья. У полевых дорог вспыхивают жёлтые звёздочки мать-и-мачехи.

В конце месяца в цвету все леса и поля. Красные шапочки клевера и смолки, воздушные купола одуванчика, белые лепестки поповника — ромашки, похожие на бабочек цветы луговой чины светятся в уже высокой траве.

Звенит майский лес птичьими голосами. Одна певунья перебивает другую.

Вот, словно капельки воды в пруд роняет, поёт пеночка-теньковка; нежным, чуть слышным посвистом отзывается в ельниках пищуха; тянет синица-пухляк настойчивое: «Дай! дай! дай!» Дрозд белобровик знакомо и плавно переходит от звучно разбойного посвиста к нежному щебетанию. В берёзовой вершинке неустанно повторяет мелодичную песенку пеночка-весничка. Лесной жаворонок, кидаясь вниз с макушки сосны, льёт в полёте звонкое: тиу! тиу! тиу! тиу!

Потеплела и ожила вода. Поверху бегают водомерки и клопы-бегуны. Жёлтой лентой окаймила калужница низкие берега заливов. То и дело над глубиной и у мелкого берега плещется рыба.

Свила утка гнездо на малой кочке, среди ломаного прошлогоднего камыша. Кругом плещется вода, как в море. Неуютно. Ветер ерошит перья. Ястреб заметить может. Немного

прошло времени, — сбежала полая вода, из влажной земли поднялись острые язычки осоки, хвоща, камыш потянулся. Сидит утка, как в лесу, — тихо, спокойно. Было гнездо в море на островке, а дети выведутся в дремучей зелёной чаще…

В конце мая прилетают стрижи. Дивная птица режет воздух так, что свистят упругие острые крылья. Глазом следить трудно за полётом быстрых стрижей. Прилётом своим возвещают они приход лета. Через день-другой прилетит иволга. Томно засвистит, как на флейте сыграет, в совсем уже полнолистных вершинах деревьев.

Май — конец весне, лету начало.

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

На солнышке и в тени

Есть такие весенние травки с круглыми листиками — чистяки. И вот два таких чистяка, два брата, выросли: один на берегу канавы, другой — под кустом.

В ясную погоду берега канавы были залиты солнцем с утра до вечера. А под кустом было темно, как в комнате под кроватью.

Расцвели берёзы, из мохнатых лап елей высунулись светло-зелёные пальчики. И в тихий день, когда высоко в воздухе играли друг с другом бабочки-белянки, оба брата-чистяка расцвели. Цветочки у них были простые: в серединке шишечка пестиков, вокруг неё тычинки, а за ними ярко-жёлтые лепестки-язычки. Простые цветочки. Но у чистяка, который рос у канавы, лепестки так искрились, так блестели на солнце, что ни один жучок, ни одна муха не пролетали мимо этих сверкающих цветков. Чистяк был очень рад своим крылатым гостям. Он знал, что, если в цветках никто не будет копошиться, не вырастут семена. А ведь семена — это дети, самое-самое дорогое.

— Ну, какой же я умница, что вырос в этом месте, — сам себя хвалил чистяк: — И сам я живу не скучаю, и детки у меня обязательно будут.

— Да, ты-то счастливец, ты сынок весны, — говорили ему жучки-гости, — а вот твой брат — её пасынок.

И скоро все стали их Сынком и Пасынком звать. Пасынком брата счастливого чистяка назвали потому, что он был очень одинок под своим кустом. К нему никто не прилетал. Ну, кому же захочется улетать с тёплого весеннего солнышка в сумрак и тень?

— Какую ты сделал глупость, что вырос под кустом, — сказал однажды брату Сынок Весны. — Не прилетят к тебе в гости мухи и жучки, останешься без ребят. Как же ты об этом не подумал?

— Да я же попал сюда ещё семечком. Разве семечко думает, куда ему упасть?

— Да ведь и я тоже из семечка, а ведь вырос же на солнышке!

Солнце грело всё жарче и жарче. В садах расцвели вишни, собрались цвести яблони. А братья чистяки уже отцвели. Их жёлтые лепестки-язычки осыпались на землю. Пропала вся красота!

Но у Сынка Весны выросли семена, и он был очень этому рад. А у Пасынка не появилось ни одного семечка. Отцвели цветки, засохли цветочные ножки, и остались у него одни круглые листики.

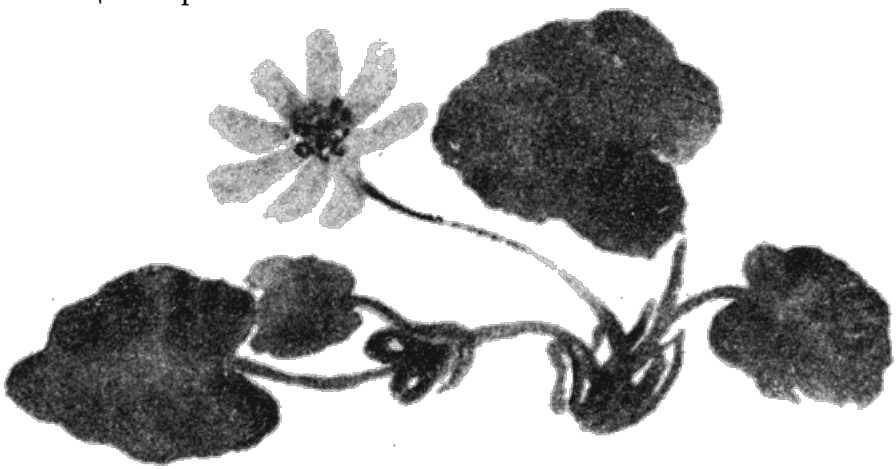
— Так тебе и надо, — сказал Сынок, — не расти под кустом! Посмотри-ка, сколько ребятишек у меня! Завидуешь?

Но Пасынок улыбнулся и сказал:

— Зачем завидовать. У меня тоже есть ребятишки, да ещё какие!

— А есть, так покажи!

Но Пасынок не мог этого сделать. Его ребята до поры до времени были спрятаны. Между каждым листиком и стебельком у растений бывает ямка. Вот в таких ямках и притаились ребята Пасынка. Удивительные ребята! Не семена, а просто маленькие блестящие шарики-почки.



Когда листья Пасынка завяли, эти шарики-почки выкатились на землю и покатились к канаве. Тут их увидел и Сынок Весны.

— Ну, полюбуйся теперь на моих ребят. Видел ты когда-нибудь таких крепышей? — спросил брата Пасынок.

Сынок так удивился, так удивился, что только и мог пробормотать:

— Вот тебе и Пасынок Весны!

Как Бобрёнок плотину строил

Весной, когда речка разлилась, молодой Бобрёнок поплыл новое место искать для житья.

На прежнем-то месте тесно стало — хатки почти рядышком стоят, никакого раздолья нету, на бережках все осинки повалены и ветки обгрызены. Хочешь не хочешь, а переселяться надо. День плыл Бобрёнок — приглядывался, второй день плыл — приглядывался, на третий день отыскал хорошее местечко.

Видит: один берег крутой, под ним вода тёмная, глубокая, нырять удобно. Другой берег отлогий, там вода светлая, мелкая, — вылезать удобно. Кругом березняк да осинничек ветками шелестит, — значит, ко́рма будет вдоволь. Лучше места не сыщешь! Остаётся плотиной речку перегородить да хатку себе

построить. И живи-поживай, горюшка не зная.

Но только плотину ставить и хатку строить — не легко. Много тут работы! А Бобрёнок — один-одинёшенек, и не справиться ему будет, не осилить… Подумал Бобрёнок и решил: «Пойду-ка себе помощника искать. В лесу зверей тьма, авось кто и пособит, поступит в напарники». Вылез Бобрёнок на берег и отправился лесных мастеров искать. Долго ли шёл, коротко ли, — глянь, под кустом Ёж копошится, щелкунов и жужелиц ловит. Да так ловко! Чуть в прошлогодних листьях шорох послышится, травинка шевельнётся, — Ёж мигом туда — хвать! — и вот уж поймал насекомыша.

«Маленький, да удаленький! — Бобрёнок думает. — Хорошо бы мне такого товарища». Вышел из-за куста и говорит:

— Ёж, а Ёж! Не пойдёшь ли ко мне в помощники? Я здесь поселиться хочу, жильё себе строить буду.

— Отчего не пойти? — согласился Ёж. — Так и быть, подсоблю.

Вернулись они к речке, Ёж спрашивает:

— Чего делать будем?

— А вот гляди! — говорит Бобрёнок. — Делай, как я!

Подошёл он к осинке и начал ствол зубами грызть, на брёвнышки распиливать.

Ёж постоял, постоял рядом, да и головой замотал.

— Не-ет, — говорит, — в этом деле я тебе не помощник. Норку под корнями устроить — могу, листьев натаскать — могу, подстилочку мягонькую сделать — могу. А деревья ты, брат, сам спиливай. Мне для такого дела и зубов не отпущено…

Закручинился Бобрёнок, запечалился. Распрощался с Ежом, отправился других мастеров искать.

Долго ли шёл, коротко ли, видит — на склоне оврага Барсук работает, глубокую нору когтями роет. Да так старательно! Песок в сторонку отбрасывает, стеночки зачищает, земляной пол утаптывает.

Думает Бобрёнок: «Вот бы мне такого старателя в товарищи!»

Подошёл поближе и просит:

— Барсук, а Барсук! Иди ко мне в помощники, я здесь поселиться хочу, дом строю!

— Ну, чего ж, — отвечает Барсук. — Давай, выручу.

Вернулись они к речке, к спиленным брёвнышкам.

— Делай, как я! — говорит Бобрёнок.

Столкнул он в воду брёвнышко, поплыл. Брёвнышко перед собой толкает, задними лапами гребёт, хвостом подруливает. Пригнал брёвнышко к тому месту, где плотине быть, начал между камнями пристраивать.

Барсук постоял, постоял на берегу, да и лапами развёл:

— Извини, брат, в этом деле я тебе не помощник. Норы устраивать — могу, ходы-выходы под землёй делать — могу, а вот плавать и нырять не обучен. Сам уж трудись…

Распрощался Бобрёнок с Барсуком, отправился нового мастера искать.

Долго ли шёл, коротко ли, видит — по зелёной поляне Медведь бродит, сладкие корешки выкапывает. Да как здóрово-то! Рванёт лапой — целый ком выворотит, камень попадётся — на сторону отвалит.

Думает Бобрёнок: «Вот бы мне такого силача в товарищи!»

Подошёл и начал упрашивать:

— Медведь, а Медведь! Возьмись мне помогать, я здесь поселиться хочу, жильё строю!

— Угу, — согласился Медведь, — это можно… Пошли!

Вернулись они к речке. Бобрёнок ещё несколько брёвнышек на плотину пригнал. Потом говорит:

— Делай, как я!

Начал со дна реки вязкий ил доставать, на плотину нашлёпывать. Хвостом, как лопатой, пришмякивает, разглаживает, закругляет.

Медведь от удивления на дыбки встал.

— Ну, — говорит, — в этом деле я тебе не помощник. Колоды переворачивать — могу, еловой коры надрать — могу, а вот плотину обмазывать — не гожусь. Хвост не дорос.

Совсем опечалился Бобрёнок. Уж если Медведь не годится в помощники, то кого же звать? Останется плотина недомазанной, хатка недостроенной. Зимой Бобрёнку жить негде будет…

Сидит он на берегу, горюет.

Вдруг — плюх, плюх, — слышно, плывёт кто-то по речке. Ещё один молодой Бобрёнок пожаловал!

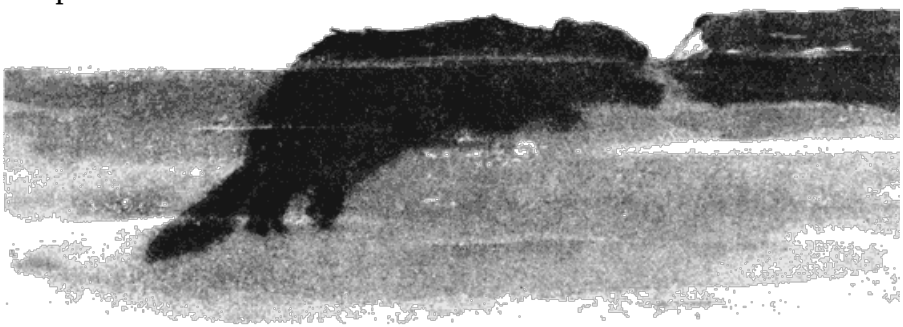
— Ты куда?

— Место новое искать, хатку строить.

— Так давай здесь вместе жить!

— Давай!

И так принялись два Бобрёнка за работу — сразу дело пошло. И деревья свалили, и плотину поставили, и хатку построили. Быстрёхонько!

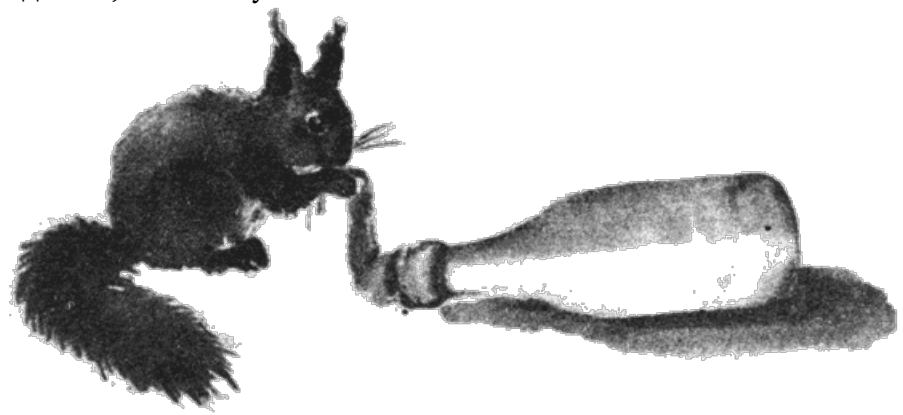


Слепой бельчонок

(Рассказ мальчика)

Папа нашёл мне бельчонка весной. Он валялся под большой сосной, где у белки гнездо. Может быть, белка перетаскивала его куда-нибудь и обронила. Я не знаю.

Мы с папой даже не заметили, что он слепой. То есть, мы видели, но считали, что он нормальный: ведь они все родятся слепыми. Мы его выкормили из соски. То есть, сперва он соску не брал, сперва мы его с пальца кормили: обмакнёшь в молочко палец, а он с него слизывает. А потом на бутылочку стали соску надевать, и он из бутылочки пил.



Он рос, рос, а глаза не открываются. Потом открылись, — и мы увидели, что они совсем белые: слепые! Мы не знали, что с ним делать.

Но он такой весёлый был и ласковый. Узнавал по голосу и папу, и меня. Войдёшь в комнату — он раз! — и вмиг у тебя на плече очучивается! А к папе всегда в карман залезал: нет ли там чего вкусненького?

Очень любил шишки, орехи. В лапках держит, зубками быстро-быстро работает. Три ореха съест, четвёртый про запас прячет. Только как прятал-то? Положит куда-нибудь в уголок между полом и стенкой и думает, что спрятал. Слепой. Думает, и все слепые. Не знает, что раз открыто лежит, — значит, у всех на глазах.

Слепой, слепой, а по всей квартире отлично бегал, ни на что не натыкался. Со стула на спинку кровати, с кровати на шкаф чересчур даже ловко прыгал; ни разу не было, чтобы сорвался или там вещь какую-нибудь уронил. Такой акробатист!

Вот только когда стул или там что-нибудь неожиданно переставишь, куда ему прыгать, — ну, тут прыгнет и шлёпнется. Слепой же ведь всё-таки. Нисколько не видел.

Вещи надо было всегда так передвигать, чтобы он слышал. Тогда он понимал и уж в пустое место не прыгал.

Ушами понимал. Уши у него были хорошо зрячие.

Полосы и пятнышки

Встретились на поляне двое малышей: косулёнок — лесной козлёночек, и кабанчик — лесной поросёнок.

Нос к носу встали и разглядывают друг дружку.

— Ой, какой смешной! — говорит косулёнок. — Весь полосатый-полосатый, будто тебя нарочно раскрасили!

— Ой, а ты до чего смешной! — говорит кабанчик. — Весь в пятнышках, в пятнышках, будто тебя нарочно забрызгали!

— Я в пятнышках для того, чтобы лучше в прятки играть! — сказал косулёнок.

— И я полосатый, чтобы лучше в прятки играть! — сказал кабанчик.

— С пятнышками лучше прятаться!

— Нет, с полосками лучше!

— Нет, с пятнышками!

— Нет, с полосками!

И заспорили, и заспорили! Ни один уступить не хочет.

А в это время затрещали сучья, захрустел валежник. Вышла на поляну медведица с медвежонком.

Увидел ее кабанчик — и стреканул в густую траву. Вся трава полосками, полосками, — исчез в ней кабанчик, словно сквозь землю провалился.

Увидел медведицу косулёнок — и стрельнул в кусты. Между листьев солнце просвечивает, везде только жёлтые пятнышки.

Исчез в кустах косулёнок, словно его и не было.

Не учуяла их медведица, прошла стороной.

Значит, оба одинаково ловко в прятки научились играть!

Напрасно спорили.

Незваные гости

Пробил дятел в кленовой коре дырочку — напился сладкого сока.

За дятлом долгохвостая синица прилетела — тоже носик помочила. За долгохвостой — лазоревка: три капельки выпила.

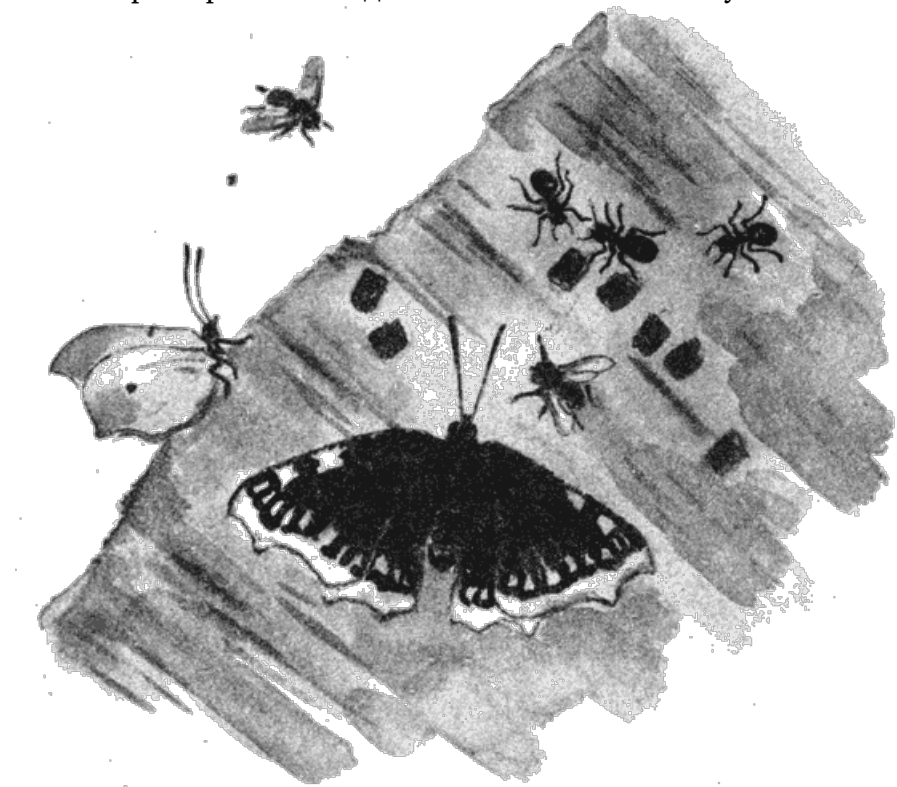
Улетели птицы — насекомыши собрались.

Мухи прилетели. Две бабочки крапивницы. Траурница красавица — крылья чёрные, кайма на крыльях жёлтая и синие глазки по ней.

Все сладкий сок сосут — улетать не собираются.

Муравьишка приполз — усами шевелит.

Комарик прилетел — долгими ногами в патоке увяз.



Может, и ещё кто-нибудь притащился бы, да тут дятел — порх! Гости незваные — кто куда!

Муравей замешкался — дятлу на язык прилип.

Запил дятел кислого гостя сладким соком.

Дятел улетел — опять никого не позвал.

Да гости не гордые — сами один за другим потянулись. Хоть и незваные, а хочется и им сладенького.

Кому сладенького-то не хочется?!

Высотный терем

Шёл я по лесу и вижу: стоит терем в семь этажей. В каждом этаже кто-то живёт. Сел я на пенёк и спрашиваю:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

Высунулась из дуплишка первого этажа птичья головка, отвечает:

— Я утка-гоголь, не простая утка, дуплогнёздая!

А из второго этажа:

— Я желна дятел. Не простой дятел — чёрный!

И из третьего этажа:

— Я, дятел, тут живу. Не простой дятел, а пёстрый!

И из четвёртого, пятого, шестого и седьмого этажей хором:

— А тут мы живём, стрижи чёрные. Тоже не лыком шитые, не мочалой подпоясанные! Стрижи-быстролёты.

Да, думаю, не простой передо мной терем-теремок, а высотный. И никак нельзя про него просто рассказать. Взял я да и сочинил эту сказку. А было-то всё взаправду. Терем лесной — это большая старая берёза. Снизу доверху семь дупел в ней — как семь этажей. И в каждом дупле — птицы. Те самые, о которых я вам рассказал. Утка дуплогнёздая, дятел чёрный и дятел пёстрый,

стрижи-летуны. Обитатели сказочного лесного терема.

Птичьи часы

Серёжа Володин нам пишет:

«Сделал я себе часы. И не какие-нибудь там песочные или солнечные, а… птичьи!

Оказывается, птицы начинают петь не как вздумается, а в строго определённое время. Я по часам проверял и записывал. И теперь у меня на каждый месяц свои птичьи часы. И время я теперь не смотрю, а слушаю. Нынче я с папой на охоту ходил, так он меня так и спрашивал:

— А ну-ка, Серёжа, послушай, сколько там времени? — Я послушаю и отвечаю:

— Бекас запел, — значит, три часа! Скоро вальдшнепы полетят. — И точно: только встали, послышался хрип и свист — первый вальдшнеп летит. Значит, уже три часа пятнадцать минут.

Пеночка теньковка запела — начало пятого часа, зяблик загремел — около пяти.

Красота! Ни чинить, ни заводить часов не надо, не потеряешь их и не разобьёшь. Правда, бывает, привирают иногда, но не много, минут на пятнадцать.

Советую всем ребятам завести себе птичьи часы».

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Сорок обедов и сорок ужинов

— Как я рада, как я рада, что родители мои не люди, а птицы, синицы лазоревки! Бедные человеческие птенцы — их кормят всего три раза в день. Мои папа и мама кормят нас в день шестьсот раз. Нас, птенцов, у них пятеро. Каждому в день достаётся по сто двадцать порций. Сорок завтраков, сорок обедов и сорок ужинов!

Кукушка и Пеночка

— Ты чего, Кукушка, головой трясёшь, будто волоском подавилась?

— Каким там волоском! Целая волосатая гусеница в горло попала.

— Ах ты, бедная! Как не повезло-то тебе!

— Это почему же не повезло? Я их, волосатых-то, уже три десятка проглотила. Вот тридцать первую заглатываю. Вкусненькая такая, мохнатенькая.

Дятел и тля

Тук-тук! Опять тля! Вот вредная букашка. Вредная мелкая и ничтожная. Одно слово — тля!

Но, с другой стороны, если их проглотить сотен восемь — девять, то можно не только червячка заморить, а и план борьбы с вредными насекомыми выполнить. Одним ударом — двух зайцев!

Тук-тук! Возьмусь-ка я за перевыполнение плана.

Ворона, Утка, Тетерев, Бекас, Лягушка и Майский Жук

Майский жук летит над лесом, как пуля, гудит:
— У-убью-у!..
Лягушка на болоте испугалась, спрашивает:
— Кого? Кого?
Бекас, лесной барашек, заблеял:
— Меня-я?
Тетерев на лугу сердито бормочет:
— А за что? А за что?
Утка на озере кричит:
— За зря! За зря!
Ворона завопила:
— Кар-раул!
А Майский Жук об дерево — хлоп! — и сам убился.

* * *

— Угу-гу! Угу-гу — молчать не могу! На ребят-юннатов жалуюсь. Почему они для птиц гнездовья по знакомству делают? А, скворцы, старые знакомые, — вот вам скворечники! А, синицы-сестрицы, полезные птицы, — вот вам синичники! А мы, совы, вредные птицы, что ли? А кто по ночам мышей в лесах и полях ловит? Или нам дуплянки не надо?

Делайте и развешивайте дуплянки и для нас, сов, и для летучих мышей. Летучие мыши — не полевые, они вредных насекомых поедают. Хватит одни скворечники да синичники развешивать! Не одни скворцы да синицы на вас работают!

Совы и летучие мыши

* * *

Жалуемся на воробьёв!

Эти проходимцы заняли нашу жилплощадь в скворечнике. Нас, хозяев, в наш же дом не пускают и ещё нахально чирикают прямо в глаза.

Предупреждаем: если в течение трёх дней не получим благоприятного ответа на нашу жалобу, то сами выбросим воробьёв из скворечника.

Мы, скворцы, птицы полезные, с нами шутки плохи!

Скворцы

* * *

Охо-хо, житьё наше — карасю позавидуешь!

Достаётся нам от рыбаков: на спиннинг ловят, на жерлицу ловят, на дорожку ловят, на кружки ловят, капканчиками ловят! Но жалуемся мы не на рыбаков, жалуемся мы на охотников. Житья нам от них, окаянных, нету! Все рыбачьи снасти не принесут нам столько беды, сколько одно ружьё.

У нас весной нерест, весёлые игры, метание икры, а эти злодеи нам в спины из ружей палят.

А ведь нельзя стрелять, законом запрещено. Но, видно, закон не для браконьеров писан. Где вы, наши защитники? Где вы, друзья инспекторы, лесники и егери? Где вы, юннаты и пионеры?

Услышьте наши рыбьи голоса!

Лесные происшествия

Кто в скворечнике живёт? Скворцы? Я тоже раньше думал, что в скворечниках только скворцы живут. А недавно вижу, вылетают из скворечника какие-то крохотные птички. До того крохотные — меньше колибри. Я, конечно, полез смотреть. Смотрю, леток в скворечнике чем-то залеплен, оставлена только дырочка маленькая. И из дырочки этой вылетают… пчёлы! Пчёлы поселились в скворечнике и сделали из скворечника улей.

* * *

Есть в Ленинграде на окраине большой забор — на нём афиши расклеивают. Когда ни пойди, всегда у афиш воробьи толпятся. «Ишь, — думаю, — грамотеи какие — театрами интересуются!» Присмотрелся, — нет, не театры воробьям нужны. И даже не афиши. А нужен им клейстер, которым афиши к забору приклеены! Ветер отрывает старые афиши, воробьи клюют клей засохший. И, видать, сыты: знай чирикают!

Утонувшие камни

Лежали себе на лугу камни. Может, сто лет лежали И вдруг стали… тонуть!

С каждым днём всё глубже и глубже уходили камни в землю, пока остались над землёй одни лысые макушки.

Что камни тонут в воде, — все знают. А кто знает, почему иногда камни «тонут» и в земле?

Что за зверь?

Северный охотник рассказал. Выслеживал он зверя. По следу видит: нашёл зверь на берегу выброшенную волной рыбу съел. В тундре зверька лемминга ногой придавил — съел. В утином гнезде насиженные яйца слопал, а в гнезде чайки — птенцов. Вот хищник!

Только не подумайте, что это был белый медведь или песец. У тех следы пятипалые, с когтями. А у этого зверя следы как у коровы — раздвоенные копыта.

Июнь

Июнь — первый месяц лета. Месяц цветов, светлых ночей и тёплой воды.

Даже в городе видны приметы лета: букет сирени на столе, свист стрижей, по-летнему горячее солнце.

Над полями неумолчно гудят пчёлы, басовито жундят шмели. Вечером прохладно в лугах и на нивах. Над ними, как дымок, поднимается туман. По народной шутке, — это зайцы жарят блины. Ровный крик коростеля подчёркивает совершенную тишину белой ночи, такой светлой, что в полночь можно собирать в лесу цветы. Изредка нахмурится небо и брызнет дождём. Летний дождь! Какой он стремительный, весёлый и обильный!

Льётся дождь на лес, на поле, на озеро. А птенцы у глухарки ещё в тощем пере, — может забить их, застудить грозовой ливень. Укрылась мать у елового выворота, и к ней сбежались цыплята, — забрались под крылья и голов не высовывают.

А вот утята хоть бы что!

Свись! Свись! Свись! Сверху вода, снизу вода — всё равно купаться!

У берегов озера гуляет рыбья молодь. Если осторожно подойти к воде, увидишь, словно тысячи тёмных двойных палочек лежат на песке мелководья. Рыбка и тень, рыбка и тень. Потревожишь шагами — серебром брызнет стайка мальков, уходя в глубину.

Июнь — самая беспокойная пора для лесных мамаш. Покидает гнёзда, выбирается из нор молодёжь. Разлетается, разбегается. Как уследишь? А до беды недалеко. Дворовый пёс нашёл в траве желторотого дроздёнка. Обнюхивает, раздумывает, — хапнуть или не стоит? А птенец услышал шум и рот открыл, есть у чудовища просит. Совсем ещё глупый!

Рысёнок в осоке у ручья наткнулся на лягушку. Шерсть вздыбил, зубы оскалил, шипит… и пятится назад, — тоже не очень опытный герой!

Даже ласточки — уж на что безобидная птица! — нападают на ворону, что присела на конёк крыши. Щебечут тревожно, проскальзывают так близко, что ворона приседает и разевает клюв. Под коньком у ласточек гнездо, и кто его знает, что задумала непрошеная гостья.

Лето пришло…

Стоят травы ещё некошеные, нетоптанные. Стоят травы укосные, на полуденном ветру мягко шелестят. В луговой траве, того и жди, проглянет алая ягодка земляники, в лесной траве вот-вот покажется красная шапочка гриба-колосовика.

«Красное лето никому не надокучило», — говорят в народе.

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Свейки!

В Латвии народ любит птиц. Рассказал я одному знакомому латышу про удивительную сороку Галю — воспитанницу харьковской юннатки Милы Пипчéнко. Сорока эта на чисто русском языке посылала ребят спать, чуточку только пришепётывала:

— Шпать! Все, все шпать!

Латыш сказал, что для него это не удивительно, потому что у них в Латвии даже неприручённые птицы, бывает, говорят на латышском языке. И рассказал мне такой случай.

Нынче весной он развесил в своём саду много новых птичьих домиков, — и все дуплянки, скворечники, синичники сейчас же были заняты разными дуплогнёздиками. Потом ему пришлось надолго уехать в Ригу, — и попал он к себе в деревню только в начале лета. Подходит к своему саду и вдруг слышит, — кто-то радостно его приветствует весёлым свистящим голосом:

— Свейки, свейки, свейки! Лабрит!

«Свейки!» — по-латышски — «Привет!», а «Лабрит!» — «Доброе утро!»

Хозяин остановился, но ни в саду своём, ни на крыльце дома никого не увидел. Решил, что ему это просто послышалось, и вошёл в сад. И тут опять — теперь прямо у него над головой

раздалось весёлое: «Лабрит! Свейки, свейки, свейки!»

Латыш взглянул вверх и увидел скворца! Чёрный, весь в ярких блёстках скворчик сидел рядом со своей скворечней, смешно трепетал крылышками и высвистывал: «Свейки, свейки, свейки!» — как бы приветствуя хозяина.

Потом оказалось, что каждое утро все колхозницы и колхозники, проходя мимо сада, приветствовали этого скворца, — домик его у самой дороги, — словами: «Свейки!» и «Лабрит!» Вот скворчик и вызубрил эти приветствия.

А добрый привет всегда по сердцу птицам, как и людям.

Чей это дом?

Солнышко закатилось, в лесу темно стало, звери да птицы спать легли. Кто в норе похрапывает, кто под кустом посапывает, кто на ветке неслышно спит.

А вот Бобёр, ночной работник, спать не хочет. Из своей хатки бобровой вылез, речку переплыл и на берег выбрался.

Между деревьев идёт-бредёт, широким хвостом подпирается.

Увидел на берегу толстую осину. Оглядел со всех сторон, примерился — и давай грызть-подпиливать!

У Бобра зубы как долотья, шибко режут, только стружка летит. Задрожала осина.

Под корнями осины, в земле — нора. Выглянул оттуда испуганный ёж:

— Ты чего, Бобёр, делаешь?

— Осину валю, хочу в речку столкнуть.

— Ой, Бобёр! — говорит ёж. — Не вали осину, не толкай в речку! Ведь тут мой дом. Осина мою нору прикрывает, от дождя заслоняет. Худо мне без неё придётся.

Не беда, — отвечает Бобёр. — Зверь ты не привередливый, тебе всё равно где жить — хоть в норке, хоть в ямке. Другое место найдёшь. А мне осина вот как нужна: речка мелеет, вода убывает, надо плотину строить.

Сказал это и опять грызть принялся. Зубы скрыгчат, стружка летит, ещё сильнее задрожала осина.

В осиновом стволе — дупло. Выскочил оттуда Горностайка.

— Ты чего, Бобёр, делаешь?

— Осину валю, хочу в речку спихнуть.

— Ой, Бобёр! — говорит Горностайка. — Не вали осину, не пихай в речку! Ведь тут мой дом; и тепло в дупле, и мягко, и

ветер не задувает. Худо мне тогда придётся…

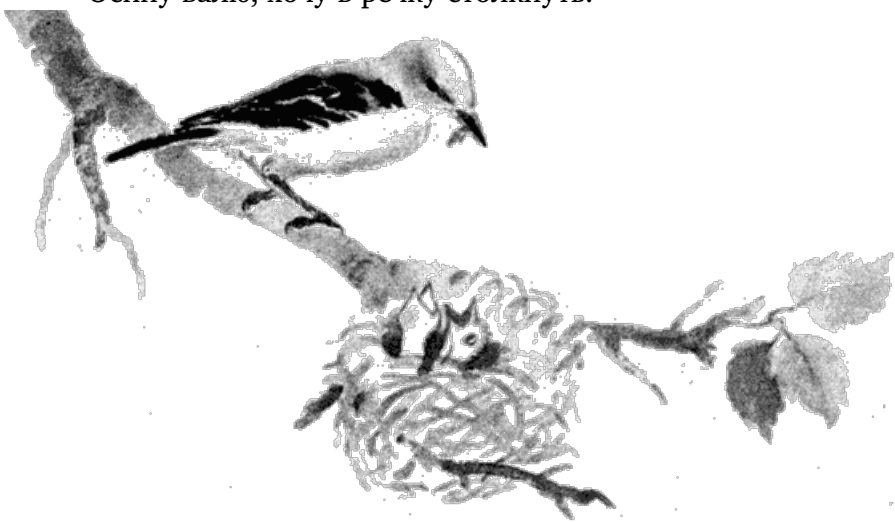
— Не беда, — отвечает Бобёр. — Ты зверь бродячий, нынче тут спишь, завтра — там. И не твоё это дупло, не для тебя делано. А мне осина вот как нужна: речка мелеет, вода убывает, надо плотину строить.

Сказал так — и опять грызёт. Скрыгчат зубы, летит стружка, мелкой дрожью дрожит осина.

На макушке осины, в развилке сучков, подвешено лёгкое гнёздышко. Выпорхнула из него Иволга, золотая птица, спрашивает серебряным голосом:

— Ты чего, Бобёр, делаешь?

— Осину валю, хочу в речку столкнуть.



— Ой, Бобёр! — говорит Иволга. — Не вали осину, не толкай в речку! Ведь тут мой дом. Сколько я старалась, пока не сплела корзиночку из стебельков, травинок и тонкой бересты! Теперь у меня птенчики вывелись, в корзиночке, как в зыбке, качаются. Пожалей их!

Бобёр упёрся на хвост, голову кверху задрал. Посмотрел, подумал.

— Так и быть, — говорит. — Не буду валить осину. Если на ней твой дом да дети в нём, то надо пожалеть…

И пошёл другое дерево искать.

Птичьи заботы

В гнезде у рябушки — самочки рябчика — появились рябчата. Было десять с пятнышками яиц, стало десять пятнистых цыплят.

Пушистых, как одуванчики. И у каждого одуванчика клювик и лапки.

Даже кукушка, которая сроду птенцов не выводила, и та позавидовала.

— Пуховички хорошенькие! — ахнула она.

Скоро отросли у рябчат перья на крылышках, и стали они «поршками». По вечерам сами вспархивали на дерево — повыше от звериных зубов. И всю ночь сидели на сучке рядком, как бусы.

— Ни забот, ни труда с малышами! — умилялась кукушка. — Одно удовольствие!

И решила кукушка не подбрасывать больше яичек своих в чужие гнёзда. Захотела сама вырастить кукушат. А как за дело взяться — не знает.

— Распрошу-ка рябушку, — решила кукушка.

Прилетела, а рябчиков на дереве нет. А тут гром загремел, капли-картечины ударили по листьям. Кукушка — в кусты. Глядь — и рябушка с поршками там! Но ливень дробил и кусты. Стал дождь заливать рябушку. Перья слиплись, с носа вода — кап, кап, кап! А рябчатам не беда. Забились матери под крылья, да ещё и любопытные носы из-под пера высовывают. Тепло им.

— И мне так с кукушатами мокнуть? — отвернулась кукушка. — Нечему учиться у этой мокрой курицы! — И полетела дальше.

Прилетела кукушка на озеро. На озере семья: папа-чомга и мама-чомга, как два пароходика. Шейки прямые, тонкие, точно трубы. Вокруг пароходиков чомгята. Крутятся, как жуки-вертячки. В кошки-мышки играют. Даже нырять пробуют. Но уж больно лёгкие и потому выскакивают из воды, как пробки.

Обрадовалась кукушка: вот где весело, вот где хорошо! Но прорвался сквозь тростники ветер. Погнал по озеру сердитые волны с белыми гривами. Стали крошечные чомгята на волне переворачиваться. Перевернутся вниз спиной и сучат в воздухе своими лягушачьими лапками. Плохая игра получается!

Тут мама-чомга насторожила тонкую шейку и что-то сказала малышам, а что — за ветром было не слышно. Чомгята — к ней. Окружили со всех сторон да вдруг и полезли к ней на спину! Лапками чик-чик, крыльями-культяпочками мах-мах, — ловкачи какие! — забрались. Да ещё и в перья на спине забились, — одни головки чёрные торчат. Сидит на воде многоголовая птица!

Заспешили чомги в тростник. Мама за папой, как два одинаковых пароходика. Только у заднего пароходика на спине горбок. Потому что не простой это пароходик, а пассажирский.

— На горбу детей возить! — ужаснулась кукушка. — Ну уж дудки! Пусть моих кукушат другие птицы выкармливают. А мне ни труда, ни заботы!

Ловушка

Одуванчик облысел: на голове у него остался один-единственный сынишка-парашютист. Скучно стало одуванчику, и, чтобы развлечься, он познакомился с соседкой — смолкой. У смолки была метёлка розовых цветков, а под нею, на стебле, широкий клейкий пояс.

— Зачем он тебе? — спросил одуванчик.

— Увидишь, — ответила смолка.

Поползла по стеблю смолки мошка, добралась до клейкого пояса и… прилипла!

— Так тебе и надо, — сказала смолка, — не подбирайся к цветкам, не воруй мёда!

— Молодец, смолка! — сказал одуванчик. — Какую хитрую ловушку для бездельников придумала! Умница!

Дунул ветер, сдул с головы одуванчика последнего молодца парашютиста и кинул его прямо на клейкий пояс смолки.

— Так тебе и надо, — сказала смолка. — Не лети, куда не следует.

— Да ты с ума сошла! — закричал одуванчик. — Ведь это же мой сын! Он не мёд воровать летел, а места искать, где бы прорасти. Отпусти его сейчас же!

— Нет. Не пущу. Прилип так прилип!

— Ну, и дрянь же ты, смолка! Над своим добром трясёшься, ни за что глупых малышей губишь!

Медовый дождь

Нет над лесом ни туч, ни дождевых облаков, а в лесу дождь идёт.

Дождь шуршит по листьям, листья становятся мокрыми и блестящими.

С листьев дождинки скатываются на траву.

Я посмотрел на небо в лесной просвет, и мне на лицо тоже упали тёплые капли.

Капли я вытер ладонью и вдруг почувствовал на губах вкус мёда!

Не может быть!

Я выставил под дождь ладонь и потом лизнул ладонь языком. Сладко!

Я сорвал мокрый лист и приложил лист к губам.

Мёд!

Сыплет сладкий дождь! На траве — медвяная роса!

А небо голубое — ни облачка.

И пчёл не видно и не слышно.

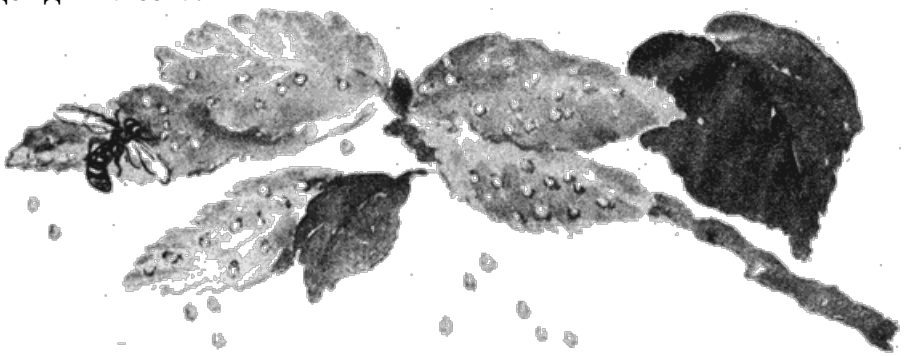
Смотрю я по сторонам. Лес как лес! Дождь шуршит. Мокрые листья шуршат…

Только замечаю, что тут и там опускаются на мокрые листья полосатые, как тигры, шершни. Тут и там бегают по мокрым травинкам шустрые муравьи. И шершни и муравьи слизывают с

листьев и травы сладкие дождинки.

Я всматриваюсь, всматриваюсь и вдруг понимаю, что дождинки падают не с неба, а из-под каждого листа на дереве! Каждый листик как маленькая дождевая тучка!

Заглядываю под самый широкий лист — весь испод листа усыпан крохотными зелёными букашками. Букашки сами похожи на зелёные капельки. Только у каждой капельки ножки. И хоботок. Хоботок живые капельки погрузили в лист и высасывают из него сок. Время от времени от каждой букашки капает вниз дождинка сока.



Зелёные букашки — это тли. Целые стада тлей пасутся на исподе каждого листа. Целые стада листьев трепещут на каждом дереве. Листья нависли над землёй, будто зелёные грозовые тучи.

Из этих зелёных туч и сыплет медовый дождь!

Раздолье в лесу для насекомых-сладкоежек.

Июнь для них — медовый месяц.

Двое совершеннолетних

Села я, сорока, на дуб, а он хвастается:

— Замечаешь, сорока, какой я стал солидный? Шестьдесят первый год пошёл. Своё совершеннолетие недавно справил: в первый раз цвёл. Поздравь, сорока.

Ну я, конечно, поздравила. Вдруг слышу — с берега речки кто-то пискнул:

— И меня поздравь!

Я — туда. Вижу, глядит на меня из травы проростыш низенькой крапивы-жгучки. И всего-то у проростыша две пары листочков, а, подумайте, цветёт!

— Поздравь меня! — пищит. — Ведь и я совершеннолетний. Даром, что из семечка недавно проклюнулся, а уже цвету.

Мне бы вытянуть его клювом из земли да бросить корешком кверху, а я растерялась и говорю ему, как путному:

— Поздравляю, счастья желаю, долгих лет!

Мой научный опыт

Недавно я прочёл в газете статью о новом открытии из жизни комаров, а точнее сказать, комариц. Наука давно выяснила, что комары очень добрые и питаются одним цветочным соком, а злючки-кровопийцы — это комарицы. Эти самые комарицы, оказывается, издают не только всем известный противный писк, это они делают крылышками, — а ещё они ультракричат. (Ультразвуки — это совсем тонюсенькие звуки. Наши грубые человеческие уши их не слышат.)

Так вот, комарицы издают два разных ультракрика: одним созывают своих товарищей на пир, когда найдут себе жертву для сосания крови, а другим криком дают знать им об опасности. Это, так сказать, сигнал: «Спасайся, кто может!» — и тогда все комарицы мигом разлетаются кто куда.

Автор научной статьи обещал изобрести машинку, которая будет издавать такой тревожный ультракрик — сигнал и этим осчастливить человечество. Надень на себя такую машинку, — и все комарицы будут от тебя за версту удирать ни одна тебя не укусит.

Я решил проверить это научное сообщение.

У нас в саду ужасно много комаров. Я засучил рукав и положил голую руку на садовый столик: «Нате, пейте мою кровь!» В один миг на руку мне налетело одиннадцать комарей… точнее надо сказать — комариц. К одной из них я подкрался указательным пальцем другой руки — и наступил ей на задние ноги. Комарица дёрнулась, запищала крылышками… Ей, конечно, было очень больно и очень страшно и, если б она могла издавать ультракрик, то, конечно, кричала бы всем своим товарищам: «Скорее уносите отсюда свои ноги!»

Но остальные десять комариц совсем и не думали удирать, а преспокойно вонзили мне в кожу свои тонкие трубчатые носы и стали наливаться моей кровью.

Тут и ещё подлетело новых пять комариц. Мне стало больно, и я пришлёпнул всех их другой рукой.

Таким образом, можно считать доказанным, что комарицы не издают ультракрика «Спасайся, кто может!» И изобретение такой

машинки будет совершенно излишним, одни расходы государству, а комары всё равно будут пить нашу кровь.

Птичий трудодень

И за что только некоторые люди считают птиц бездельниками?

Чуть свет — птицы на крыле.

Скворец летом работает в сутки семнадцать часов, городская ласточка — восемнадцать, стриж — девятнадцать, а горихвостка — больше двадцати!

Да меньше им работать и нельзя. Ведь чтобы накормить своих птенцов, стрижи должны принести корм не меньше тридцати — тридцати пяти раз за день, скворцы — около двухсот, ласточки — триста, а горихвосточки — свыше четырёхсот пятидесяти! Да и не по одной мухе или комару приносят птицы за раз. Стриж, вон, сразу приносит в клюве больше двухсот! У стрижа забот полон рот.

Много уничтожат птицы за лето вредных насекомых и их личинок. Работают не покладая крыл!

* * *

Натерпелись мы весной от бродячих деревенских собак и кошек, а теперь ещё страдаем и от городских. Дачники привезли с собой на дачу своих любимцев. Любимцы принялись за нас: полетели с нас пух и перья! Защитите наших малых деток. Не пускайте кошек разбойничать в лес! Не берите собак на лесные прогулки!

Зверьки и птицы

* * *

Мы муравьи. Мы такие крошечные, что самая маленькая

хвоинка для нас всё равно, что для вас самое большое бревно. Из сотен тысяч хвоинок-брёвен сложены наши дома-муравейники. Вам ногой пнуть, а нам начинай всё сначала. Мы и кусаем вас и кислотой муравьиной стреляем, да вам всё нипочём! Не разоряйте наши дома. Уважайте хоть наш труд. Ведь сотни тысяч хвоинок и каждая, как бревно!!

Лесные муравьи

* * *

Жалуемся на слишком жалостливых человеческих пап, мам и их деток. Когда мы вылетим из гнезда, то часто сидим на земле или на кустах в одиночку. Сидим себе и попискиваем: ждём, когда нам наши папы и мамы вкусненькую гусеничку принесут. А жалостливые люди думают, что нас бросили, что мы голодные. Забирают нас к себе домой, сажают в душную коробку и пичкают хлебом, крупой, а то и колбасой копчёной. От такой помощи нам остаётся только околеть!

Жалостливые люди, не трогайте, пожалейте нас!

Птенцы

* * *

Жалуемся мы — летучие мыши: ушаны, кожаны и ночницы. Жалуемся на людей, которые говорят, что мы:

Ушаны: запутываемся в волосах! **Кожаны:** высасываем кровь! **Ночницы:** приносим несчастье! И что от нас, как и от обыкновенных мышей, один только вред.

Хором: это не-прав-да! Мы готовы пищать от обиды! Мы поедаем комаров простых и малярийных, майских жуков и ночных бабочек. Мы оберегаем лес от вредных личинок и гусениц. А наши родственники в тропиках даже опыляют цветы!

И, потом, мы не мыши! Нас только почему-то назвали мышами. Ведь мыши все грызуны, а мы не грызуны, а насекомоядные. Мы не нападаем на людей и не высасываем кровь.

И потому мы предлагаем:

Ушаны: считать нас своими друзьями и взять под защиту!

Кожаны: не обижать нас на зимовках в пещерах!

Ночницы: строить и развешивать для нас летом дуплянки!

Хором: а пугливых людей просим не пугаться нас. Мы

страшны только для комаров!

Летучие мыши

* * *

Жалуемся! Оскорбили словом и действием! Кого обзывают мерзкими тварями? Нас, жаб! Мы отвратительны, мы опасны, мы — жабы. Почему на руках бородавки? Мы, жабы, виноваты! А раз так — бей жаб!

А ведь мы пользу приносим, поедаем слизней, личинок, гусениц! И бородавки на руках совсем не от нас. И не такие уж мы уроды — у нас чудесные золотистые глаза!

Не по нраву вам наш вид, так хоть дела уважайте!

Жабы

Всех страшнее

Сижу на ветке ольхи. Вижу, идёт к моей ольхе старый лось. Огромнее, сильнее, смелее зверя нет. Прилёг лось под деревом отдыхать.

Вдруг слышу вдали — зверь. Я давай кричать на весь лес:

— Медведь, медведь, медведь!

Лось и не шелохнулся.

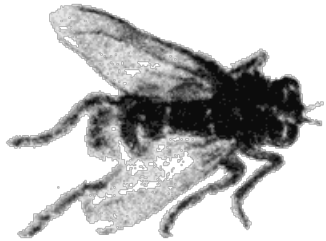
Медведь прошёл стороною. Стало тихо, да ненадолго: слышу — вдали человек. Я давай кричать на весь лес:

— Охотник, охотник, охотник!

Лось едва ухом повёл.

Охотник прошёл стороной. Опять стало тихо.

Вдруг слышу — овод жужжит. Да прямо под мою ольху — к лосю.



Тут лось как вскочит да бежать! Только сучья под копытами трещат.

Вот кто лосю больше всех страшнее — кусачий овод!

Лось и Летучая мышь

— Ты, Лось, отчего приплясываешь, ушами потряхиваешь?

— От горя, матушка, от горя. Комары-кусаки житья не дают… А сама-то ты, Мышь летучая, отчего в воздухе пляшешь?

— От радости, батюшка, от радости. Я этих комаров на лету хватаю, живьём глотаю, крылышки выплёвываю. Тебе от них — горе, а мне — радость великая!

Мышь-малютка и Пеночка

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Я, Мышка.

— Вот смешно! Мышка, а жить высоко устроилась, на кустике!

— А я не простая Мышка. Я Мышь-малютка, хорошо лазать умею, со стебелька на кустик путешествую, семена собираю. Тут у меня и стол, и дом. Где же мне гнёздышко вить, как не на кустике?

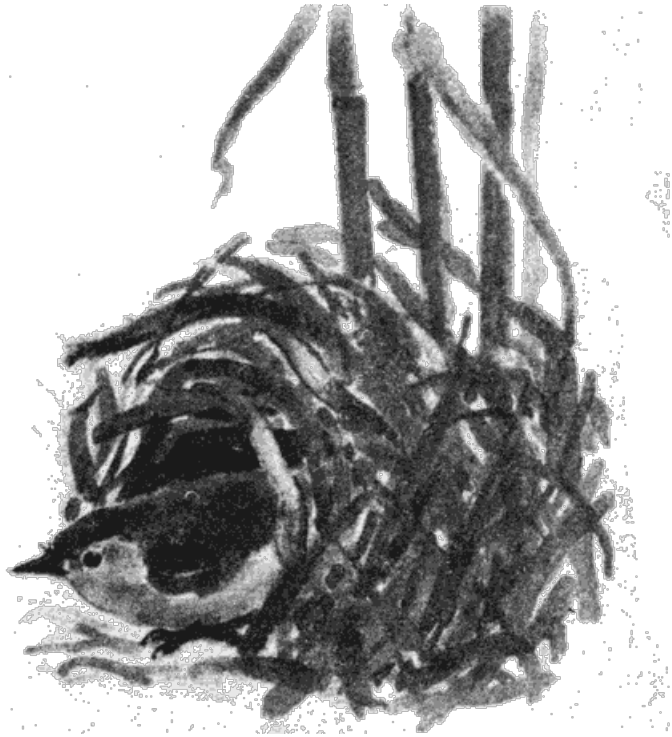
* * *

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Я, Птичка.

— Вот смешно! Птичка, а жить на земле устроилась, в травке!

— А я не простая птичка. Я Пеночка, живу на чистых местах, на зелёных лугах, травяных насекомышей ловлю. Тут у меня и стол, и дом. Где же мне ещё гнёздышко устраивать?



Землеройка и Скворец

— Скворец, Скворец, это чей такой дворец?

— Это мне люди построили. Я тут сад охраняю, от жуков да гусениц оберегаю.

— А почему же мне люди ничего доброго не делают?

— А кто ты такая, чем славишься?

— Я Землероечка.

— Ну и что?

— Так я же не меньше тебя работаю… Ты только жуков да гусениц ловишь, а я и улиток,

и слизняков,

и долгоносиков,

и жужелиц,

и личинок всяких,

хрущей

и даже мышей зубастых извожу!

Неужели я меньше тебя похвалы заслуживаю?

Уж и Синичка

— Гляньте, гляньте!!. Ай, ай! Уж противный опять у какой-то птицы яичко стащил!

— Ти-шше… Болтуш-шка… Ничего я не стащил… Это яичко не простое, это яичко золотое… Из него ужатки маленькие выводятся!

Загадки

А ну-ка, что в этом рассказе неправда

Лесной поход

Лето я провёл в пионерском лагере под Ленинградом. В день летнего солнцестояния мы собрались в поход. Вышли в семь часов утра — солнце только-только показалось над горизонтом на востоке.

Лесная тропинка то и дело поворачивала, виляла. Мы запели: «Вьётся вдаль тропа лесная…»

Пахло цветущей черёмухой. Пели на деревьях птицы: трясогузки, каменки, серые мухоловки. Громко трещала иволга,

высовывая головку из дупла. В дупле было её гнездо.

На ёлке мы увидели дятла. Он оторвал лапкой шишку, вцепился в неё коготками и понёс её в свою «кузницу» — расщелинку в стволе ели. Зажал шишку в щели, разбил носом, выклевал из неё все семена и полетел кормить ими своих птенцов. Птенцы дятла молча сидели в гнезде и терпеливо дожидались родителей. Хорошо им было в круглом гнёздышке под еловой лапкой.

Самыми заботливыми родителями оказались папа-ворон и мама-ворона. Они по очереди приносили воронятам разные лакомства: красную рябину, майских жуков, лягушачью икру. Голопузые воронята встречали родителей радостным карканьем.

По лесной тропинке вышли мы на болото. На краю мохового болота сразу заметили белую куропатку и зайца-беляка. Белые — далеко их видно. Куропатка склёвывала с кочек красную клюкву, а заяц грыз кору на осинке.

До вечера ходили мы по лесу и наблюдали. Но вдруг пошёл дождь. Ударил гром, потом сверкнула молния. Солнце садилось на западе. Мы побежали домой. Домой вернулись поздно, в девять часов вечера. Было уже темно. Все устали, но очень были довольны лесным походом.

Ученик 4-го класса Брехунков Витя

Загадка про цветы

Везде цветы: в полях, на лугах, в лесу.

Ваня сказал:

— Цветы из земли вырастают. Мне сам Миша сказал. Он всё знает, он всю зиму в первый класс ходил.

— Вот и нет, вот и нет! — заспорила Женечка. — Цветы не вырастают, а приходят! Вчера я три раза ходила на полянку. Утром пошла — ой, сколько было цветов! Прямо ступить некуда. А днём после дождика пошла — совсем мало цветов осталось. Значит, они дождика испугались и убежали в лес. Поздно вечером ходила — совсем мало цветов на лугу. Все спать ушли. Но зато из леса новые прибежали — беленькие, пахучие такие. Днём таких не было. Они только ночью приходят на полянку па́хнуть.

— Ну уж дудки! — сказал первоклассник Миша. — Цветы безногие, им туда-сюда ходить не на чем. Просто одни в дождь и вечером закрываются, а другие открываются только на ночь. Уж я-то знаю!

С Мишей спорить — только время терять. Он всю зиму в первый класс ходил. Давайте просто сами проверим.

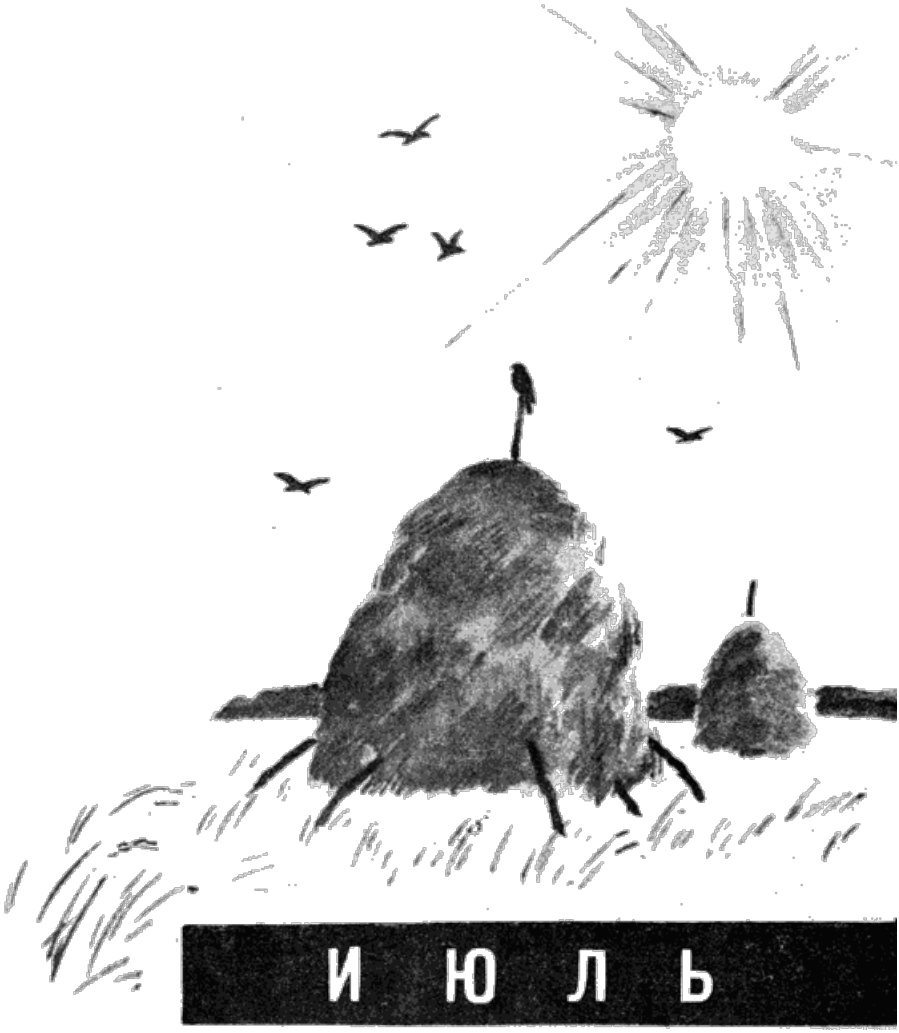
1) КАКИЕ ЦВЕТЫ ЗАКРЫВАЮТСЯ В ДОЖДЬ?

2) КАКИЕ ЦВЕТЫ ЗАКРЫВАЮТСЯ НА НОЧЬ?

3) КАКИЕ ЦВЕТЫ РАСКРЫВАЮТСЯ ТОЛЬКО НОЧЬЮ?

Проверим в поле, на лугу и в лесу. Убедимся сами, чтоб уж твёрдо!

Июль



Июль — макушка лета. Месяц большого тепла, весёлого сенокоса, первых лесных ягод и звонких ночных гроз.

Сочно вжикают на лугах косы, радостно перестукиваются оселки, деловито трещит косилка.

Вырубки красны от иван-чая, серые луговины, как снегом, покрыты пушицей.

Сколько морошки выросло нынче в болотах!

Пока ещё жестковаты её ягоды, похожие на алые розочки, но скоро они пожелтеют и размякнут. Побегут тогда колхозные ребята с большими корзинками за первым лесным лакомством. А по дороге, на опушке, нахватают полные горсти сладкой, чудесно

пахнущей земляники.

В речке на перекате, где длинные бороды водорослей качаются по быстрой струе, мальчишки руками ловят раков.

Неподвижно сидит рак под камнем, выставив клешни, но задетый босой ногой, он стремительно исчезает в подводной чаще.

Весело перекликаются ребячьи голоса. Ничего, что красные, как у гусей, ноги оскальзываются и больно стукаются о замшелые камни.

— Санька! Налим! Налим!

Пегая рыбина величиной с доброе полено спокойно уходит на глубину. Такого рукой не поймаешь!

За перекатом омут, — круглый, чёрный, окаймлённый белыми кувшинками. Ивы протянули ветки к тихой воде.

С куста в воду падает бабочка. Она лежит на спинке, и лёгкие круги расходятся от трепета светлых крыльев.

Торчком всплывает язь, открывает рот и… на месте бабочки крутится воронка. Жарко. У воды зной томит ещё больше. Хочется купаться.

Хорошо в июльский полдень лежать на песке у озера. Ветер здесь такой тёплый, что не знобит даже голую кожу. Если он тянет с берега, то приносит аромат цветущего луга и короткие, ленивые песни жаворонка; если от воды, то доносит резкий запах водяных растений и звонкие вскрики чайки.

Завидно смотреть, как белокрылая птица камнем кидается вниз, поднимая фонтанчик брызг. Впрочем, зачем завидовать? Лучше встать и пробежать три шага. Серебром сверкнут мальки на отмели, и ласковая прохладная вода расступится в брызгах пены.

К вечеру холодеет воздух. Резко пахнет сено. Луговое — цветами, на лесных покосах, где коса частенько прихватывает древесную поросль, — осенним запахом вялого листа, на чистых низинах — мёдом и ржавчиной.

Ночью за озером полыхают зарницы. В папоротниках зажигаются огоньки светлячков; их не видно было раньше, пока не потемнели ночи. В неслышном полёте вьются у древесных вершин летучие мыши. Угловато и стремительно летит над просекой козодой и, резко сложив крылья, садится на тёплый песок дорожной колеи.

Хороший месяц июль! Ласковый и тёплый.

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Васильки

Моя самая младшая дочка — Шура — сегодня в первый раз увидела василёк. Сорвала — и не могла на него налюбоваться. И правда, как хорош василёк: яркий, нарядный! На краю цветка кружочком лежат лазоревые трубочки, и каждая — с зубчиками. И пахнут васильки приятно, но как-то особенно, не только по-цветочному, а ещё немножко сеном и рожью.

А какая замечательная нынче выросла рожь! Она встала перед Шурой стеной. Шура поглядела в просветы между стеблями и вздохнула:

— Вот бы проскочить туда!

— Да куда же, Шурочка!? Ведь и посередине поля всё то же: стебли, стебли и стебли. Вон какая густая рожь!

А Шура твердит:

— Нет, только бы проскочить.

Вот чудачка! Но я жалела, что взяла её с собою в поле. Очень уж было жарко. И Шура моя совсем раскисла. Еле ноги волочила. Всунула свою ручку в мою, и обе сразу стали мокрыми. Мы присели отдохнуть. В небе пели жаворонки, в траве стрекотали кузнечики. Пахло рожью и кашкой. Шура положила головку мне на колени. Лежала и кусала колосок.

— Мамочка, — вдруг спросила она, — а ты много находила васильков, когда была маленькой?

— Да, очень много. Мы с подругами всегда плели из них венки. В старые времена ржаные поля так и синели от васильков. А рожь была реденькая, совсем не такая, как эта. Васильки её заглушали — отнимали от неё и воду, и пищу, и свет. Случалось, что из-за васильков пропадала половина урожая.

— Как это — половина урожая? — не поняла Шура.

— А так. Как будто в каждой крестьянской семье поселился обжора василёк. Сядут за стол, и он тоже. Положат на стол краюху хлеба, а он половину отрежет и съест. И так за каждой едой и каждый день.

— Надо было выгонять его из-за стола, — сказала Шура.

— Надо бы, да не мог с ним народ справиться. А сейчас василька победили. Сейчас зёрна ржи, прежде чем сеять, очищают и семена василька выбрасывают. Вот поля и чисты. Вот и нет васильков.

— А я этот василёк положу в книжку на память, — сказала Шура, — в старинную книжку положу.

Приключения Припрыжкина — закавказского русачка

(Письмо с Кавказа)

Чуть я не погиб. Весной это ещё было. Если бы не смелость моя, то… Да вот, почитайте.

Люблю я птиц за песни. Дремлешь под кустом, а они тебе песни поют. Да и я перед ними в долгу не остаюсь. Многие здешние птицы гнёзда свои моей шёрсткой выстилают. Кусты тут колючие; пока сквозь них продерёшься, — шерсти линючей на колючках немало оставишь. Птицы шерсть для гнёзд собирают. Мне не жалко — пусть!

Да вдруг — беда!! Слетелись как-то птицы: горихвостки, жуланы, славки. Подняли писк. У всех у них ночью гнёзда пропали! Вечером было гнездо, а утром нет!

Всяко у нас в горах бывает. Бывает, сороки яйца из гнёзд воруют. Бывает, сойки птенцов заклюют. Но вот чтоб гнёзда воровали — такого в жизни не слыхал! А слух у нас, у зайцев, сами знаете, — чуткий.

Повесили птицы носы и петь перестали. Надо выручать. Топнул я лапкой и говорю:

— Вот как поднимется над горами наше заячье солнце, — разыщу злодея!

Дождался луны — луна для нас, для зайцев, всё равно, что солнце. Мы зверьки ночные. Днём, при солнце, мы спим.

Скакал, скакал, вижу — пещера. Дай загляну! Заглянул. Посреди пещеры камень. Справа от камня кости белые, шерсть, черепа заячьи, а слева — птичьи гнёзда! И горихвосткины, и

жуланьи, и славкины!

Я — назад! А навстречу мне страшная — ух ты! — голова, как кочан капусты, рожа кошачья, на голове рога, глаза горят!

Опомнился я уже далеко. Как голову о камни не расшиб, — сам не пойму. Трясусь и плачу. А филин-страшила хохочет:

— Хо! Хо! Хо!

Филин — вот кто гнёзда воровал!

Лень ему по прутику гнездо своё собирать. Воровать-то легче. Схватит лапищей птичье гнёздышко, сорвёт с веток и к себе в пещеру, на подстилку.

Ну, а когда поднялась над горами наша заячья луна, то есть птичье солнце, задали ему птицы трёпку! Так по горам гоняли, что не знал, куда и спрятаться!

Слепой дождик

Летний весёлый Дождик прибежал в лес — и давай плясать! По берёзовым листочкам пощёлкивает, по круглым осиновым листьям барабанит, напевает песенку:

Я из тучи упал,
По земле побежал,
Мои ножки легки —
Ни разу не споткнутся…

— Какая славная песня! — сказали вдруг тоненькие

голоса. — Какой добрый Дождик!..

Это радовались Водомерки. Они жили в маленьком лесном озерце и сейчас стояли рядышком у берега, как маленькие лодочки у пристани.

— Значит, я вам нравлюсь? — спросил Дождик.

— Ну, конечно! — ответили Водомерки. — Мы тебя так ждали! Наше озерцо уже совсем высыхало, мы не знали, куда деваться… А теперь оно разольётся снова, жить нам будет просторно, привольно… Лей пуще, Дождик!

И Дождик защёлкал сильней и ещё громче запел:

…Под кустом ждут меня,
Под листком ждут меня,
Птицы ждут, звери ждут,
Просто не дождутся!

— Как бы не так! — послышался злющий скрипучий голос Паука. — Кому ты нужен, глупый Дождь… Только мешаешь. Я трудился, я старался, паутину свою плёл. Между ветками её растянул, думаю: сейчас добыча попадётся! А попали одни твои капли, намочили паутину, разорвали. Убирайся из лесу!

— Вот тебе на! — сказал Дождик. — Одни меня хвалят, другие меня прочь гонят… Интересно — нужен я всё-таки здесь или нет?

— Конечно, нужен!.. — пыхтя и отдуваясь, сказала Сыроежка. Она только что проглянула из-под земли, и на её круглой фиолетовой шапочке ещё лежали сучок и сосновые иглы. — Припусти, Дождик! Мы, грибы, расти без тебя не можем!

— Нет, нет! — закричала лесная Земляника в белом платочке. Ты сейчас совсем не нужен! Я вся вымокну, и у меня тогда ягод не будет!

— Молодец, Дождик! — сказал мокрый, но очень довольный Лось. — Ты слепней разогнал, мух распугал, а то ведь житья от них не было!

— Тьфу! — рассердился Барсук. — Я нору чистил, проветривал, подстилку менял, а тут — хлынуло… Безобразие! Совсем не вовремя дождик!

Слушал Дождик, слушал, — ничего понять не может.

— Ну, — говорит, — вы тут без меня разберитесь — нужен я или нет. А я покуда в деревню сбегаю.

Прибежал в деревню, по тесовым крышам постукивает, в желобах побулькивает, распевает:

Я из тучи упал,

По земле побежал,
Мои ножки тонки —
А всё равно не гнутся!
В деревнях меня ждут,
В городах меня ждут,
Тут и там, там и тут
Просто не дождутся!

— Это верно! — сказали Огурцы, росшие в огороде. — Заждались мы тебя, Дождик… Ух, напьёмся сейчас!

— Ах, так?! — сказали капризные Помидоры. — Дождик пошёл? Ну, так не будет вам красных помидоров. Чтобы нам цвести, жара нужна, сухой воздух… А сырость нам вредна, вредна, — понимаете?

— Ничего, ничего! — весело сказал жёлтый Лилейник, стоявший в палисаднике перед домом. — Дождик — это хорошо, это полезно… После него я так расцвету, что моя хозяйка будет очень довольна!

— Хозяйка не будет довольна! — захныкали синие Люпинусы. — Мы очень нежные цветы… У нас такие тяжёлые шапки, что если они намокнут, то мы не выдержим и сломаемся… — Не успели цветы договорить, как на улице кто-то закричал и засмеялся. Босые мальчишки шлёпали по лужам, брызгались и просили:

— Дождик, Дождик, — пуще! Дождик, Дождик, — пуще!

— Ага! — обрадовался Дождик. — Люди-то уж лучше всех знают, нужен я или нет… Пуще — так пуще!

И только он собрался припустить вовсю, как загромыхали колёса — на конных граблях ехали колхозники.

— Эх, — говорили они, — помешает нам дождик сено убрать… Хоть бы унялся, погодил маленько!

Дождик совсем растерялся. Он даже петь начал шёпотом и перепутал слова своей песенки:

Я на тучу упал,
Я с земли убежал,
Мои ножки тонки —
Меня не дождутся…

А тут между туч выглянуло ясное солнышко. Оно так заблестело, засияло, что Дождик сразу ослеп.

Ведь всегда при солнце Дождик становится слепым…

И он уже теперь не мог выбирать дороги и пошёл по земле

просто наугад. И больше на него никто не сердился. Все понимали, что если Дождик пришёл не вовремя, то сделал он это нечаянно.

Под водой

В подводном мире всё не так, как у нас на земле.

Передвигаться там нужно не стоя, а лёжа. Там очень трудно шагать, но зато просто летать. А прыгать там лучше всего вниз головой.

Руки и ноги в этом мире становятся на треть короче, а рыбы, раковины и водоросли — на треть длиннее своего роста. Вода сплющивает расстояния и увеличивает предметы.

В подводном мире никогда не бывает дождя и снега. На небе там не звёзды, не тучи, а волны. Между волн перекатываются пузырьки воздуха, блестящие, как звёздочки!

Зимой там не бело́, а черно́ — всю зиму непроглядная ночь. Там нет горизонта — черты, где земля сходится с небом.

По земле подводного мира не скачут весёлые солнечные зайчики. Там колышутся широкие солнечные рыбы-ленты — отсветы волн и солнца. Лиловые тени от красных деревьев лежат на зыбкой серой земле. Мягкая зелёная дымка заволокла всё вокруг — нет ни резких теней, ни острых углов.

Всё призрачно и таинственно.

Всё не так, как у нас на земле.

Я еле дождался лета — так не терпелось спуститься под воду и увидеть рыб.

Наши озёрные рыбы — не диковина. Ерши, плотва, окуни, щуки, — кто их в руках не держал?

Но одно дело — рыба в руке, а другое — в воде. В воде рыба дома, там она живёт. А в руке рыба снёт — умирает.

У снулой рыбы даже цвет неживой — блёклый.

Рыбаки говорят, что снулая рыба *вянет*.

А то ли дело рыбы живые — яркие, быстрые, резвые!

Кому на таких посмотреть неохота!

На лицо надел водолазную маску.

Ноги сунул в резиновые ласты.

Стал я похож на одноглазую лягушку и, как лягушка, нырнул в воду.

Рыбята

Светло и весело под водой в солнечный день!

Особенно на мелководье. Там на песчаных полянках растут длинные и тонкие водоросли, похожие на зелёные волосы.

На эти полянки из холодной и сумрачной глубины выплывают мальки принять солнечную ванну. Мальки толкутся на поляне, как комары-толкуны.

Проплывёшь сквозь мальковый рой — будто под грибным дождиком пробежишь. Всё вокруг сверкает, и тело щекочут лёгкие «дождинки». Мальки заглядывают в маску, виляют хвостишками у самого носа. Но поймать их так же невозможно, как и схватить падающие капли дождя.

Мальки всегда очень заняты. То они сосут листики — зелёные соски. То подвешиваются на губах к водорослям и висят блестящими росинками. Жадные хватают мух с неба, а любопытные суют свой нос в наш мир.

Пронеслась однажды над водой бабочковая метель. Легкокрылые мотыльки устлали воду белыми крылышками. Мальки сейчас же высунули носы из воды. Но тут вдруг страшная чёрная тень пронеслась над их носами. Мальки в ужасе брызнули вниз.

Я вынырнул и успел увидеть чёрное чудовище. Это была… ласточка! Она подхватывала упавших на воду мотыльков.

Вот натерпелись мальки страху!

Но рыбята, как и все ребята, не любят унывать. Унеслась ласточка, — все за дело. Кто нос в небо, хвостик вниз; кто листик сосёт, кто мотылька за крыло тянет.

* * *

Катят по небу серые волны. Колышутся по дну широкие жёлтые ленты.

Между волн перекатываются шарики воздуха, а между жёлтых лент покачиваются мальки. Блестящие, как капельки солнца.

Светло и весело под водой!

Скворец-знахарь

Хорошее место для гнезда выбрали себе скворцы — в щели сарая под плоской крышей. Крыша была земляная и на ней, как на полянке, росла зелёная трава.

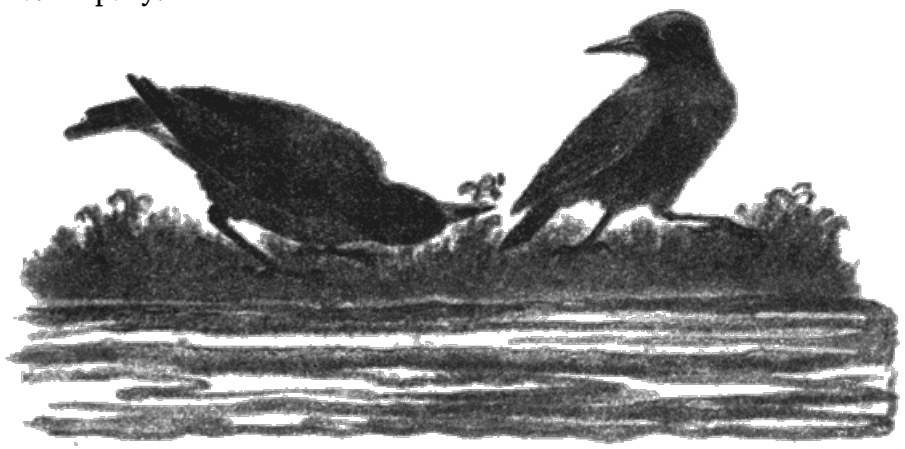
От дождя и ветра скворчата укрыты надёжно. Да вот беда — развелись в гнезде птичьи блохи. А скворцы — птички опрятные. Они любят купаться и чистить свои пёрышки клювом. Даже скворчата, как подрастут, в гнезде не пачкают, а высовывают для этого из гнезда свои куцые хвостишки.

Блохи кусали скворчат. Скворчата бились в тесном гнезде, как рыбы в сачке. Один скворчонок даже вывалился из гнезда, и его схватила кошка.

Птичьи блохи и разные насекомые-кусаки чувствовали себя в

гнезде под чужой зелёной крышей, как у себя дома.

Но однажды утром, выйдя из домика, я увидел, что зелёная крыша сарая стала голубой! На ней густо поднялась какая-то голубая травка. В голубой траве сидели старые скворцы. Защемив жёлтыми клювами голубые листочки, скворцы изо всех сил упирались в землю ножками и отчаянно трясли головами — рвали траву.



С пучком травы в клюве сперва один скворец, за ним второй залетели в щель под крышей и выстлали этой травой своё гнездо. И тут уж не скворчата, а блохи-кусаки начали выскакивать из гнезда! Да так быстро, будто начался в гнезде пожар!

Скоро блох и разных птичьих кусак не осталось в гнезде ни одной. Скворчата успокоились и перестали биться. Потом запросили есть и — такие чистюли! — снова стали показывать из щели свои куцые хвостики.

Я сорвал листик голубой травы и размял его в пальцах. В нос ударил такой резкий запах, что я чихнул! Горькая полынь!

Оказывается, запах полыни для блох пострашней, чем едкий дым для комаров!

Ай да скворцы-знахари!

Пятое имя

Плотвицы совсем как ласточки: стройны, быстры, непоседливы. Но цветом они на ласточек не похожи.

В воде плотвицы кажутся серыми, и рыбаки иногда называют их за это серянками. Или краснопёрками — за красные плавнички.

Плотвицы всегда в движении. То серыми тенями шныряют

между водорослей, то разом взметнутся, блеснут, как солнечные зайчики. За этот блеск плотву зовут ещё серебрянкой.

Есть у плотвы и ещё одно имя — четвёртое.

Как-то пробирался я сквозь заросли и выплыл на подводную полянку. Пусто на полянке. Одни пузырьки, будто белые мотыльки, взлетели вверх.

И вдруг вокруг меня вихрем закружили красные искры!

Я даже вздрогнул, — глаза!

Красные, блестящие, как огоньки.

Мимо таких глаз не проплывёшь, остановишься: не глаза, а настоящие стоп-сигналы!

За красные глаза многие рыбаки зовут плотву красноглазкой.

Столько имён у плотвы: серянка, краснопёрка, серебрянка, красноглазка! И все хороши.

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Добрая…

— Что ж ты плачешь, Мухоловочка? Бедненькая!

— Как же мне, Кукушечка, не плакать. Было у меня в гнезде пять яичек, осталось четыре. Сойка одно яичко утащила!

— Ах, душегубка! Ах, негодница! Ах, мерзавка! Не плачь! Мухоловочка, я помогу твоему горю. Я тебе своё яичко положу.

— Нет, нет, нет! Прошлое лето одна кукушка помогла вот так мне, так я всех своих деток лишилась. Вылупился кукушонок злодей и всех моих деток из гнезда выкинул! Знаю я тебя, помощницу. Пролетай, пролетай!

Кукушка и мы

Май на дворе.

— Кукушка, кукушка, подай голосок через тёмный лесок: сколько месяцев ты у нас жить будешь?

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку!

Июнь на дворе.

— Кукушка, кукушка, подай голосок через тёмный лесок: сколько месяцев у нас жить будешь?

— Ку-ку, ку-ку…

Июль на дворе.

— Кукушка, кукушка, подай голосок через тёмный лесок: сколько месяцев у нас жить будешь?

— Кук!

Перепёлка

Я очень люблю птиц. Однажды весной наша кошка поймала птичку. Я кошку поймала и птичку отняла. Это была перепёлка. Кошка не успела её сильно помять и повредила только лапку. Долго жила перепёлка у нас, а когда у неё ножка поправилась, мы её выпустили в поле. Как рада была она свободе! И я была рада, что выручила птицу из беды.

Люда Малышева

Муравьи помогли

У меня дома хранятся коробки со стеклянными крышками. В

коробках — скелеты. Скелеты ящериц, землероек, крота, птички и окунька. Сделал я их сам. И знаете как?

Я с мёртвого животного снимал шкурку, вынимал внутренности и потом клал его в бумажный кулёк. А кулёк зарывал в большой муравейник. Через неделю я кулёк доставал — в нём были чистые косточки. Мне оставалось только скрепить их проволочкой и подклеить столярным клеем, и готово пособие для учебного занятия.

Этим летом я думаю сделать скелет лягушки и змеи.

Миша Егоров

* * *

Поставили мы на опушке леса три мышеловки. Хотели мы лесных мышей поймать. Наутро приходим и видим: две мышеловки тут, а третья пропала. В двух попались мыши — лесные полёвки. А третья где мышеловка? Стали мы следы разбирать. Видим на сырой земле лисий след. Пошли по следу, метров пятьдесят прошли — вот наша мышеловка! Лежит вверх дном и мышь в ней сидит. Всё понятно: лисица мышеловку утащила. По следам видно, что вертела она её и так и сяк, но до мыши не добралась. Хоть и хитра кума, да не хватило ума!

Петя Иванов

* * *

Вот такую «Доску почёта» вывесили мы у себя в пионерском лагере. Мы хотели, чтобы все ребята узнали, какую большую пользу приносят маленькие птицы, и не обижали их.

Пионер Саша Лаптев

Доска почета

Горихвостки

Выкармливая птенцов, работали до двадцати часов в сутки. Уничтожили массу вредных насекомых.

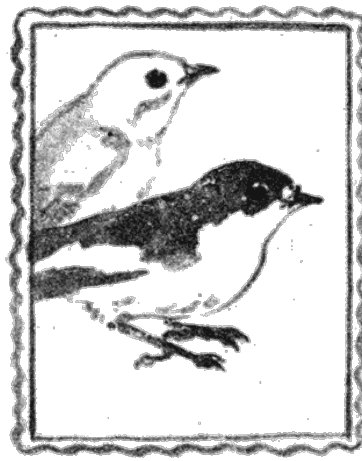
Серые куропатки

Вырастили двадцать хорошеньких цыплят.

Стрижи

Охотясь за летучими насекомыми для своих птенцов, ежедневно налетывали до тысячи километров.

Мухоловки-пеструшки



Пятьсот шестьдесят раз прилетали кормить своих детей за один день. И каждый раз приносили по две — три гусенички или комара.

Ласточки

Так много приносили птенцам комаров и мух, что птенцы перед вылетом стали тяжелее своих родителей.

* * *

Сорок лет прожила я на свете и считала, что я берёза. Но прошлой весной подошёл ко мне турист и на спине у меня вырезал — «Ваня». Летом дачник подошёл и вырезал — «Лёня». Осенью ночевал рядом грибник и вырезал на коре — «Миша». А этой зимой подъехал лыжник, прочитал все имена, воткнул палки в снег, достал нож и вывел — «Эдуард».

Так кто же я, наконец? Берёза или Эдуард? И почему Лёни, Миши и Вани вырезают на моей спине лоскуты кожи?

Старая берёза

* * *

Мы самые любимые насекомые. Нас все в лесу знают и все любят. Но любовь любви рознь. Нас любят только… есть! Нас едят дрозды, зарянки, скворцы, овсянки, коньки, зяблики, воробьи, мухоловки, синицы и многие другие птицы. Больше всех нас любят дятлы и вертишейки. Дятлы даже разрывают наши муравейники и клюют нас вместе с нашими куколками. Птицы нас ловят на земле, на деревьях и в воздухе, когда у нас отрастают крылья.

Нам не нужна такая любовь!

Лесные муравьи

Володя Серов собрал большую коллекцию бабочек. Их сейчас у него больше ста. Володя не только собирает коллекцию, но и наблюдает жизнь живых бабочек в поле. У него много интересных наблюдений. Володя прислал нам три загадки про бабочек. Вот они.

Летом бабочек много, а зимой нет ни одной. Где проводят зиму бабочки?

У бабочек очень красивые крылышки. Когда бабочка летит, — крылышки так и сверкают. А бывают ли такие бабочки, которые не могут летать и у которых совсем нет крылышек?

Назовите бабочку, которая пищит.

Сосенки-сёстры

Вышли ребята на лесную полянку; посреди полянки две сосенки одинакового роста стоят.

— Сосенки-одногодочки! — сказал Миша. — Видишь — рост одинаковый?

Ваня подсчитал что-то по пальцам, пошептал про себя и говорит:

— Нет, брат, это совсем не одногодки. Правая на два года старше, хоть рост у них и одинаковый. Дело простое — по пальцам сосчитать можно.

Кто знает, как можно определить возраст молодых сосенок при помощи пальцев?

Почему?

Много живёт на земле разных птиц. Но у каждой птицы есть своё имя. Интересные бывают у птиц имена! Ну, вот, например, птица Поганка. Почему её так назвали? Или вот птица Пастушок. Или птица Чечевица. Или Завирушка. Нет, не зря мы дали такие имена! Тут есть какая-то связь с их обликом и образом жизни.

Хотим мы вам загадать загадки про любопытные птичьи имена. Птиц мы для этого выбрали таких, которых каждый сможет увидеть в парке, саду, на задворках и даже в живых уголках.

Увидеть их надо для того, чтобы легче было разгадать загадки. А загадки наши такие:

1) ПОЧЕМУ ПТИЧКУ ОВСЯНКУ НАЗВАЛИ ОВСЯНКОЙ?

2) ПОЧЕМУ ОДНУ ИЗ НАШИХ СИНИЧЕК ЗОВУТ ГРЕНАДЕРОМ?

3) ПОЧЕМУ ПТИЦУ СВИРИСТЕЛЯ ИНОГДА НАЗЫВАЮТ КРАСАВОЙ?

Помните, ребята: ответы на наши загадки ищите в лесу, в поле, на улице.

Август

АВГУСТ

Август — месяц жатвы и первых тёмных ночей. Месяц предотлётной пробы крыльев. Месяц грибов.

Лето на переломе…

Встанем вместе с солнцем и по росной траве пойдём через поля в лес. Ещё очень много цветов, но они как будто переселились на межи, обочины дорог и канавы вокруг холмистых лугов, похожих сейчас на стриженые детские головы.

Тихо в поле. Примолк коростель. Коротко и редко поёт жаворонок. Только ласточки, стелясь в быстром полёте над самой

травой, щебечут ласково да изредка звонко вскрикивают жёлтые трясогузки.

В лесу не так уж зелено, как раньше, — слегка поблёкла листва берёз и осин. Пропали слепни и оводы, и тонкий аромат лесных ландышей и любки сменился запахом пожухлой травы и грибов.

В осиновой роще в редкой траве столбиками торчат нарядные грибы. Ножка стройная, с чёрными рябинами, а шляпка такая красная, хоть глаза зажмуривай, и через всю шляпку светлая бороздка там, где лежала травинка.

Пойдёмте в ельник. На светлую полянку протянулись еловые лапы. Отодвинем одну в сторону. Рыжики!

Там, где молодые берёзки и сосенки сбежали по холмам к озеру, в притенённых овражках пахнет грибами, а их не видно нигде.

Только в одном месте выглядывает из лесной ветоши ободок маленького фарфорового блюдца. Протяните руку — и вот он, груздь. Белоснежный, хрупкий, чуть скользкий, с нежнейшей бахромой по краю шляпки.

На пригорках припеклась земляника до черноты. Тёмные ягоды душисты, сладки, но не сочны.

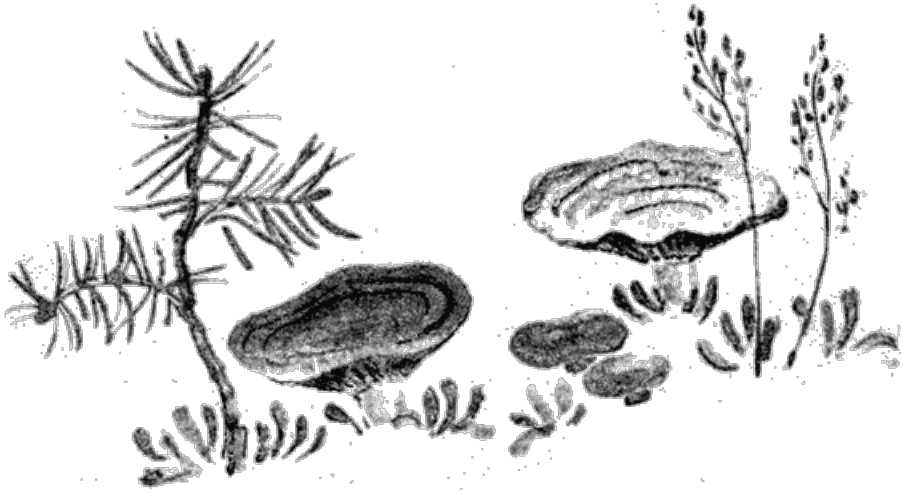
Настала пора черники. Чёрные шарики, покрытые голубым налётом, рассыпаны так щедро, что даже листва среди них теряется.

Засверкали на опушках кисловатые гроздья костяники, так хорошо освежающие рот. Даже у маленьких ягодок клюквы закраснели щёки.

Озимые сжаты, колхозники принялись за яровые.

Длинные колосья ячменя шёлком переливаются на ветру. Четвёртый цвет сменило льняное поле: нежно-зелёное с весны, голубое в цвету, пёстро-золотистое в начале месяца, сейчас, в полной спелости, оно ярко-рыжее. Льнотеребилка ровно стрижёт и укладывает этот чудесный волос.

Будет ещё тепло, но лето переломилось. Первый утренник уже серебрил болота и лесные покосы, на восходе солнца бормотал тетерев, и берёзы вплели первые жёлтые ленты в совсем ещё зелёную листву. Близится осень, нарядная и обильная. Весело стучит молотилка. В домах пахнет свежим хлебом, укропом и грибами.



РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Лесные силачи

Ударила первая капля дождя — начались соревнования.

Соревновались трое: гриб подосиновик, гриб подберёзовик и гриб моховик. Кто сильнее?

Первым выжимал вес подберёзовик. Он поднял листик берёзы и улитку.

Вторым номером был гриб подосиновик. Он выжал три

листика осины, шесть хвоинок и сосновую шишку.

Моховик был третьим. Он раззадорился, расхвастался. Раздвинул шляпкой мох, подлез под сучок и стал выжимать. Жал-жал, жал-жал — не выжал! Только шляпку свою раздвоил. Как заячья губа стала.

Победителем вышел подосиновик.

Награда ему — алая майка чемпиона!

Кому достался белый гриб

В тёмном еловом бору, под зелёной елью вырос нынче белый Гриб-Боровик.

Да какой! Всем грибам полковник.

Стоит на зелёной моховой подушке, белую грудь выпятил, шляпа на нём, как румяный хлебный каравай, — во-от такой ширины. И надета чуток набекрень.

Солнышко его сквозь еловые лапы ласково пригревает, тёплый дождик обмывает, — растёт Гриб-Боровик, словно на дрожжах. Всё выше становится, всё толще делается…

Проползал мимо Рогатый Слизень. Увидел под ёлкой Гриб-Боровик и сразу к нему повернул.

— Вот так находка! — говорит. — Сейчас по грибной ноге вползу, под грибной шляпкой укроюсь и начну его поедом есть… Так-то хорошо!

Взобрался Рогатый Слизень по грибной ноге; только собрался поедом есть Боровика, как — на тебе! — помешали.

Бежала по еловым веткам Белка, увидела Гриб-Боровик, хвостом — верть! — и скакнула к нему.

— Вот так находка! — говорит. — Сейчас грибную ногу на месте съем, грибную шляпку на сучок повешу, чтоб сушилась. Так-то хорошо!

А Рогатый Слизень из-под шляпы высунулся, рога длинные выставил:

— Не пущу! Мой гриб!

— Куда тебе, мокропузому, такой грибище, — отвечает Белка. — Тебе самой махонькой сыроежки не съесть. А я на зиму запасы коплю, мне много надо! Убирайся, пока цел!

Испугался Рогатый Слизень, свалился на моховую подушку и уполз. А Белка села на задние лапки, передними ухватилась за грибную ногу и собралась грызть.

Да опять помешали.

Захрустели сучочки, затрещали веточки, закачалась моховая подушка, — и вылез из-за ёлок Медведь. Заметил Гриб-Боровик, тотчас к нему поворотил.

— Вот так находка! — говорит. — Сейчас я его съем целиком!

Белка на пенёк отскочила, засердилась, зацокала:

— Не пущу! Мой гриб!..

— Куда тебе, длиннохвостой, этакий грибище, — отвечает Медведь. — Подавишься!

— Ножку сама съем, шляпку сушиться повешу! — кричит Белка. — Я на зиму запасы коплю, мне много надо!

— Так уж и много! Ты зимой на одних шишках проживёшь, еловыми веточками закусишь. А я, гляди-ка, без пищи всю зиму лежать должен… Мне к зиме потолстеть надо жирок накопить, мясца нарастить. Оттого я сейчас больше всех ем! Убирайся, пока цела!

Испугалась Белка, винтом на ёлку взлетела. А Медведь поднял лапу и собрался с корнем гриб выворотить.

Да опять помешали.

Послышалась из-за ёлок весёлая песенка:

В частом ельничке
И в осинничке

За грибом хожу,
Далеко гляжу!

Как услышал Медведь человеческий голос, так — порск! — за ёлку, за другую… Только его и видели.

А из-за ёлки вышел Мальчик-Грибничок с большим лукошком. Увидел под ёлкой Гриб-Боровик, присел перед ним на корточки.

— Вот так находка! — говорит. — Сразу полное лукошко!

Вынул Мальчик-Грибничок ножик и осторожненько, тихонечко подрезал у Боровика корешок.

Положил гриб в лукошко, повернулся и домой пошёл.

А на другой день под ёлкой, на моховой подушке, сразу несколько новых грибов показалось.

Один большой растёт, — для Медведя.

Другой поменьше — для Белки.

Третий маленький — Рогатому Слизню.

На всех теперь хватит!

Приключение в норе

После жаркого дня вдруг стало холодно. Это сразу почувствовали все лесные твари, кроме тех, кто по целым дням сидит в своих норах.

Такой ночной зверушкой была рыжая полёвка. Она проснулась только вечером. Почистилась и побежала к выходу, поискать себе что-нибудь на завтрак.

Вдруг у самого выхода послышался шорох. Полёвка остановилась. Беда! Кто-то пролез в её жилище. Ползёт навстречу! И чужой запах говорит: «Это незнакомое и страшное

животное».

Не успела полёвка опомниться, как в узком проходе норы, совсем рядом, поднялись три змеиные головы.

Полёвка замерла от ужаса. Змеи тоже не двигались и глядели на неё по-змеиному, немигающими глазами. Одна из них высунула длинный тонкий язык.

Полёвка очнулась, попятилась, перевернулась и бросилась ко второму выходу.

Уже впереди светился кружок сумеречного леса…

Но — тот же шорох! Полёвка поняла, что и этот выход из норы захвачен врагами.

Оставался третий — последний. Теперь полёвка уже не бежала. Она пробиралась вперёд очень осторожно, чуть что — назад. Однако всё было спокойно. И вот она на воле!

Но и здесь нельзя было забывать об опасности: лес полон врагов. Полёвка промчалась мимо кучи прелой листвы и юркнула под корни ели.

А в ямке, на куче тёмных гниющих листьев, белели разорванные скорлупки ужиных яиц. Ужата только что их покинули, и холод загнал их в нору полёвки.

Храбрый карасик

В озере жили караси. Они рылись в тине и прятались под большой корягой.

Однажды молодой карасик сказал другим:

— Я карасик крепкий, чешуя у меня плотная, никого не боюсь; надо на мир взглянуть. — Сказал и всплыл.

Не успели другие караси крикнуть: «Постой! Погоди!» — как храброго карасика схватила гагара и понесла через озеро.

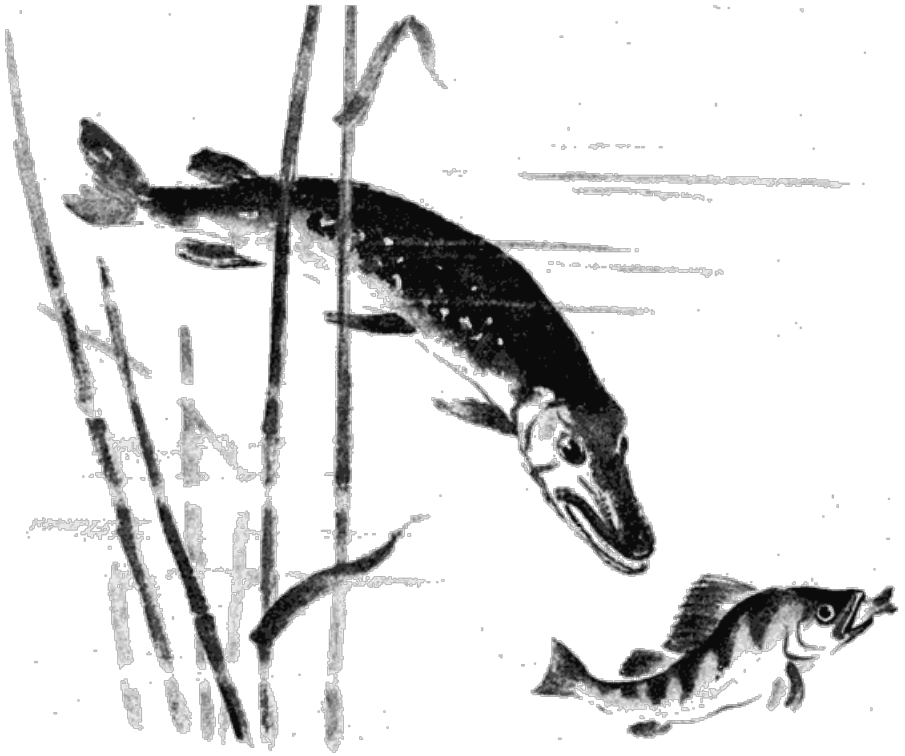
Покрутился, пошебаршился карасик у гагары в клюве и затих.

«Эх, — думает, — пропал! И зачем только я всплыл?»

Ударил гагару кречет; выронила гагара добычу. Упал карасик в синие волны. Только отдышался, — цап его окунь-игрунок, тот, что в верхней воде за мальками охотится, и потащил… Повертелся карасик в окунёвой пасти и замер.

«Вот беда, пропал окончательно. И зачем только я всплыл?»

Добрался окунь-игрунок до камышей, кинулась ему вслед большая щука, поймала и вниз пошла. Только глаза скосила, когда заметила, что окунь изо рта какую-то рыбёшку обронил.



А карасик вниз да вглубь, глядь, — родная коряга и под ней свои, караси. Обступили его со всех сторон.

— Я, — закричал карасик, — крепкий, чешуя у меня плотная, никого не боюсь! Я на гагаре летал, с окунем плавал, со щукой нырял!

Принялись караси храброго карасика славить и выбрали его старшим.

Ночью, когда все уснули, сестра храброго карасика толкнула его плавником под бок:

— Что не спишь, старший карась?

— Дрожь, сестрица, пробирает, дрожь. Всё думается: а что, если бы гагара глотнула?

Клюква-ягода

Весной, когда сошёл снег и согрелась земля, поспорили ягоды, как лучше жить.

— Я, — говорит земляника, — ещё с осени усами на пригорок выползла, а теперь зацвету пораньше, пока ещё земля вешней водой поит.

— Я тоже пораньше хочу цвести, — сказала черника, — только на пригорок не пойду: боюсь, утренним морозом прихватит. В лесу, да и в низинке понадёжнее.

— Глупые вы, — посмеялась лесная малина, — обеих вас мороз прихватит. Лучше уж попозже цвести, а воду… воду дождик даст.

— А я… — хотела что-то сказать клюква, но её перебил сизый гоноболь.

— Сиди ты, кислая, в своей мшарине и молчи, лучше других послушай.

Клюква промолчала.

Весна холодная выдалась, а лето жаркое, сухое. Землянику и чернику морозом в цвету побило. Малина так и не дождалась летних дождей — в ягодах присохла. А клюква — вот она: по всему мху рассыпались её красные круглые ягоды. Будет ребятам и на кисели, и на варенье. Спрашивают ягоды клюкву, как она сумела в такой трудный год жить хорошо.

— И очень просто, — ответила клюква, — я же вам хотела сказать… Первым делом, цветом не торопиться, во-вторых, не чиниться. Год от году разница; когда на буграх лучше, а когда и поближе к мшарине. Там засуха не страшна. Глядите, гоноболь рядом со мной, клюквой, какие ягоды вырастил. И мои не хуже: красные, сочные, крупные, кисловаты, да полезны…

Птичья дружба

Я задвинул лодку в тростник и, чтобы совсем скрыться в нем, лёг на корме. Ружьё поставил к борту так, чтобы только руку протянуть было.

Мне хотелось застрелить чайку и сделать из неё чучело. Уж больно красивые чайки живут на озере: ослепительно белые, с чёрными кончиками крыльев, с красным клювом и красным кольцом вокруг глаз!

Утро было ясно, без малейшего ветерка.

Я повернулся боком, взглянул на воду и чуть не ахнул.

Подо мной было небо! Настоящее небо с жёлтыми облаками и отражавшимися в нём зелёными тростниками.

Вот над тростниками взлетели две лысухи — чёрные болотные куры — и, махая короткими тупыми крыльями, поплыли подо мной в поднебесье.

Я поднял голову, — чёрные лысухи плыли под жёлтыми

облаками и тут, над моей головой!

Замечательно удобно! Оказывается, видеть всё, что творится надо мной — в воздушном небе, — я могу и не поднимая головы — под собой, в подводном небе.

И я стал в него смотреть и через несколько минут так забылся, что, когда над тростниками подводного неба вдруг показалась чайка, я схватил ружьё и хотел стрелять в воду. Пока я опамятовал, чайка быстрыми взмахами крыльев унеслась уже довольно далеко от моей лодки. Я выстрелил ей вслед.

Раненная в крыло белоснежная птица, крутясь колесом, стала падать вниз, а снизу поднималась навстречу ей такая же точь-в-точь снежно-белая птица. Они встретились — и над озером взметнулся фонтанчик радужных брызг.

Я схватил весло: хотел поскорей вытолкать лодку из тростника и взять подранка. Но не тут-то было!

С двух неб сразу — с воздушного и с подводного — ринулась на меня целая стая чаек. С хриплым криком, похожим на пронзительный хохот, они со всех сторон падали на меня, нацеливаясь в лицо красными клювами. Завилась, забушевала вокруг белокрылая метель, и не видно стало, куда держать.

Я бросил весло, опустил голову и прикрыл её локтями. Но снизу кидались мне в глаза такие же рассвирепевшие птицы, и я совсем растерялся.

…Метелица пронеслась. Опустив руки, я увидел её белое облако невдалеке над синим озером: стая чаек вилась теперь над раненой подружкой. Готовые на всё птицы охраняли с воздуха уже подобравшего крылья и изо всех сил уплывавшего от меня подранка.

Я не рискнул его преследовать: защищая своего товарища, черноголовые хохотуны способны ударить человека по голове, запачкать ему костюм и наделать всяких других неприятностей.

Да и видя такую их дружбу, мне совершенно расхотелось

делать из живой птицы скучное чучело.

Раненая чайка в сопровождении своей стаи скоро вплавь добралась до тростника и исчезла в нём.

Сделав своё дело, белое облако чаек, не уменьшаясь в размерах, чудесным образом разделилось надвое и поверху и понизу — в воздухе и в воде — так всей дружной артелью и полетело в поля промышлять личинок, кузнечиков, мышат.

Хорошо, что я только перья поломал дробью моему красавцу; линять станет — отрастит себе новые.

По грибы

Грибной дождик «парун»! Шуми-ит! Кузовок на локоток, палку в руку и — в лес. Люблю грибы собирать!

Идёшь по лесу и смотришь, слушаешь, нюхаешь. Ягоды на вкус пробуешь. Деревья рукой гладишь. Хорошо!

Вот вчера ходил. Вышел за полдень. Сперва ельником по дороге, от деревни подальше. У берёзовой рощи поворот — и стоп.

Весёлая эта рощица! Стволы белые, — глаза зажмурь, а листья на ветерке, как солнечная рябь по воде. Под берёзами — подберёзовики. Ножка тонкая, а шляпка широкая, кофейная. Срезаю, — одни грибные пеньки остаются. Дно кузова шляпками и закрыл. Сел на пень и слушаю. Слышу, — лопочет впереди. Это мне и надо! Пошёл на лопот — пришёл в сосновый борок. Сосны на солнце красные, будто загорели. Да так загорели, что кожурка зашелушилась. Ветер треплет сухую кожурку, а она лопочет, лопочет, лопочет…

В сухом борку уже другой гриб — боровичок. Боровичок-мужичок. Упёрся он толстой ногой в землю, понатужился и поднял головой целый ворох хвоинок, листиков и разных сухих палочек. Шапка на глаза насунулась, смотрит сердито…

Боровичками второй слой в кузовке уложил и чую — земляникой потянуло. Поймал я носом земляничную струйку и пошёл, как по верёвочке. Впереди горка сухая. Земляники на ней — красно! И пахнет так, будто тут варенье варят. Не грибами одними лес красен!

От земляники губы слипаются. Не грибы уж теперь ищу, а воду. Долго искал. Еле нашёл ручеёк. Вода в ручейке тёмная, как крепкий чай. И заварен этот чай мхами, вереском, опавшими листьями и цветами. Вкусный чай!

Вдоль ручья — осинки. Под осинками — подосиновики. Бравые ребята в белых майках и красных тюбетейках. Кладу в кузовок третий слой — красный.

Через осинник — лесная тропка. Шириной в ладонь. Петляет, виляет и куда ведёт — неизвестно. Да и не всё ли равно куда? Были бы грибы.

Иду, — и за каждой тропинкой-вилюшкой то лисички — жёлтые граммофончики, то опёнки — ноги тонки. А потом сыроежки пошли — разноцветными блюдечками, чашечками, вазочками и крышечками. В вазочках печенье — сухие листики. В чашечках чай — настой лесной.

Кузовок мой — с верхом. А я всё иду: смотрю, слушаю, нюхаю. Хорошо!

Кончилась тропинка, кончился и день. Тучи затянули небо. Темно. Где север, где юг, — в какой стороне дом? Никаких примет ни на земле, ни на небе. Ночь.

Пошёл по тропинке назад, — сбился. Папоротники, богульник в ногах путается. Я назад, ладонью землю щупаю.

Щупал, щупал — нащупал тропу шириной в ладонь. Так и пошёл. Иду, иду, а как собьюсь, — ладошкой щупаю. Нащупаю тропу — и опять иду. Сколько шёл, — и не помню. И всё сомнение: верно ли ладошка меня ведёт? Устал, руки исцарапал. Но вот ладошкой шлёп — вода! Лицо и шею вымыл, зачерпнул — пью. Знакомый вкус — ручеёк, настоенный на мхах, цветах и травах!

Правильно ладошка меня вела. Это я теперь языком

проверил!

Кто-то дальше поведёт?

Дальше повёл меня нос. Донесло ветерком запах той самой куртинки, на которой варилось днём земляничное варенье. И по земляничной струйке, как по ниточке, вышел на знакомую горку. А отсюда уж слышно: лопочет, лопочет, лопочет! Сосновая кожурка на ветру бьётся. И повело меня дальше ухо. Вело, вело и привело в сосновый борок.

Сел я дух перевести. Дело к полночи. Луна проглянула, лес осветила. Увидел я за поляной весёлую берёзовую рощу. Стволы белые блестят в лунном свете — хоть жмурься. А листья на ветерке, как лунная рябь на воде.

До рощи дошёл на глазок. Та самая роща: вон и грибные пеньки торчат.

Теперь — прямая дорога к дому.

Люблю грибы собирать!

Идёшь по лесу и смотришь, слушаешь, нюхаешь. Воду на язык пробуешь. Тропинку ладошкой ищешь.

Хорошо!

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Белки, Бобры и Енот

— Шишек здесь нету, орехов нету… Нам, белкам, есть нечего. Бежим, сестрицы, в соседний лес!

— Осинок здесь нету, ивы нету… Нам, бобрам, есть нечего. Плывём, братцы, на соседнюю речку!

— Ну вот, все сбежали. А я возьму тут да и поселюсь. Нам, енотам, еды хватит, — мы всё подряд едим! Вчера я на дороге галошу старую нашёл — и ту стрескал. Во, едок!

Кукушка и Иволга

— Здравствуй, Кукушечка!

— Здравствуй, Иволга золотая!

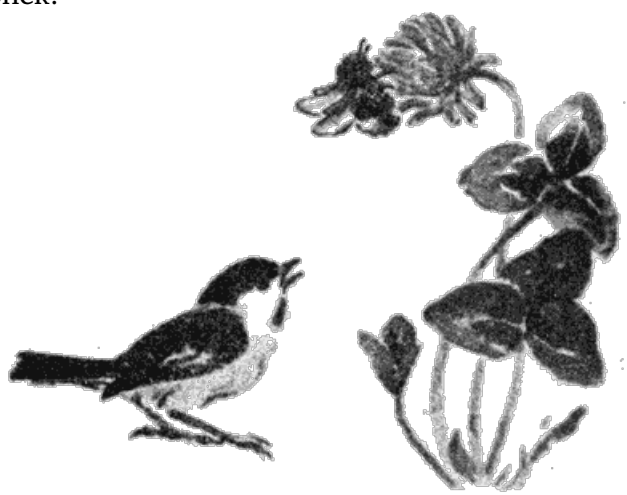
— Ах, голубушка, голова у меня разболелась от птичьей болтовни. Врут на каждом свисте! Какой-то чижик-пыжик чирикал, что после лета настанет осень, что будто бы листья все с деревьев осыплются. А какой-то пухлячишко серенький болтал, что бывает зима и какой-то трескучий мороз.

— Пустая болтовня, дорогая соседка. Я десять лет на свете живу, бывала и на севере и на юге, но ничего подобного не видела. На север в мае прилетаю — лето, на юг в августе улечу — там тоже лето. Врут пичужки, не бывает на земле ни осеней, ни зим. Везде одно лето!

Шмель и Синичка

— Хи-хи, мёртвый Шмель на цветке сидит! Вот бы съесть, вот бы съесть!

— Ж-ж-ж-ж-ж-жирно будет… Я ещё ж-ж-ж-ж-живой… Это ночью я от холода замираю, а днём да при солнышке я ж-ж-ж-живёхонек!



Сыч и мыши

— Сычик, сычик, где ты был?

— На полях мышей ловил.

— Много ли поймал?

— Да всего одну семейку: пять братцев, пять сестриц, восемь дядек, восемь тёток и шестнадцать племянничков!

* * *

Что хотите делайте с нами: режьте, жарьте, варите, солите.

Даже маринуйте. Но только не срывайте с корнем, не разрывайте лесную подстилку, не портите нашу грибницу. А будете портить, так мы расти перестанем. Останетесь вы тогда без жарева и варева, без солений и маринадов.

Грибы

Берегите свою жизнь!

Я — пожилой и заботливый кузнечик, предупреждаю:

КУЗНЕЧИКИ, КОБЫЛКИ И ЦИКАДКИ!

Не играйте на берегу озера! Подальше от воды! Неверный прыжок будет стоить вам жизни! Не надейтесь на своё умение плавать: оно вас не спасёт. Помните: дело к осени, озеро очистилось от зелёной мути. Вода прозрачна, как стрекозиное крыло.

РЫБЫ ВИДЯТ С САМОГО ДНА, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ НА ВОДЕ!

Кузнечик, попавший в воду, сейчас же оказывается в брюхе голавля!

БЕРЕГИТЕ СВОЮ ЖИЗНЬ!

Результаты одного соревнования

Специальная комиссия лесных птиц обследовала птичьи посадки деревьев и кустов. За лучшие посадки были присуждены ягодные премии.

Первую премию получил дрозд, посадивший рябину на крыше силосной башни. Вторую — реполов за посадку пышного куста бересклета в развилке старой липы. Третья премия присуждена славке за куст смородины на воротах деревенского дома.

Птичья комиссия

Разговор птиц про злых мальчишек

Мухоловка-пеструшка. Сестрица-синица, кто тебе ножку сломал?

Синица. Мне ножку сломали злые мальчишки, золовочка-мухоловочка. А тебе кто носик испортил, золовочка-мухоловочка?

Мухоловка. Злые мальчишки мне носик испортили, сестрица-

синица. А чем они тебя, сестрица-синица?

Синица. Они меня камнем, камнем, золовочка-мухоловочка. А тебя чем, золовочка-мухоловочка?

Мухоловка. Из рогатки они меня, сестрица-синица, из рогатки в меня. А больно тебе, сестрица-синица?

Синица. Больно мне, золовочка-мухоловочка, ох, как больно! И не так больно, что ножку сломали, как то мне больно, золовочка-мухоловочка, что гнёздышко моё разорили злые мальчишки, что все мои яички побили, меня, синичку, сиротой по миру пустили.

Мухоловка. И меня, сестричка-синичка, и меня они сиротой оставили: малых птенчиков моих всех убили.

Синица. А за что они нас так, золовочка-мухоловочка?

Мухоловка. Не знаю, сестричка-синичка.

Синица. Улетим от них, золовочка-мухоловочка?

Мухоловка. Улетим, сестрица-синица, улетим навсегда.

Загадки — это моя слабость!

Как услышу новую загадку, так сейчас же берусь её разгадывать. И уж пока не одолею — из рук не выпущу.

Читал я где-то, что в лесу загадки на каждом шагу, что лес мастак загадки загадывать. Подался я в лес.

Жаркий выдался денёк. Только за околицу вышел, а уже вспотел. Свернул к озерку и — в воду.

Лежу в воде и вдруг вижу на берегу сразу три загадки!

«Здóрово! — думаю. — Ещё и до леса не дошёл, а уже на загадки наткнулся!» Сидит на бережке собака, дышит тяжело, язык высунула. Вот вам и первая загадка:

ПОЧЕМУ В ЖАРУ СОБАКИ ЯЗЫК ВЫСОВЫВАЮТ?

Утки в озерке плавают и плещутся, а на бережок вылезли — и сухие! Вторая загадка:

ПОЧЕМУ У УТОК ПЕРЬЯ В ВОДЕ НЕ НАМОКАЮТ?

Куры бродят по отмели. И вижу — клюют мелкие камешки! И третья загадка готова:

ДЛЯ ЧЕГО КУРЫ КАМЕШКИ КЛЮЮТ?

Загадок-то, оказывается, вокруг сколько хочешь можно найти. Была бы охота.

Дымок над травой

Сидела на кусте ворона. Наблюдала, что на свете делается. Видит, бежит по лугу зайчонок. Вдруг над травой, где он пробежал, поднялась тонкая струйка дыма.

— Что это? — удивилась ворона. — Уж не научился ли зайчонок от людей курить? Не бросил ли он в траву папиросу?

А как вы, ребята, думаете, что это было?

Сентябрь

Сентябрь… Начало осени. Месяц заливных дождей, разноцветных листьев и белой росы. Месяц прощальных песен…

Если дождь уймётся ещё до света нового дня, частенько ложится на землю белая роса-иней. Сбиваются в стаи и не спеша трогаются в путь перелётные птицы. Они молчаливы; коротки и печальны их прощальные песни.

Стадечко серых птиц перепархивает по жнивью. Кто это? Не сразу узнаешь по полёту. Вот одна поднялась чуть повыше, зачастила крыльями и спела отрывок песни. Это жаворонок повторил кусочек из летней песни.

Хорошо сейчас в лесу! Славно дышится, и глаз не оторвать от светлых берёзовых рощ, от опушек, где, кажется, сейчас подожжёт разлапистую ель её соседка — пламенная рябина.

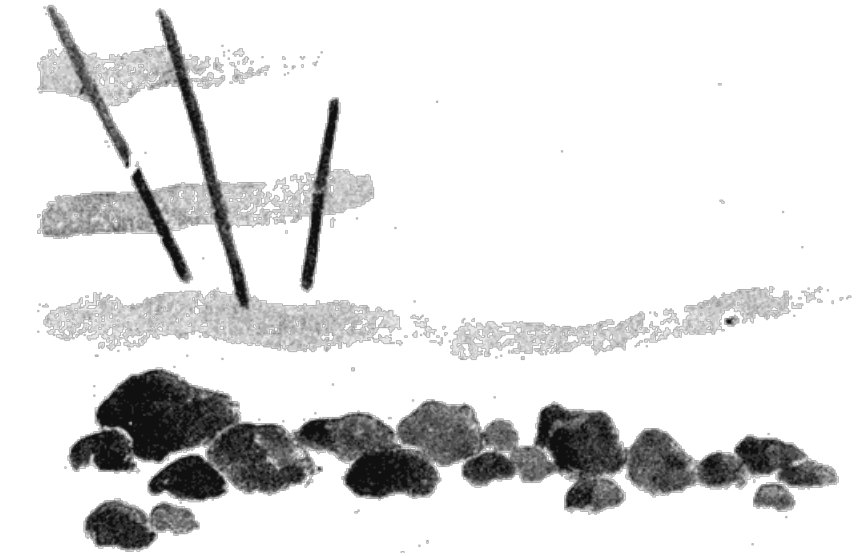
В тихие дни берёзка сбрасывает листья ровным кругом.

С пугливой готовностью кидает липа зубчатые монетки в чёрную воду омута. Багрянеет красавец клён.

Скучно буреет дуб. Крепко держатся на толстых черешках его продолговатые листья. Дождутся они первой вьюги.

Всегда бедновато одетая лиственница пожелтит хвою и так скупо тратит её всю осень, что останется и на зимнюю пору. Долго будут мусорить её золотые иголочки белоснежные скатерти первых порош.

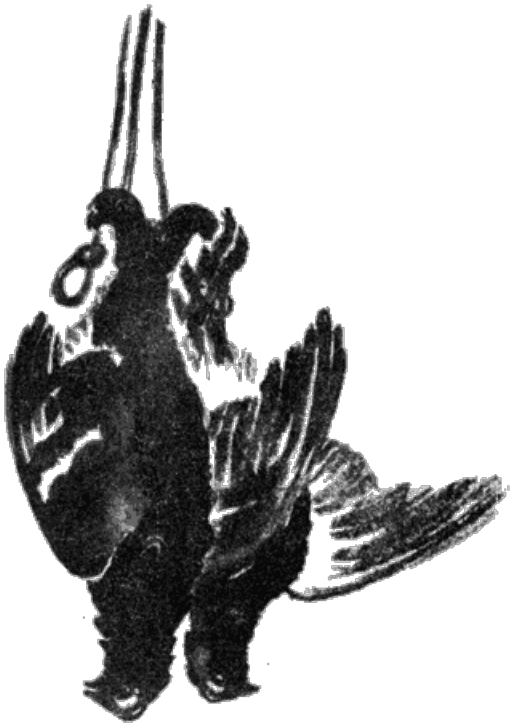
Непрочен осенний наряд леса, недолговечна обнова. Придёт холодный резкий ветер и закружит, завихрит листья. Вот он — лихой листопад!



Перемешает ветер все листья — жёлтые, красные, бурые — в пёстрый шуршащий вал и погонит его по земле.

Сентябрь — охотничий месяц. В поездах, автобусах, автомашинах, на пароходах, лодках, мотоциклах, мотороллерах, велосипедах под выходной день спешат из города люди в больших сапогах с котомками за плечами.

Едут охотники в лес. Бродят с легавыми собаками по краям овсяных полей, по кромкам болот, по лесным покосам. Подросли тетеревята и взлетают далеко от охотника. Перья сизые, косицы в хвосте лирой, брови красные. Красив, наряден тетерев-косач в осеннем пере!



Размякла земля, налились лужи. Известно: летом два дня льёт — час сохнет; осенью час льёт — неделю сохнет.

Стынут поля, пашни, стынут воды. По утрам разливается над землёй знобкий холод. Предвестниками утренников хрустят под ногами жёлтые листья.

На восходе солнца в чернолесье воздух напоён крепким ароматом пожухлой листвы и земляной прели. Хорошо дышится в лесу в ясные дни первоосенья.

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Прощальные песенки

Все встречи радостны, все прощания грустны. Потому, наверное, весенние песни птиц веселят душу, а осенние тихи и печальны…

Листья пожелтели, полегли травы. Скворец прилетел к старой скворечне, — поёт. Как и весной, щёлкает он клювом, горлышко его дрожит, но песня не та…

Пеночка-теньковка поёт. Будто стряхивает с ветвей дождевые капельки: тень-тянь-тюнь! Только это не звонкие капельки весеннего дождя, а глухие капли дождя осени.

И птичка зарянка поёт теперь не на заре. Выглянет из-за туч солнце, — запоёт зарянка вполголоса. Услышит её дрозд белобровик — засуетится, засвищет, да вдруг и смолкнет на полусвисте…

И небо не то, и лес не тот, и песни не те.

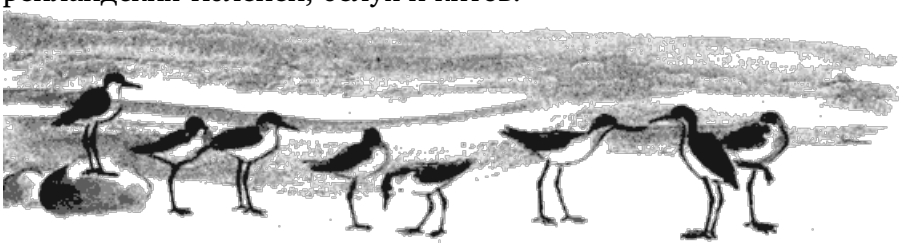
Но и в осенних птичьих песнях не услышишь «прощай», а слышишь «до свиданья!»

До свидания весной!

Воздушная почта

Пролётом остановились у нас большие стаи куликов, уток и чаек, — отдохнуть и подкрепиться. Они не спешат от нас на юг, в чужие страны, не то, что весной — на родину. Подолгу задерживаются на берегу моря, на лесных озёрах и широких наших реках. Потом — однажды ночью — стая за стаей снимаются и летят дальше. Ночью им способней летать: в воздухе ни на что не наткнёшься, охотники и кровожадные сокола ничего не видят ночью, а совы не летают высоко над лесом и над морскими волнами.

Утки, кулики и чайки летят с мест своих гнездовий на островах и побережьях ледовитых северных морей. Они принесли привет вам от громадных моржей и морских зайцев, от гренландских тюленей, белух и китов.



Увидите высоко над головой их стаи, услышите в поднебесье печальный их крик, — помахайте им рукой и попросите их, в свою очередь, снести от нас привет африканским львам, нильским крокодилам, зебрам, страусам, слонам. Через несколько дней наши воздушные путешественники встретятся с ними в знойных странах юга.

Отчего Осень плачет

Только Осень успела прийти, только хозяйничать принялась, как уже слышит недовольные голоса.

Люди говорят:

— Ах, жалость какая, лето красное кончилось…

Птицы в стаи сбиваются, кричат грустно:

— Опять нам лететь на чужбину, за широкие моря, за высокие горы…

Звери лесные ворчат:

— Кончилось вольное житьё, надо норы копать, дупла чистить, запасы готовить…

И никто, видать, приходу Осени не радуется.

Призадумалась Осень.

— Отчего бы это? — спрашивает. — Чем я не хороша, чем не пригожа? И богата, и щедра, и красива — только живи да радуйся… Покажу-ка я нынче себя как следует, потружусь-постараюсь, пускай все довольны останутся.

И за работу взялась.

За лето реки да озёра обмелели, ряской и тиной заросли. Осень их до бережков налила, полным-полнёхонькими сделала. Остудила воду, от ряски и тины очистила, — просвечивает вода до самого донышка.

— Гуси-Лебеди, вольные птицы, — Осень говорит, — вот вам мой подарок! На чистом просторе живите-поживайте, меня добром поминайте!

Взвились Гуси-Лебеди над прозрачной холодной водою, отвечают:

— Не надо нам, Осень, твоего подарка… Прощай!

И улетели прочь.

Делать нечего, — вышла Осень в поля да луга. На полях стерня жёлтая торчит, на лугах — трава за лето выгорела, пожухла. Некрасиво, неприютно.

Сбрызнула Осень поля да луга стеклянной росой, покрыла серебряным инеем. Засверкало всё под солнышком, заискрилось.

— Хомяки да Зайцы, Сурки да Мыши, — Осень говорит, — вот вам мой подарок! Любуйтесь-радуйтесь, меня благодарите!

А Хомяки, Зайцы, Сурки и Мыши отвечают:

— Не надо нам, Осень, твоего подарка… Ну тебя!

Хомяки в своих кладовых зерно укладывают, Зайцы с голых полей к лесу подались, Сурки спать заваливаются. Мыши в норы залезли, носа наружу не показывают.

Делать нечего, — вошла Осень в леса. Были леса тёмные, дремучие, — стала Осень их просветлять, разреживать. Были леса зелёные, — Осень их раскрашивать начала разными красками. У Берёзок листья жёлтыми сделала, у Осинок — красными, у Дубов коричневыми. Все тропки яркой листвой застелила, все болотца пёстрыми половичками укрыла. Светло теперь в лесах, пестро, празднично.

— Белки да Барсуки, Ежи да Кроты, Лисы да Медведи, — Осень говорит, — вот вам от меня подарок! Празднуйте, веселитесь, меня добром поминайте!

А Белки, Барсуки, Ежи да Кроты, Лисы и Медведи отвечают:

— Не надобно твоего подарка, не ходила бы ты лучше сюда…

Не хотят веселиться звери, — у всех заботы тяжкие. Белки

гнёзда себе конопатят, Барсуки норы углубляют. Ежи подстилку таскают. Кроты глубоко под землю ушли. Лисы в светлом лесу не показываются, прячутся, а Медведи рыщут — берлоги себе ищут.

Запечалилась Осень, закручинилась. А в чём беда — не поймёт…

Наконец надумала у людей спросить: люди-то уж всё на свете знают и, конечно, ответят, отчего никто приходу Осени не радуется.

Пришла к людям, жалуется:

— Уж я ли не старалась, я ли не работала! Всем одарила, чем могла, а доброго слова так и не услышала…

А люди кутаются в тёплые одежды, усмехаются.

— Да, — говорят, — Осень, всем ты хороша!.. И красива-то, и богата, и мастерица-рукодельница… Всё у тебя есть. Не хватает одной лишь малости — тепла! А, видать, без него-то и все остальные богатства не до́роги…

— А где же взять мне тепла, у кого попросить?

— У кого, как не у ясного Солнышка!

С тех пор и просит Осень у Солнышка тепла. Пока нет Солнца, — хнычет Осень, плачет, льёт холодные слёзы. А как выйдет на небо Солнышко, — перестаёт Осень плакать, улыбается.

Гриболов

Течёт в нашем лесу речка. Вода в речке как крепкий чай. Сколько хочешь в речку смотри, всё равно дна не увидишь. А вот самого себя — пожалуйста. Но только вверх ногами и вниз головой!

И все рыбаки-поплавочники, что над речкой сидят, тоже в воде вниз головой. И все деревья вершинами вниз. И все кусты.

Рыбаки, видать, очень любят, чтоб весь мир вокруг них был вверх ногами: когда ни приди, — всё в речку смотрят!

Я тоже смотрел — здо́рово!

Но вот на дворе засентябрило — подевались куда-то поплавочники. Пусто на реке. Только одного я встретил и того — в лесу! Идёт — в правой руке удочка, в левой — сетка, садок для рыбы.

Спрашиваю:

— Чтой-то вы, дядечка, с сеткой да с удочкой в лесу делаете?

— Я, — отвечает, — гри-бо-лов!

— Ну и как, — спрашиваю, — клюёт?

— А вот! — И садком мне прямо в нос. Землёй запахло, прелым листом. В сетке грибы: красные, белые, жёлтые.

— На удочку меня ловите, — говорю, — смеётесь!

— А что ж мне — плакать прикажешь? Плакать мне нечего. Лески не распускал, удочкой не махал, а улова полон садок! Да и собеседник у меня такой приятный — черничный сок на губах не обсох.

— Это, — отвечаю солидно, — я между делом ягодкой баловался. От нечего делать!

— Вот и я, дорогой мой друг, тоже от делать нечего. Как засентябрит в лесу, — нечего на лесных речках делать. Машешь, машешь удочкой — как заколодит! А в лесу у каждой кочки грибки вылупляются. Отогнёшь траву удочкой, — в траве подосиновики, как красные поплавки. Сковырнешь листок, — маслёнок — жирный карась. Подсечёшь толстяка ножичком — и в садок! Одно удовольствие: вываживать просто, засекаются надёжно и ле́ску не путают. Сейчас к полудню все рыбаки на грибах.

— Вот теперь, дяденька, понятно, что такое гриболов! А то думаю: рыбак, а сухой; с удочкой, а в лесу; в сетке — грибы… Выходит, у рыбаков на безрыбье и гриб рыба!

Ну ни чешуи вам, ни плавничка. То есть — ни корешка, ни шляпки! Как говорят, ловись, рыбка… не рыбка, грибы! Большие и маленькие.

Клёв на уду! Нет, — гриб в корзинку! Тьфу ты! Запутался, как ле́ска! Не в корзинку, а в садок!

Ну и денёк выдался! Прямо гриболовный. Даже в голове всё вверх ногами!

Теремок

Летела Муха над лесной полянкой. Вдруг видит — голубой колокольчик растёт. Да такой большой, славный! Сверху будто крыша голубая, с боков будто голубые стены, снизу — голубенькие зубчики, будто крылечко резное. Чем не дом?

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

Никто не отвечает, пусто в голубом домике.

— Ну, — говорит Муха, — стану здесь жить.

Залезла внутрь и стала жить-поживать. Цветочной пыльцой закусывает, цветочным медком запивает. И тепло в теремке, и

уютно!

А на дворе — осень. Ночи всё холодней, цветов на лугу всё меньше. Насекомышам жить негде!

Летел мимо Жучок, увидел голубой колокольчик.

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Я Мушка-вертушка. А ты кто?

— Я Жучок-старичок. Пусти меня к себе жить!

Пустила Муха Жучка, стали вдвоём жить-поживать. Цветочной пыльцой закусывают, цветочным медком запивают. И тепло в теремке, и уютно.

А на дворе — осень. Ночи ещё холодней, цветов на лугах ещё меньше. Насекомышам жить негде!

Летел мимо Комар, увидел голубой колокольчик.

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Я Мушка-вертушка.

— Я Жучок-старичок. А ты кто?

— Я Комарик-сударик. Пустите меня к себе жить!

Пустили и Комара в теремок, стали втроём жить-поживать. Цветочной пыльцой закусывают, цветочным медком запивают. И тепло в теремке, и уютно!

А на дворе — осень. Ночи совсем холодные, цветов на лугах совсем не осталось. Насекомышам жить негде!

Летел мимо Шмель, увидел голубой колокольчик.

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?
— Я Мушка-вертушка.
— Я Жучок-старичок.
— Я Комарик-сударик. А ты кто?
— Я Шмель-бобыль. Пустите меня к себе жить!

Начал Шмель в колокольчик влезать, да где такому толстому протиснуться! Стебелёк гнётся, листочки трясутся, лепестки по швам трещат.

Только было влез Шмель — лепестки лопнули, стебель на землю повалился, Муха, Жучок да Комар кто куда покатились…

Последнего теремка и не стало.

Чёрный коршун

В одной из гильз, оставленных себе на память, лежит кусочек ярко-зелёной гнилушки. Такой яркий зелёный цвет появляется на гнилушках, когда дерево долго лежит в воде. Но ко мне эта гнилушка попала не из воды, а с воздуха Вот как это было.

На морском берегу у Ленкорани всегда много чёрных коршунов. Птицы эти питаются падалью, а падали на морском берегу всегда вдоволь. Тут найдёшь и дохлую рыбу, и черепаху, а то и мёртвого тюленя. Для охотника коршун совсем неинтересен. Мясо его не едят. Сама птица неопрятная, перо вечно выпачкано нечистотами и запах от птицы противный.

До сих пор не пойму, зачем я выстрелил в кружившего надо мной чёрного коршуна.

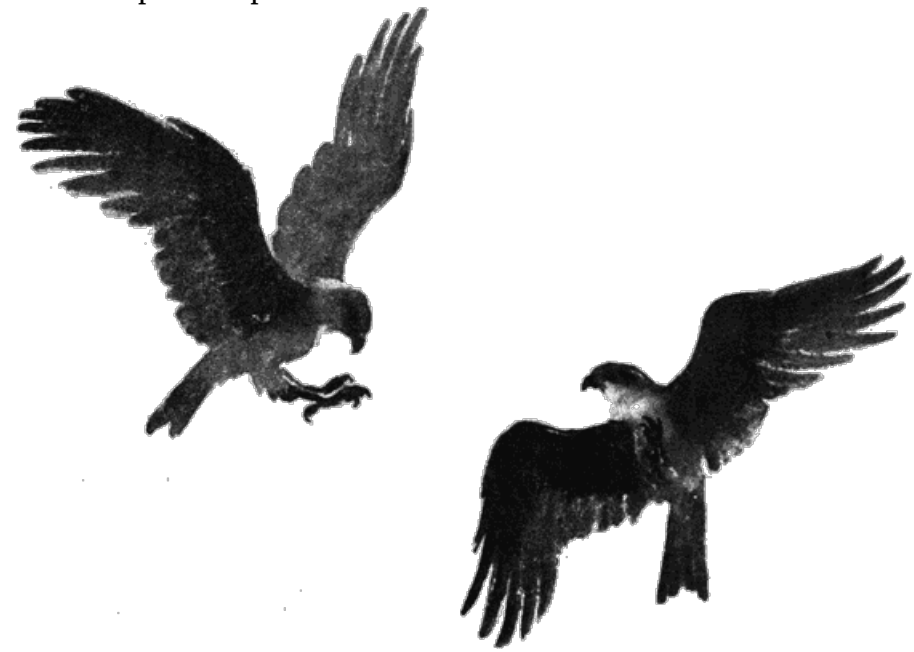
Коршун забил крыльями, но тотчас выровнялся, и только тонкие жёлтые лапы его, зажатые в кулачки, свесились вниз. А из когтей коршуна выпал чёрный комочек.

«Наверное, кусок падали, — подумал я. — Чему же быть другому?» — И стал следить за комочком: куда он упадёт?

Но комочек не упал. Второй коршун, круживший ниже первого, вдруг сложил крылья и ринулся за комочком вдогон. Ловко скогтил его в воздухе — и взмыл.

Я охнул от неожиданности: ну и ловкач! Не ожидал такой прыти от этой на вид ленивой и тупой птицы. И я уже с интересом стал следить за коршунами.

Первый коршун не хотел так легко расстаться со своей добычей. Он набросился на вора сверху. Воришка — раз! — перевернулся в воздухе спиной вниз и навстречу нападающему выставил растопыренные когти.



Когти растопырил, а добычу-то и выронил. Она упала совсем близко от меня.

Коршуны ничего не заметили. Нападая друг на друга, они улетали всё дальше и дальше, и скрылись за деревьями.

Я подошёл посмотреть, что́ выронил коршун. Это должен быть лакомый кусок, раз так свирепо дрались из-за него птицы.

Но это была не падаль. На земле лежала гнилушка ярко-зелёного цвета!

Я изумлённо вертел зелёную гнилушку в руках. Зачем она понадобилась этим мертвоедам? Неужто для игр и забав?

И вот с тех пор вопрос этот не даёт мне покоя. Я всё приглядываюсь к коршунам: может, замечу что? Может, разгадаю загадку?

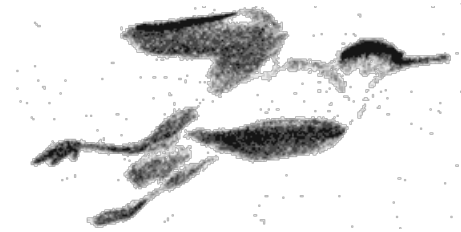
Неприязнь моя к коршунам прошла. Коршун стал для меня самой интересной птицей.

Спешили мы до ночи в лес попасть — не успели. Заночевали в поле. Палатку к телефонному столбу привязали. Потому что тучи на небе кипят, — быть буре! И только устроились — задуло. Стенки палатки напружинились и загудели. Загудели и провода над головой. Страшно в такую ночь в голой степи.

Гудит вокруг, ревёт, свистит, воет. И вдруг слышим: голоса! Странные голоса. Будто кто-то вздыхает тяжело: «Ох! ох! ох!» А другой подгоняет сердито: «Но! но! но!»

Выбрался я из палатки. Как в чёрный водоворот нырнул, — крутит, толкает, дышать не даёт. Но всё же разобрал — голоса-то с неба! Птицы кричат. Летят птицы на юг и вот кричат в темноте, чтобы не потерять друг друга.

Большие и сильные высоко летят. А мелюзга разная — голосишки пискливые, крылышки мокрые дребезжат! — над самой землёй мчат. Гонит их вихрь, как сорванные листья.



Не разобрать по голосам — что за птицы? На пролёте птицы особыми, «дорожными» голосами кричат, не похожими на их всегдашний зов. Заполз я обратно в палатку.

Всю ночь рвал палатку ветер. Гудели провода. И кричали в темноте птицы.

А утром — тишина. Ни туч, ни ветра. Солнышко проглядывает. А ничего живого не видно. Вот только лисичка

вдоль столбов бежит. Да чудная какая-то — бежит и кланяется! Пробежит — поклонится, пробежит — поклонится. Поклон — носом до земли.

До нас добежала — стоп! Пастишку разинула, вильнула да так по земле пошла, что, кажется, над землёй полетела! А когда вильнула, чёрный комочек из пастишки выронила. Пошёл я посмотреть. И вижу — птичка! А дальше под проводами ещё. Ночью о провода побились! Так вот почему кланялась лисичка! Каждой мёртвой пичужке — лисий поклон.

Сколько тут птиц! Рыжегрудые зарянки упали на сухой бурьян, и бурьян расцвёл оранжевыми цветами. Куличок угодил в лужу — заломившееся крылышко торчит вверх. Ветер гонит мёртвого куличка, как лодочку под парусом.

У лужи — каменка. Тонкие пальчики стиснуты в кулачки, видно, от боли.

Далёк, далёк и труден птичий путь. Много птиц ещё потеряется в темноте и не откликнется на зов пролетающих стай. Много попадёт в зубы лисиц и когти ястребов. Но ещё больше — долетят.

Обязательно долетят.

Счастливого им пути!

Медведь-дармоед

Ягоду за щеку, грибок в кузовок. От ягоды к грибку, от грибка к ягоде, — и забрёл. Лес вокруг тёмный. Деревья переговариваются по-своему: ели — еле-еле, осинки — вполшёпота.

Жарко. Кузова плечо оттянули.

Глядь — яма с водой. Бочажина! Лесная — чёрная. Посреди две кувшинки золотые, как совиные глаза. Так и смотрят. Загляделся я в бочажьи глаза. А позади кто-то и скажи звериным голосом: «Мам-м!» Я так и отшатнулся! Медведь! Стоит и смотрит.

Я с перепугу на него грибным кузовком замахнулся, — стоит. Я ягодным, — смотрит. Потом глянул как-то боком и опять сказал: «Мам-м!» Я бежать. Кузова бросил.

До бочажины полдня брёл, а от бочажины домой за полчаса отмахал. Да неделю в лес и носа не казал. Вкус грибной и ягодный забыл.

А потом думаю: волков да медведей бояться — в лес не

ходить. Пошёл.

От грибка к ягоде, от ягоды к грибку — и опять забрёл.

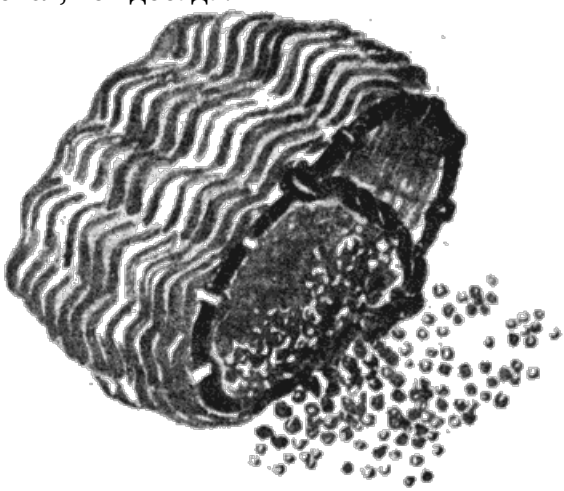
Слышу: ели переговариваются еле-еле, осинки вполшёпота. Вижу: бочаг чёрный с совиными глазами. А вон и кузовки мои — грибной и ягодный. Пустые кузовки — медведь всё поел. От ягод — пожёвки, от грибов — огрызки.

Тут-то мне и стук в голову: а уж не нарочно ли тогда мишка пугнул меня? Он ведь тоже заядлый грибник да ягодник. Что ему стоит: ворчнул раз — и два кузовка! А то собирай по крохам. А я, дурень, кузовками полными у его носа размахивал — аппетит дразнил.

Так, наверное, и есть. Не меня ж, в самом деле, медведь есть собрался!

Но это, конечно, я так думаю. А что тогда медведь думал, — не знаю.

Он ведь, помню, и говорил мне что-то, да я разобрать не успел, вот досада!



* * *

Жалуемся! А что же нам делать? Когтей у нас нет, клыков нет — вот всяк обидеть и норовит. Кто ягод рябины захочет, — срывает с дерева кисти вместе с ветками; кому багряные листья осины приглянутся, — ломает сучки. Жёлуди нужны, — сшибает с дуба камнями, палками, только треск идёт! Растопка для костра нужна, — кору кольцом с берёзы или ёлки стешут. Да ещё и топор в живой ствол по обух воткнут.

Мы болеем, мы чахнем, погибаем, а им и горя мало: в лесу, говорят, деревьев много.

Пострадавшие деревья

Задыхаемся в дыму

Прозрачная слеза… Как бы не так! Наши слёзы не прозрачные, мы плачем чёрными слезами. В дождь мы льём ручьи чёрных слёз! Наши кроны поредели, листья и хвоя поблёкли. Мы задыхаемся от дыма заводских труб. С дымом на наши листья и хвою попадают мельчайшие брызги серной кислоты, вредные смолы и сернистый газ. Копоть покрывает нас с вершины до корня. Чёрные слёзы капают на землю. Что делать?

Городские липы, ели и сосны

Запасайтесь семенами

Запасли ребята на зиму много семян лебеды, крапивы, репейника, конского щавеля, подсолнуха, тыквы и арбуза. Зимой они думают сделать кормушки и подкармливать лесных птиц. Что в садах созрели яблоки, груши и крыжовник, напоминать не надо — каждый сам знает! Но вот что в лесу поспели дикие ягоды и семена, пригодные для подкормки птиц, напомнить нужно. Вот и напоминаем!

Вспомните про голубей

Зимой голубям помогают. Но не все знают, что нашим городским голубям нужно помогать и летом. Ведь в городе нет ни ягод, ни зёрен. Ребята все на лето разъезжаются. Голуби прилетают на знакомые подоконники, где они кормились всю зиму, но на подоконниках ничего нет…

Сейчас вы все собрались в город. Вспомните про голубей!

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Заяц и Ёжик

— Ой, шум какой! Ой, треск какой! Не иначе — волки бегут или медведи бредут…

— Не бойся, косой… Это я, Ёжик…

— Чего же ты, бессовестный, такой шум поднял?!

— Да разве я виноват? Это листья сухие шуршат под лапами, никак тихо не пройдёшь. Я шаг шагну — и сам от страха трясусь!

Ветер над полем

Пролетает ветер над полем, где рожь посеяна:

— Кто в хлебах живёт, кто в низеньких прячется?

— Это я, Жаворонок, с птенчиками. Больше нету никого.

Дни проходят, растёт рожь, кустится. Опять пролетает ветер:

— Кто в хлебах живёт, кто в густых прячется?

— Это я, Жаворонок, с птенчиками.

— Это я, Куропатка, с цыплятами.

— Это я, Перепёлочка, с детками. Больше нету никого.

Дни проходят, растёт рожь, колосится. Опять пролетает ветер:

— Кто в хлебах живёт, кто в высоких прячется?

— Это мы, Жаворонки.

— Это мы, Куропатки.

— Это мы, Перепела.

— Это мы, Лисы, с лисенятами.

— Это мы, Волки, с волчатами. Больше не помещается никто.

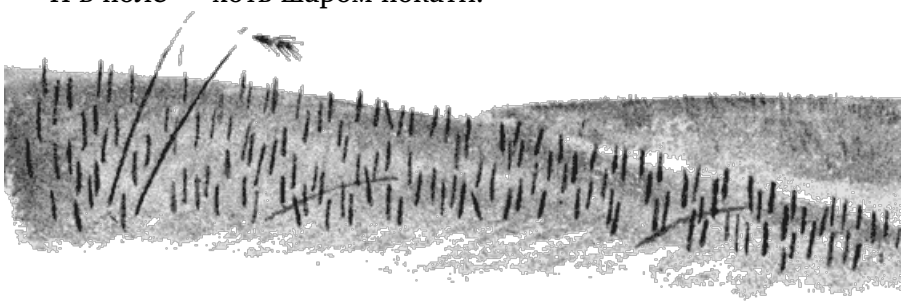
Дни проходят, жатва начинается. Убрана рожь. Опять пролетает ветер:

— Кто в поле живёт, кто в стерне прячется?

А ответа нет.

Жаворонки улетели, Куропатки по кустам разбежались, Перепела по лугам разошлись, Лисы да Волки в лесах скрываются.

И в поле — хоть шаром покати.



Загадки

Поссорились на перемене ребята.

Один кричит:

— Я тебе покажу, где раки зимуют!

А второй ему:

— Ишь, разошёлся, прямо из кожи вон лезет!

Тут подбежал к ребятам дежурный, давай их расталкивать. А они на него напустились:

— Всё следишь! Наверное, и спишь с открытыми глазами! А дежурный вдруг как крикнет:

— Стойте, ребята! Разгадайте-ка свои загадки!

— Какие такие загадки? — удивились ребята и разжали кулаки.

— А вот какие, — сказал дежурный. — Слушайте!

Первая: где раки зимуют?

Вторая: кто из своей кожи вон вылезает?

Третья: кто спит с открытыми глазами?

Вот уже неделя, как эти ребята больше не ссорятся. Сами свои загадки разгадывают.

Попробуйте разгадать и вы.

Гриб на берёзе

Похвастался гриб-зонтик:

— Я всех грибов выше.

— Неправда, — говорят опёнки, — мы и на пеньке-то выше тебя, а заберёмся на дерево, будем ещё выше.

— Ну, на дерево-то высоко не влезете, не то, что я! — крикнул им с берёзы какой-то гриб. — Я всех выше.

Отгадайте, что это был за гриб.

Октябрь

ОКТЯБРЬ

Октябрь… Месяц осеннего бездорожья, голой остывающей земли, ледяных дождей и мокрого снега. Месяц забот о тепле и доме.

Хмурится лес, хмурится небо, хмурятся, морщатся большие лужи на залитых дождями полях.

Очень тихо в лесу. Хорошо слышно, как где-то близко на опушке, забравшись в рябину, квохчут и повизгивают дрозды, за полем в деревне лает собака, а там, где синяя кромка леса почти сливается с дремлющим небом, невидимые, трубят на отлёте лебеди.

Даже на очень большой берёзе легко сосчитать, сколько бьётся последних листьев. Один, два, три… совсем уже мало. Не шелестят они на ветру, как летом, в дружном гуле зелёного шума, не шуршат, как в пору листопада. Каждый теперь поёт отдельно тоненько и грустно, как скрипка плачет.

Есть у людей дома, одежда, пища, не страшны им холода. А

что зверям и птицам делать, когда захрустят по травам утренники и уснёт вода?

Есть домовитые звери. Прилежно устраивали и чистили барсуки свой подземный дом. Сухую подстилку в спальню натаскали, травяной ветошью отнорки прикрыли. Тепло, чисто, можно и вздремнуть. Много не много, а так с полгодика. Полез барсук свежим воздухом дохнуть. Подполз к выходу и чуть-чуть мордочку выставил. Прохладно на дворе. Сосны головами тихонько покачивают и плывут, плывут облака. Открылось голубое окошко в тучах, и оттуда медленно, покачиваясь, пушинка белая валится, прямо на барсучий нос. Упала и растаяла. Чихнул барсучонок, испугался и вниз пошёл. Что это за холодные перья? Отродясь такого не видывал.

У медведя берлога задолго приготовлена, мохом да еловыми лапами оборудована, а крыши пока ещё нет, крышу попозже вьюги совьют. Ходит медведь на последний промысел. Надо до снега успеть забытую на полосе овсяную бабку дососать, в одном знакомом овражке лосиные косточки доглодать, в болоте корешков поесть, особых, одному ему, медведю, ведомых. Сладко от них спится. Ходит медведь не спешно; босой ногой грязь со льдом месит. Как ему не холодно? Ничуть… Лапы шерстистые, а там, где голое, — жировая подмётка в палец толщиной, никакой мороз не прохватит.

Улетают птицы. Движется над стынущей землёй великий птичий поток. Летят птицы ночью и днём в одиночку, стадечками и стаями в тысячи голов. Лунной ночью множество невидимых путников перекликается где-то высоко под звёздным пологом. Иногда можно заметить, как тёмная цепочка пересекает лунный

диск. Счастливого пути, голосистые наши гости! Пройдёт зима, и мы встретимся с вами снова.

Неустойчива осенняя погода. Яркие дни сменяются ненастьем, а потом вновь расходятся тучи, открываются голубые окошечки, и видно, как по ним скользят светлые нити паутины и белые пушки иван-чая, словно напоминая о снежинках, что скоро уже затанцуют в холодном небе.

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Заяц в штанах

Вылиняли у зайца-беляка задние ноги. Снега ещё нет, а у него ноги белые стали. Будто белые штаны надел.

Серого зайца и на поляне никто не замечал, а теперь он и за кустом сквозит. Всем как бельмо на глазу!

В ельнике затаился — синицы увидали. Давай пищать:

— Заяц в штанах, заяц в штанах!

Того и гляди лиса услышит.

Заковылял заяц в густель. Там ёлку вихрь повалил. Упала ёлка вершиной на пень. Как шалашиком пень накрыла.

Вспрыгнул беляк на пень и притих. «Вот, — думает, — от всех спрятался!»

Шёл по лесу охотник и видит: в самой густели будто глазок на небо сквозит. А какое там небо, если позади лес чёрный!

Заглянул охотник в лесной глазок — заяц! Близко — ружьём ткнуть. Ахнул охотник шепотком.

А заяц — некуда податься — шасть прямо на охотника!

Отшатнулся охотник, ногами в валежнике запутался и упал. А когда вскочил, — только штаны заячьи мелькали вдали.

Опять увидали зайца синицы, запищали:

— Заяц в штанах, заяц в штанах!

Сороки увидали, затрещали:

— Заяц в штанах, заяц в штанах!

И охотник кричит:

— Заяц в штанах!

Вот штаны — ни спрятать, ни переменить, ни сбросить!

Хоть бы снег скорей — беспокойству конец.

Упрямый зяблик

Октябрь так птиц пугнул, что иные до самой Африки без оглядки летели! Да не все такие пугливые. Другие и с места не тронулись. Ворона вон — ей хоть бы что! Каркает. Галки остались. Воробьи. Ну, да с этими Октябрь и связываться не хочет. Этим и январь не очень-то страшен!

А вот за зябликов Октябрь взялся. Потому что фамилия у них

такая — Зяб-лик. Должны они холода бояться. Взялся — и всех разогнал. Один только остался. Самый упрямый.

Рассердился Октябрь:

— Зяблик ты, так зябни! — И стряхнул ртуть в термометре сразу на десять градусов ниже нуля. А зяблик не зябнет!

— Небось, озябнешь! — разбушевался Октябрь. И давай Зяблику под перо дуть.

А Зяблик не зябнет! У него от озноба верное средство — тугой животок. Прыгает по веткам, как по ступенькам. И склёвывает: то насекомое, то семечко. А раз животок тугой, то и температура у него нормальная — плюс сорок три градуса! А с такой температурой и в октябре — май!

— Холодом не пронял, — голодом доконаю!

Скрипнул Октябрь морозцем. И так ветром дунул, что сдул с деревьев все листья и всех насекомых.

А Зяблик — порх! — и на землю. Стал на земле кормиться, семена разные собирать.

Октябрь на недельку задумался, потом землю дождичком спрыснул и морозцем застудил. Каток сделал.

— Ужо тебе!

— Раззадорился Зяблик — порх! — и наверх.

— Семена заморозил — ягоды рябины клевать начну. Была не была!

И стал рябину клевать. Вместе с синицами, воробьями и воронами.

Посинел Октябрь от злости. Морозцем прихватывает, прохватывает.

А Зяблик не зябнет. Рябина-то от морозца только вкуснее становится. Так сама в клюв и просится. Сытно от неё и тепло.

Опёнки

Ещё бы я не знала, какие опёнки! Да у нас на дне кадушки ещё и сейчас есть солёные опёнки. Это мы с Маринкой как-то пошли за черникой. А уж поздно было, уж даже все листики с деревьев слетели, и, конечно, никакой черники уже не было, но мы всё-таки пошли. А там раньше был лес, но потом срубили, и остались одни пенёчки. Всё пенёчки и пенёчки… И вот мы идём между ними, а Маринка как закричит:

— Наташка, опёнков-то сколько! Опёнков-то! Все мои!

Кинулась на коленки, руки растопырила и хотела все опёнки

накрыть, а не удалось! Их там столько было, столько, будто это и не грибы, будто просто листики, которые валялись на земле, вдруг стали шляпками и поднялись на ножки. И стояли они так тесно, что даже шляпки друг на дружку наползали. У больших шляпки как блюдечко и посередине тёмненькие. А если одна шляпка наползла на другую, так нижняя точно чем-то посыпана. Или это плесень такая, или я не знаю что.

А маленькие опёночки хорошенькие-хорошенькие! Шляпки у них как половинка от грецкого ореха, светленькие и все в махорочках, как у папиного полотенца. Наш папа всю свою жизнь до нас с Маринкой жил у моря, и потому у него такое купальное полотенце.

А под шляпкой у опёнок воротничок. Я, конечно, хотела собирать маленькие, но Маринка закричала:

— Маленькие — мои! Все маленькие — мои! Собирай, Наташка, большие. Ведь не ты их нашла, а я.

Мы набрали полные подолы, даже горкой, даже платье уж больше не натягивалось. А когда побежали домой, грибы всё соскальзывали и падали. Станешь поднимать, другие валятся. И все они измялись, искрошились, а платья насквозь промокли.

А мамы дома не было. Она так и хотела уйти к соседям, занимать посуду для гостей. Но мы без мамы не знали, куда положить опёнки, и вывалили их в ведро и корзинку. А потом Маринка вдруг передумала и сказала:

— Мы лучше ведро и корзинку возьмём с собой и побежим поищем опёнков ещё. Переваливай, Наташка, из ведра в самовар! — И мы перевалили Маринкины, маленькие, в самовар, а мои, большие, в папину шляпу и папины калоши. Но мои грибы совсем раскисли и стали просто кашей, когда мы их проталкивали в калошные носки. Но это не беда, что папины калоши немножко запачкались. Он их почти никогда не надевает. Наш папа до нас с Маринкой жил у моря и привык к мокру.

А когда мы опять прибежали к пенькам, так нашли место, где опёнок прямо ужас! Прямо ужас! И не только около пеньков, а даже прямо на земле между листьями. А были грибочки, которые забрались на дерево высо-о-ко, мне до подбородка. И росли там прямо на дереве, как сучки.

Мы с Маринкой скорей, скорей нахватали грибов и подрали домой. А Маринка по дороге зацепилась ногой за ветку, шлёпнулась и все свои грибы развалила. Шляпки у них отдельно, ножки отдельно, смех!

Прибежали домой. Скорей, скорей грибы пораспихали куда попало, даже в абажур, даже в мои трусики. А Маринка и говорит:

— Давай, Наташка, возьмём сейчас зонтик. Сколько там ещё грибов осталось! Раскроем зонтик, да так и понесём его за спицы.

И вот мы наложили полный зонтик и понесли. А зонтик верхушкой всё за иван-чай и за разные ветки цепляется. А спицы

чуть что, — ломаются. Пока несли, все спицы поломались. Ну еле-еле дотащили! Только успели вывалить все грибы на пол, а тут явилась мама. Маринка кинулась к маме и заорала:

— Мама, давай скорей корзинку! Вываливай пока всё на пол! Там ещё ужас сколько грибов осталось! Ужас.

А мама на нас:

— Девочки, да вы что? С ума сошли?

И давай нас ругать. Хотела даже все наши опёнки выкинуть на помойку. Но тут пришла молочница и сказала, что опёнки можно солить. И мы с Маринкой уж постарались, чтобы мама нас простила. И упросили её, чтобы она позволила нам самим посолить свои опёнки.

Мы насолили полную кадушку. Только одних шляпок полную кадушку. Разложили их по дну, потом посолили, потом опять сверху разложили и посолили. А когда кадушка была полна, сверху накрыли грибы тряпкой, потом деревянным кружком, а на него положили камень. Он потом утонул в опёночном соке.

А какие вкусные вышли солёные опёнки!

Лиса, Водяная Крыса и Заяц

Выбежала Лиса на бережок и видит: Заяц травинки стрижёт, а водяная Крыса сочный корешок зубрит.

Лису увидели — жевать перестали.

Крыса Зайцу шепчет:

— Удрать успеем — сперва давай послушаем. Она нам сейчас про погоду петь начнёт!

— Приятного аппетита, соседи! — запела Лиса. — А погодка-то, погодка какая, одно слово — осень!

Заяц и Крыса переглянулись.

— Зима на носу, холода надвигаются. Я уж себе и шубу зимнюю купила — тёплую!

Заяц и Крыса ни звука.

— А как у вас с одёжкой дела, как вы к зиме приготовились?

— Ничего, приготовились! — буркнула Крыса. — Моя шуба не только греет, но и от сырости спасает. Вылезу из воды, встряхнусь — и сухая!

— И я не жалуюсь! — пробубнил Заяц. — Моя шубка белая и греет, и от злых глаз скрывает!

Тут водяная Крыса хихикнула и прошептала:

— Сейчас, Заяц, она нас хвалить начнёт. Я старая Крыса, уж я

знаю!

— Выходит, соседи, что вы лучше моего к зиме приготовились! Вот у кого уму-разуму поучиться! У одной шуба непромокаемая, у другого защитная! Да что-то я глазам не верю, дали бы пощупать.

— Ну вот, теперь, Заяц, — пора! Хватит слушать. Уноси свою шубу, пока цел. Да и я за тобой. Меня, Крысу, не проведёшь — не смотри, что у меня хвост голый!

Лиса бросилась вперёд. Но от Зайца и Крысы и след простыл!

Скворцы прилетели!

Скворцы прилетели!

Это такое же радостное известие, как «прилетели грачи», «прилетели жаворонки». Радостное потому, что вместе с грачами, скворцами и жаворонками летит к нам весна — лучшая пора года. Весна, за весной лето — радости-то сколько!

Скворцы прилетели!

Но сейчас не весна, сейчас осень. Где же можно услышать такие слова?

Можно услышать, мне довелось. Но сказаны они были не радостным, а печальным-печальным голосом.

— Скворцы прилетели, — сказал человек тихо и задумчиво. — Значит, впереди осень, слякоть и холод. Значит, ветры, дожди и туманы. Значит, прощай, красное лето, здравствуй, зима.

Да, не весна, а зима!

Потому что скворцы, те самые скворцы, что когда-то принесли к нам с юга весну, сейчас несут от нас на юг осень. В лесах, скверах и парках на берегу Чёрного моря появляются они осенью густыми стаями; все сразу обращают на них внимание.

Скворцы прилетели… Нет, не радостное это там событие! Ведь за скворцами надвигается зима.

Так по-разному могут звучать одни и те же слова!

Видно, не в словах дело, а в том, что́ за ними таится.

Лиса-плясунья

Ну и погодка, чтоб ей ни дна, ни покрышки! Дождь, слякоть, холод, прямо — брр!.. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выгонит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома сидит, греется. А сам взял ружьё, взял бинокль, оделся потеплее, надвинул на лоб капюшон — и пошёл! Любопытно всё-таки поглядеть, что в такую погоду зверьё делает.

И только вышел за околицу, вижу — лиса! Мышкует, — промышляет мышей. Рыскает по жнивью, — спина дугой, голова и хвост к земле, — ну чистое коромысло!

Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла, видно, мышек-полёвок заслышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают себе зерно на зиму.

Вдруг вскинулась всем передом, пала передними ногами и носом на землю, рванула, — вверх взлетел чёрный комочек —

мышь. Лиса разинула зубатую пастишку, поймала мышь на лету. И проглотила, даже не разжевала.

Да вдруг и заплясала!

Подскакивает на всех четырёх, как на пружинках. То вдруг на одних задних запрыгает — как цирковая собачка — вверх-вниз, вверх-вниз! Хвостом машет, розовый язычок от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдаю. Ухо у самой земли — слышу, как она лапками топочет. Сам весь в грязи вымазался.

И чего она пляшет, — не пойму! В такую погоду только дома сидеть, в тёплой, сухой норе. А она вон чего выкомаривает, фокусы какие ногами выделывает: тук-тук-тук! тук-тук-тук!

Надоело мне мокнуть, я вскочил во весь рост. Лиса увидала, — тявкнула даже с испугу. Шасть в кусты, — только я её и видел!

Обошёл я жнивьё и, как лиса, всё себе под ноги гляжу.

Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли.

Лёг по-лисьему на живот — не увижу ли так чего?

Вижу: много мышиных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги — и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топочу, — только что язык не высовываю.

Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полёвки! Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшибаются, пищат пронзительно… Был бы я лисой, так…

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке; плясала — не баловала, мышей из норок выгоняла. Был бы у неё тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в

такую погоду: лисьи пляски! Плюнул бы я на дождь и на холод, — пошёл бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел.

Зря её с собою не взял.

Скучает, поди, в тепле под крышей.

* * *

Дождь как из ведра! Не капли бьют по земле, а звонкие струи. На земле, на траве, на листьях — кутерьма водяных брызг. Нигде не спрячешься от воды!

Часто после таких проливных дождей мы намокаем так, что не можем взлететь. Подскакиваем, отчаянно бьём крылышками, а улететь не можем. Тут-то и ловят нас собаки и кошки.

Если найдёте промокших птичек у жилья, посадите их в корзинку с сухим сеном. Сверху корзинку накройте марлей. Через час — два мы обсохнем. Теперь можете смело нас выпускать, — никто теперь нас не поймает!

Мелкие птички

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Кабаны

Встретил в лесу дикий кабан домашнего кабана.

— Хр! Хор-р-рошо ли жить-то у людей?

— Хорошо! Жратвы полное корыто!

— Ишь! Мне бы тоже…

— Сплю в тепле, на соломе!

— Мне бы тоже…

— Моют, за ухом чешут!

— Мне бы тоже…

— К Новому году из меня студня наварят, окорока закоптят, сала насолят!

Мне бы… э, нет, брат! Этого я не хочу! Лучше я в лес пойду — с корешков на жёлуди перебиваться, под открытым небом спать. И хоть неумытым быть, да живым!

Заяц и летучая мышь

— Здравствуй, Ушан летучая мышь!

— Здравствуй, Заяц длинные уши!

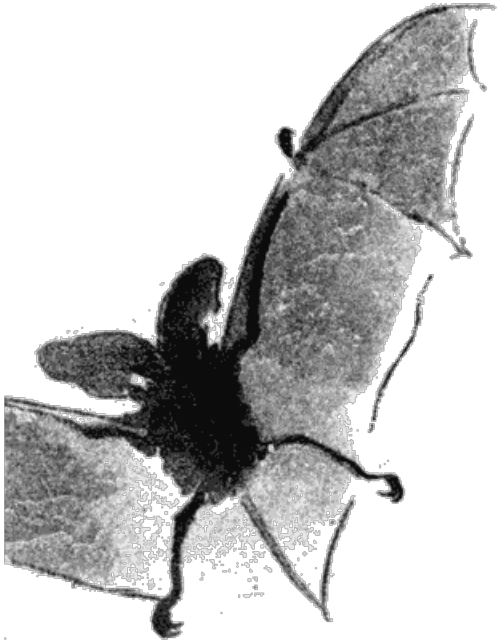
— Как живёшь-поживаешь?

— Лучше всех живу — горя не знаю!

— Как же это ты так ухитряешься?

— Это проще простого. Как плохо мне, — зима там пришла или дождь, ветер, — я на боковую. Сплю да сладкие сны смотрю. Иной год месяцев десять просплю!

— Ну, брат, тут я тебе не товарищ! Я так не могу. Я если и сплю, так и то с открытыми глазами!



Медведь и Сорока

— Медведь лапти плести собрался! Медведь лапти плести собрался!

— Кыш, ты, стрекотуха… Каки лапти…

— А зачем же ты лыко дерёшь?

— В берлогу, на подстилочку… Разве мыслимо полгода на жёсткой постели спать?

Хомяк и Крот

— Хр-р-хр-р-р… Хр-р-хр-р-р…

— Пуф-пуфф… Пуф-пуфф…

— Хр-р-р… Ай, кто здесь?!

— Пуфф… Это я, Крот. А ты кто?

— Ещё спрашивает: «Кто, кто?» Хомяк я, вот кто! Чего ты, бессовестный, в мою квартиру лезешь?!

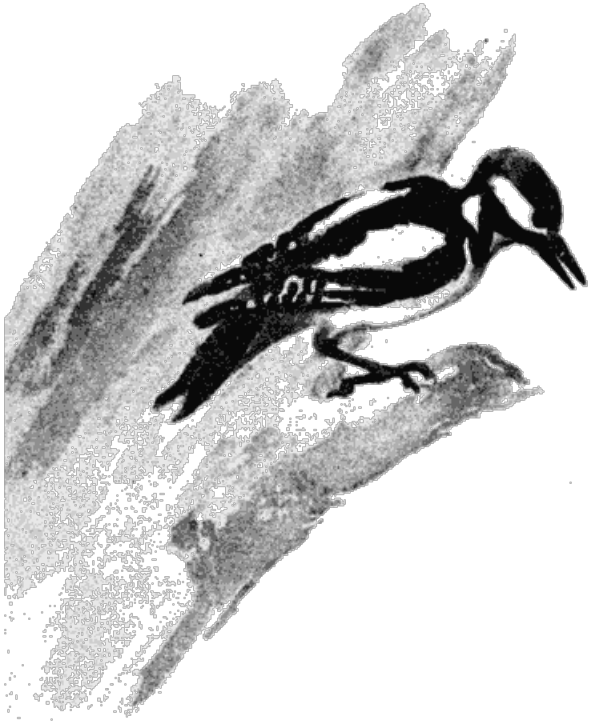
— Пуф-пуф… Да я нечаянно… Уморился, с лап сбился. Червяков, понимаешь, ищу, а они от морозов глубо-око попрятались. Роешь-роешь, ищешь-ищешь, семь вёрст под землёй пройдёшь, покуда червячка заморишь…

— А ты бы делал, как я! На зиму — спаленка, рядом со спаленкой — кладовочка. Поел — поспал; поспал — поел, и за семь вёрст ходить не надобно!

Зяблик и Дятел

— Уж больно бережёшь ты, Дятел, свой нос. Всё о сучки его чистишь!

— Мне, Зяблик, без носа, как без рук. Семян еловых захочешь — носом стучи. Короеда несчастного выбить — и того носом. Соку берёзового лизнуть — опять носом бей. Гнездо выдолбить — носом. Голова кругом! А весной ещё и на барабане носом играй. Стучи во всю мочь по сушине. Греми на весь лес — иначе дятлихи и слушать не хотят! Того и гляди с носом останешься!



— Ох, Дятел, и стукотливая ж у тебя жизнь! Всё носом да носом — того и гляди без носа останешься!

Осень и Анютины Глазки

— Анютины Глазки, вам закрываться пора, ведь зима на носу!
— А мы не боимся.
— Глазки, вас дождями забьёт!
— А мы не боимся.
— Глазки, Глазки, вас морозцем прихватит!
— А мы не боимся.
— Глазки, Глазки, вас снежком припорошит!
— А мы всё равно не боимся. Мы и под снегом будем живы-живёхоньки!

Тетерев и Тетеря

— Продам шёшубу, куплю балахон! Продам шёшубу, куплю

балахон!

— Тетерев, опомнись! Осень пришла, а ты весеннюю песню запел!

— Осень?! Фу ты, и правда. Солнышко пригрело, я и забылся… Ну, ладно, по-другому спою… Куплю ш-шубу, продам балахон! Куплю ш-шубу, продам балахон!

Гуси-лебеди

— Гуси, гуси!

— Га-га-га!

— Есть хотите?

— Да, да, да!

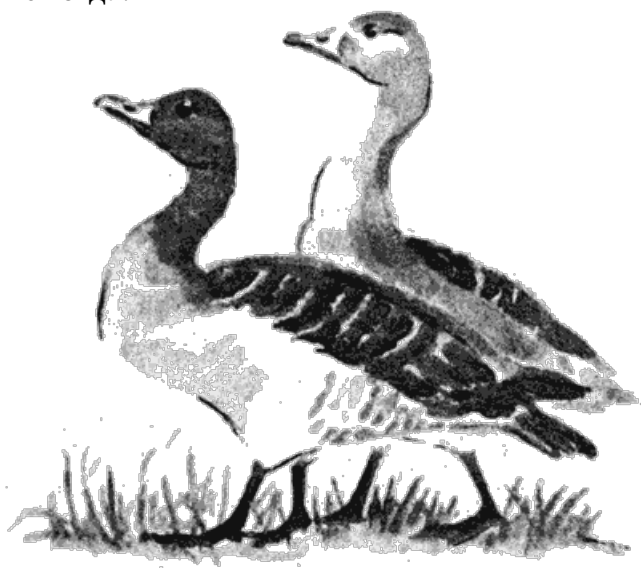
— Поищите же тогда!

— Мы искали, мы в воду ныряли, но ничего не достали! Трава полегает, вода замерзает, холода наступают.

— Что же делать вам, гуси?

— Улетать за синие моря, за высокие горы, в тёплые края!

— Ну, летите же тогда!



ДЕЛА РЕБЯЧЬИ

Летучие друзья

На берегу реки Тосна есть глубокие пещеры… Мы обследовали их и обнаружили, что там зимует много комаров и бабочек зубчатой совки. Нашли мы также пауков и мокриц.

Но самое интересное — это летучие мыши!

Они прицепились к стенкам пещеры и висят вниз головой. Они кажутся мёртвыми, и на их шёрстке блестят капельки воды. Но если их взять в руки, то они быстро приходят в себя, начинают шевелиться и пищать. Мы знаем, что летучие мыши очень полезны — летом они уничтожают массу вредных насекомых. Особенно комаров-кусак. Поэтому мы призываем ребят не обижать летучих мышей. Мы тоже их не обидели. Мы только обследовали место их зимовки, сделали наблюдения, зарисовали их и даже сделали фотоснимки.

И всё это при свете карманных фонарей и свечей.

Витя Сергеев, Юра Бурчик и Сергей Ачик

Береги сады

— У нас при школе есть молодой яблоневый сад. Осенью мы обвязали стволы яблонь соломенными жгутами. Вредные

насекомые, которые зимуют на яблоневом стволе и ветвях, забрались на зимовку в соломенные жгуты. А мы эти жгуты сняли и сожгли.

На зиму мы в саду развесили кормушки для птиц. Мы надеемся, что птицы привыкнут зимой к нашему саду и на лето останутся в нём жить.

Витя Беликов

Хотя бы одно!

«Я живу недалеко от города Сталино. У нас нет лесов. Вокруг, куда ни посмотри, одни шахты. Я со своими подружками организовала группу любителей леса. Мы будем сажать и выращивать кусты и деревья, следить за зелёными насаждениями, оберегать их от разных вредителей. Вы только представьте, ребята, какой неоглядный лес поднимется в нашей стране, если каждый из вас вырастит хотя бы одно дерево. Хотя бы одно!»

Таня Булавина

От РЕДАКЦИИ. Мы согласны с Таней. Ребята, если дружно возьмутся за дело, многое могут сделать.

Берегите лес от пожаров

Потушили ребята пять лесных пожаров. Лето было жаркое и сухое. Стоило спичку бросить — и лес загорался. Тушили и, захлёстывая ветками огонь в лесу, на чём свет стоит ругали разгильдяев, которые оставляли в лесу непотушенные костры. Лень им залить костёр водой или засыпать землёй. И вот вместо зелёного леса получается чёрная гарь!

Два кустарничка

Жители леса готовятся встречать зиму. И только некоторые из них как будто не чувствуют никаких перемен: ни холода, ни коротких пасмурных дней.

Вот растут рядом два ягодных кустарничка. У одного из них нежные кругленькие листики. Они покраснели и осыпаются. Этот кустарничек встретит зиму с голыми веточками.

А другой — как был, так и остался. Листья у него жёсткие, грубые, блестящие. Видно, с такими листьями зимовать не страшно.

— Какие ягоды вы собирали летом с того и с другого кустарничка?

Осенние наряды

Расхвасталось дерево своим осенним нарядом:

— Красивее моей одежды не придумаешь: тут и красное, и зелёное, и розовое, и оранжевое, и жёлтое. У иного листа, что ни уголок, то другой цвет.

— А я считаю, что такой пёстрый наряд для солидного дерева неприличен, — сказало соседнее дерево. — Самый скромный и самый красивый цвет — зелёный. Я этому цвету никогда не изменю. Так и опадут мои листья зелёными. И уголки-то у тебя на листьях — лишнее. Гораздо лучше мелкие зубчики, как у меня.

Угадайте, — какие деревья вели этот разговор?

Ноябрь

Ноябрь — ворота зимы. Месяц молодого звонкого льда, первых порош и самых тёмных ночей.

Первая пороша! Выпадает она всегда неожиданно. Выйдешь на улицу и удивишься: под фонарём и в световых полосках автомобильных фар вертится какой-то беловатый дождь. Протянешь руку, и ладонь почувствует лёгкие уколы снежинок. Надо хорошо приглядеться к ним, чтобы увидеть, какие это чистые, ладные звёздочки.

И звери удивляются первому снегу, даже немного боятся его.

Заяц-русак больше суток пролежал в можжевеловом кусту, всё не решался выйти. На вторую ночь оголодал и побрёл раскапывать озимь.

Лосиха весь снегопад протопталась в глухом ельнике,

переждала погоду и пошла озираясь и насторожив уши.

За ней потянулся лосёнок. Он часто останавливался и нюхал новый покров земли, такой странный, мягкий и холодный.

Обрадовался заяц-беляк. Встал, потянулся. Кончились прятки! Надоело под валежинами да в хворосте таиться. Смотрите: раз прыжок, два прыжок, нету меня!

Белая земля, белая трава, белые кусты и я такой же, никто меня не заметит, никто не найдёт.

Не хвастай, зайчишка! Сам укрылся, а след оставил. Тянется он по свежей пороше: две лапки так, две лапки эдак. Куда бы ни ушёл, след выдаст. Вот новая забота. Принялся косой след путать, — крутит, петляет, в стороны прыгает. Кто хочет догнать, пусть разбирается.

Обильный снег прижал ветки кустарника.

В ольшанике перепархивают снегири. Посвистывают. Взлетит красногрудый, — снежное облачко на солнце вспыхнет, присядет на ветку, — опять крыльями морозную пыль уронит.

Снег лежит новый, мягкий и чистый.

Тихо вокруг и так бело, что глаза жмурятся.

И всего только на палец прикрыла землю поро́шка; а какая перемена! И почему так хорошо на душе? Петь хочется, побежать хочется. А ещё лучше нагнуться, набрать полную горсть и кинуть тугой снежок прямо в голубое небо.

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Как воробей тёплый угол искал

Жил да был на свете воробей.

Не городской воробей, — деревенский. Городские — те скушно привыкли одеваться, серенько. А этот расписной красавец: шапка на нём коричневая, на щеках чёрные наушники, и по каждому крылу две белые полоски пущены.

Летом хорошо жилось воробью. И вольготно, и сытно. А пришла осень, и совсем худым стало житьё.

Льют дожди холодные, ветер-сиверко задувает, а еды так и вовсе не сыскать. Весь хлеб колхозники в амбары свезли, домашнюю птицу в сараи заперли, — нигде зёрнышка не украдёшь. Загоревал воробей, да нечего делать. Ты птица сорная, бесполезная, никто тебя задарма голубить не станет. Сам живи.

Вот и надумал воробей лететь, куда глаза глядят.

«Хоть земля, — думает, — и круглая, но должен же найтись на ней тёплый угол… Авось найду!»

И полетел.

Долго ли, коротко летел — притомился. Воробьиные крылышки куцые, такие за море не унесут. Мах, мах — да и впопыхах. Запыхался воробей и сел на лесной опушке.

Видит — растут кругом частые кустики, болотные кочки торчат, и ходят между кочек белые птицы с чёрными хвостами.

— Здоро́во! — сказал воробей. — Вы кто таковы?

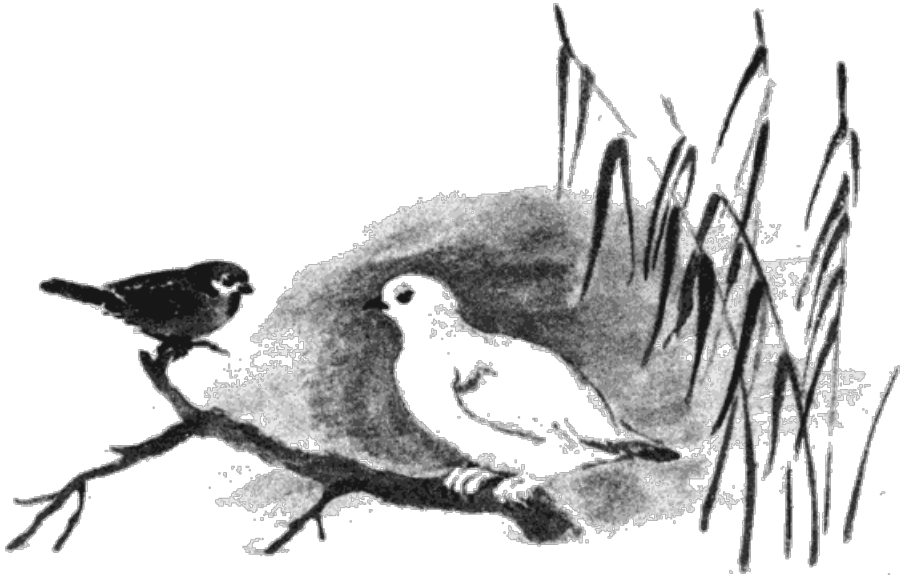
— Мы белые куропатки, — отвечают птицы. — А ты кто?

— Я, ребята, воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

— Зачем тебе лететь? — удивились куропатки. — Оставайся с нами.

— А хорошо ли живёте?

— Уж куда лучше. Было нам холодно, мы в зимнее, толстое переоделись. И тепло, и не видно нас. Было по снегу неловко ходить, мы лыжи приспособили из пёрышков. Теперь не проваливаемся. Было голодно, мы длинные когти отрастили, теперь снег роем, ягоду выкапываем. Чем не житьё?



— Ну, не-ет! — говорит воробей. — Это не по мне. Забот полон рот: и шубу надо, и лыжи, да ещё ягоду копай!.. Прощайте!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко — добрался до светлого березничка. На ветку спустился.

Видит — сидят на берёзе две птицы: хохлатый петушок и рябенькая курочка.

— Здоро́во! — сказал воробей. — Вы кто таковы?

— Мы рябчики, — отвечают птицы. — А ты кто?

— Я, ребята, воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

— Зачем тебе лететь? — удивились рябчики. — С нами оставайся!

— А хорошо ли живёте?

— Уж куда лучше. Было нам голодно, мы взяли да гладких камушков наглотались. И теперь животы у нас любую еду перетрут: и хвою, и почки, и веточки… Что твоя мельница! Было нам холодно, да мы в снегу спать научились. Нырнём в снег, будто в перину, — и до утра! Чем не житьё?

— Ну, не-ет! — сказал воробей. — И это не по мне. Чтоб я камни глотал да в снегу спал… Прощайте!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко — добрался до тёмного ельничка. На еловую лапу сел, огляделся. Видит — копошится рядом рыжая птица с носом, будто кривые ножницы.

— Здоро́во! — говорит воробей. — Ты кто таков?

— Я клёст, — отвечает птица. — А ты кто?

— Я, брат, воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

— Зачем тебе лететь? — удивился клёст. — Оставайся со мной!

— А хорошо ли живёшь?

— Уж куда лучше. Было мне голодно, я себе эвон какой хитрый нос смастерил. Что твои щипцы! Теперь шишки лущу, семена из них тащу, до того сытно! Было мне холодно, стал я гнездо рубить. Тёплое будет, хоть, под Новый год птенцов

выводи… Чем не житьё?

— Ну, не-ет! — сказал воробей. — И это не по мне. Нос тут ещё мастери, гнездо руби… Прощай!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко летел — а тут лес и кончился. Впереди — город большой. И видимо-невидимо там серых городских воробьёв!

— Здоро́во, братцы! — закричал воробей. — Как житьишко-то?

— Живём — не тужим! — отвечают городские. — Лучше всех! На помойке крошку украдём, из лужи водички хлебнём, у печной трубы погреемся… Чем не житьё?

Вот это по мне! — сказал воробей.

И остался в городе жить.

Позёмка

Далеко на Севере, на берегу залива, стоял рыбачий колхоз.

Однажды зимой, в полярную ночь, вышел молодой рыбак на лёд проверить в проруби перемёт.

Только дошёл до середины залива, задул ветер.

Позёмка! Над самой землёй свищет. Как закрутил! Вьёт по ногам, несёт снежную пыль. Ничего по сторонам не видно. Только небо над головой чистое-чистое, чёрное, с жёлтой луной.

Повернул рыбак назад.

Идёт, идёт… Нет берега.

Ещё немного прошёл, понял: заблудился!

Вправо подался, влево и совсем потерял дорогу. Что делать? Вдруг видит, — впереди за метелью мелькнули три тени. — Люди!

Бросился за ними.

— Э-ге-гей! — кричит.

Куда там! Разве услышат: ветер воет, все слова назад уносит.

Тени то покажутся, то опять скроются.

Идут трое быстро, ходко. Один за другим, цепочкой. Никак их не догнать.

На его счастье, скоро позёмка стихла.

Огляделся. Вокруг жёлтые и зелёные лунные полосы. Лёд да снег. Впереди чёрной стеной берег. На берегу домики, сети на кольях. Точно к колхозному посёлку вышел.

Ну, вот и всё!

Выбрался парень на твёрдый наст.

«Догнать бы этих троих, спасибо сказать!» — думает.

Не успел. Проводники его тёмными пятнышками под берегом помаячили, выбрали место поудобнее, по круче наверх влезли и пропали.

Добрался и он до берега. На четвереньки встал и тоже полез наверх.

Вдруг сверху — бах! Бах! — выстрелы.

Поднял рыбак голову, а на горке перед ним, как из-под земли, — нырк! — медведь вырос. Здоровущий! Лунным светом, словно жёлтым молоком, облит. Морда и шея длинные. Привстал да как махнёт через рыбака. Тот — бух! — на землю и кувырком с горы. А через него ещё два медведя — гоп! гоп! — перелетели и драпа от берега.

Лежит парень на снегу ни жив ни мёртв, голову в тулуп спрятал. Слышит — люди бегут.

— Гляди, — кричат, — одного ухлопали! Не будут больше по сетям лазать. Ишь повадились!

Разобрались, — а это человек. Да ещё свой, колхозный.

Сердятся рыбаки: ушли лохматые ворюги!

А парень рад: целы его провожатые. Ишь как, толстоногие, по льду дуют!

Весна под ногами

Голые деревья дремали в осеннем тумане. Дорожные лужи тосковали о весёлом топоте дождевых капель. На земле всё замерло. А в мутном небе мчались клочки серых и белых облаков.

«Не оглянёшься — и зима!» — подумал пасечник Федосеич. Он чинил забор, выкопал столб и присел отдохнуть.

Прошли красные денёчки! Не летать больше пчёлам по душистым цветам. Сожмутся живым комом в улье и притихнут до весны. И он, Федосеич, сожмётся и притихнет. Без пчелиной суетливой жизни, без солнца и тепла и ему не житьё.

Длинна хмурая осень, ещё длиннее холодная зима. А весна за горами, за долами! Совсем загрустил Федосеич. Может, и не дожить ему до весны! У ног старого пасечника, на выкопанном песке, лежал кустик мать-и-мачехи.

— Корень-то какой здоровенный! — удивился Федосеич и взял его в руки. Разглядел и удивился ещё больше. На толстом корневище мать-и-мачехи приютилась кучка тесно прижавшихся

друг к другу круглоголовых стебельков.

— Подумать только, — прошептал Федосеич, — у неё уже и цветки к весне под землёю приготовлены!

И он вспомнил, как ранней весною на чёрных проталинках вылезают из земли такие семейки стебельков мать-и-мачехи. Вспомнил, как постепенно разгораются из головки жёлтыми звёздочками. Первые весенние цветы! Первая радость пчёл! Первые капли мёда!

«Кажется, весна не за горами, а под липами, тут она с осенью-то рядышком, — подумал Федосеич. — Тут она, весна, под ногами». И от этого открытия он вдруг развеселился:

— Что горевать, дождусь весны и я! Встречу её вместе с пчёлками!

Рассказ Люси Ескиной

Однажды в школе, на большой перемене, мы все столпились в коридоре. И вдруг в коридор влетела птичка! Мы очень испугались и разбежались в разные стороны. Птичка упала прямо на пол.

Я подбежала к птичке и увидела, что у неё сломана ножка. Тогда мы взяли птичку и понесли в класс. Там мы её накормили и перевязали ей ножку. Через две недели птичка уже летала и прыгала. На третьей неделе мы птичку выпустили.

Зимой мы устроили у школы четыре кормушки для птиц. К

нам прилетало много разных птиц. И однажды мы увидели на кормушке ту самую птичку, которую выпустили!

Птичка эта — снегирь.

Волшебная полочка

Я — великий повелитель птиц!

Захочу — и птицы сами прилетят ко мне.

Захочу — прилетят голуби и воробьи.

Захочу — синички.

Захочу — явятся гости с севера: свиристели и снегири.

Нет, я не волшебник. Я не шепчу таинственных заклинаний. И у меня нет волшебной палочки.

Но зато у меня есть волшебная полочка.

На вид полочка совсем проста. Простая фанерка с простыми деревянными бортиками. Но в полочке волшебная сила!

Ладно уж, так и быть, — я открою свой секрет!

И к вам — стоит вам только захотеть! — будут прилетать птицы.

Для этого надо на простую полочку насыпать крупы и хлебных крошек. Да, да, на обыкновенную полочку насыпать обыкновенной крупы и обыкновенных хлебных крошек! Потом полочку нужно выставить за окно. И полочка сразу станет волшебной. На полочку сразу же прилетят голуби и воробьи.

А если вы живёте у парка или в деревне, бросьте на полочку кусочек сала. Тогда прилетят синицы!

Положите кисти рябины, — прилетят снегири и свиристели.

Кого захотите, — те к вам и прилетят!

У птиц сейчас трудно с едой.

Сделайте себе волшебную полочку.

Каждый день станут прилетать к вам разные птицы.

Вы станете добрым повелителем птиц!

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Воробей и Куропатка

— Ах, Воробей, ты к зиме тоже вылинял?

— Ничего я не вылинял. Это вы, куропатки, зимние шубы понадевали. А я житель городской, круглый год в демисезонном пальтишке прыгаю.

— Ты же был пёстренький, в пятнышках, а теперь сереньким стал!

— Это у меня на пёрышках светлая каёмочка выросла, закрыла пятнышки. Вот я и посветлел.

— И всегда таким будешь?

— Как бы не так! За зиму пёрышки обтреплются, укоротятся, и к весне опять стану пёстреньким!.

Белка и Лесная мышь

— Видали?! Видали!? Я грибы на сучок сушить повесила, а Мышь их у меня таскает… Ах, злодейка!

— Кто у кого больше стащил! Я орехи на пеньке разложила, так и оглянуться не успела, как они у тебя, Белка, в дупле оказались!

Недовольная лиса

Заяц-беляк всё лето серым был, а сейчас вон весь в белом щеголяет. Белка летом рыжая была, сейчас серую шубку надела.

Одна я, бедная, зимой и летом одним цветом. Да что я — рыжая, что ли?!

Кому что

Синица-Гайка. Раз ты Пищуха, так пищи! А ты, Свиристель, свиристи. А ты, Поползень, ползай.

Птицы. А тебе, непоседа, тебе, Синица-Гайка, что делать?

Синица-Гайка. Мне, мне? Мне… вывинчиваться!

Что вкуснее

— Ах, какие вкусные сосновые семена! — сказал Клёст-сосновик.

— Ну что вы, еловые вкусней! — поправил Клёст-еловик.

— Нет вкуснее рябины! — затрещал Дрозд-рябинник.

— Вы попробуйте-ка овёс! — вмешалась Овсянка.

— Вот я вас! — крикнул Ястреб. — Я хоть и перепелятник, да мне всё равно: что Клёст-сосновик, что еловик, что Дрозд-рябинник, что Овсянка! Кого сцапаю, — того и похвалю!

Пуночка и Барсук

— Ой, что за зверь из норы выглянул?
— Я Барсук. А ты кто?
— Я Пуночка-подорожничек. А чего я тебя раньше не видела?
— И я тебя не видел.
— Я уже давно сюда прилетела. Вслед за первыми снегами.
— А я давно спать завалился. Ещё до первых снегов.
— И долго спать будешь?
— До весенней капели.
— А я весной обратно на север улечу.
— Ну, так прощай. До будущей зимы не увидимся!

Хозяин и Хозяйка

— Собралась я из рябины варенье варить, а кто-то самые крупные кисточки ощипал!
— Это, Хозяюшка, дрозды прилетали.
— Собралась я варенье из рябины варить, а кто-то и средние кисточки ощипал! Только плохонькие оставил…
— Это, Хозяйка, щуры гостили.
— Собралась я варить из рябины варенье, а кто-то даже последочки ощипал, ни одной ягодки не оставил!
— А это свиристели.
— Ишь, сколько охотников до моей рябины! Друг за дружкой летят, без спросу едят и Хозяйке не кланяются!

Морозко, Ёж, Барсук и Медведь

— Ёжик, где ты? Я, Морозко, на тебя поглядеть желаю!
— Хр-р-и-у-иф…
— Ишь ты, как спит! Барсук, а Барсук! Я, Морозко, с тобой познакомиться хочу!
— Хрр-рр-рр-ы-уы-фф…
— Ишь, как похрапывает! Медведь, а Медведь! Я, Морозко, перемолвиться с тобой давно собираюсь!
— Ахррр-ррр-ф-ффф!..

— Ишь, расхрапелся! Ну, что за напасть — придёшь в лес, оглянуться не успеешь, как звери спать завалились… Теперь до весны не добудишься!

Выставка «Моды сезона»

Белка. Приобретайте тёплые и прочные серые шубки!

Заяц-беляк. Модный цвет — белый. Носите белоснежную верхнюю одежду. Модно и безопасно!

Лиса. Рекомендую лисью шубу. Тёплый, шелковистый, красивый мех. От охотников нет отбою!

Лось. Не ломайте голову! Ходите зимой, как мы, без головного убора. Легко и дёшево!

Белая куропатка. Надевайте ботики «Куропачья лапка». Тепло, не скользко, в снегу не провалитесь. Гарантия — до весны!

Не забывайте про нас

Мы, голуби, птицы знаменитые. Ни один большой праздник без нас не обходится. А на молодёжных фестивалях нас прямо на руках носят!

Жаль только, что и вспоминают про нас тоже только по большим праздникам. А есть-то нам и в будни хочется. Каждый день хочется и, особенно, в холодный, ветреный, дождливый.

Но как раз в такие дни не находим мы корма на подоконниках, панелях и площадях!

Мы украшаем ваши праздники. Не забывайте про нас в будни!

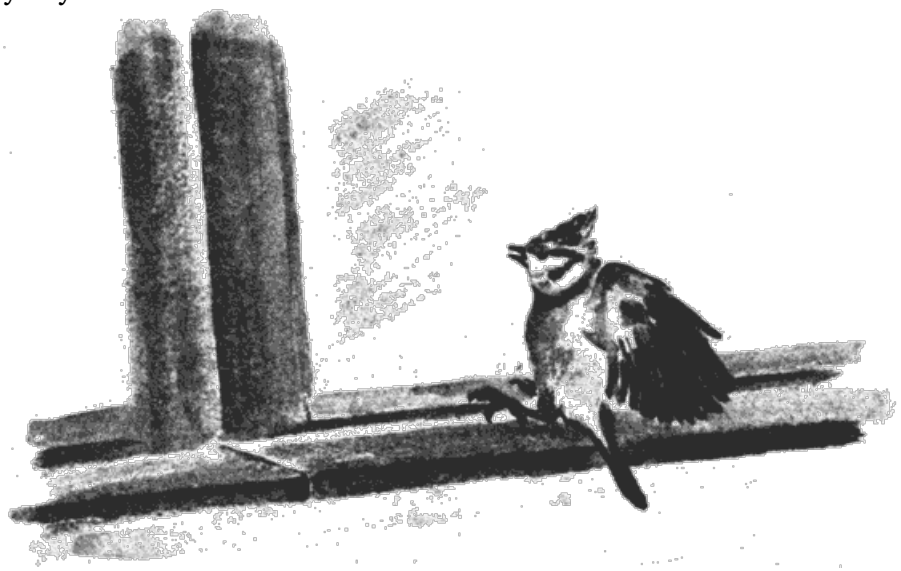
Помогите!

Спасайся, кто может! А кто не может?

Мы синицы: большие, длиннохвостые, хохлатые, пухлячки, московки. Мы не впадаем в спячку, как полёвки и белки. Мы не улетаем в тёплые страны, как перелётные птицы. Мы не прячемся в мох и под землю, как лягушки и ящерицы.

Плоховато нам в ноябре. Ветер, дождь, снег, заморозки. Бррр! А, главное, день короче воробьиного носа. И червячка заморить не успеешь!

Ребята, которые живут в саду, в парке или у леса, знают: начинаем мы в ноябре клювами в окошко стучать: «Тук-тук, тук-тук-тук!» Это мы напоминаем о себе.



Слушали весной и летом наши песни? Это мы пели. Ели вишни и сливы из сада? Это мы сад от гусениц охраняли. Долг платежом красен, — теперь ваш черёд нам помочь. Скоро зима, — загодя выставляйте птичьи кормушки, открывайте для птиц столовые самообслуживания. Мы уже сейчас должны знать, кто нас любит. Познакомимся, чтоб дружба на всю зиму.

Нас, синиц, — пинь, пинь! — много. Да и вас ребят, — пинь, пинь-черрр! — вон сколько. А дружно — не грузно! Помогите нам зимой, мы летом в долгу не останемся. Тук-тук! Слышите?

Какие породы воробьёв

Семёнов Миша из Ростова пишет: «В нашем дворе живёт стайка воробьёв. Один воробей в стайке совсем белый. Что это за воробей такой? Может, это совсем и не воробей?»

Вот письмо Саши Иванова из Ленинграда. Он пишет: «Лучше всех других птиц я знаю воробьёв. Да кто их не знает? И вдруг я прочитал, что воробьи бывают разные! Что в Союзе у нас их девять разных видов. И что даже в самом Ленинграде их две разных породы! А я всю свою жизнь думал, что уж кого-кого, а воробьёв-то я знаю. Ответьте, пожалуйста, какие живут у нас воробьи».

А вы, ребята, знаете, какие породы воробьёв живут у нас и что это за воробьи белые?

Декабрь

ДЕКАБРЬ

Декабрь — месяц долгих ночей и морозных узоров на окнах. Декабрь — полночь года.

Кончился тёмный и скучный предзимок. Весело звенят коньки на льду, знакомо и радостно шуршат лыжи, проминая первый след.

Когда окончились сельские работы и люди ушли с полей в дома, укрылись от морозов за зимние рамы, за двойные двери, у тёплых печек, казалось, что и вокруг замерла жизнь.

Не видно и не слышно никого в голых полях, в уснувшем лесу.

Выпала первая пороша — и всё изменилось, открылись

многие секреты.

Колхозный сторож узнал, почему накануне ночью Полкан рвался с цепи и лаял на огород.

Чёткий след зайца протянулся от одной капустной кочерыжки к другой.

У крайнего к лесу дома, где таинственно пропадали куры, обнаружился след хоря.

Чуть подальше в поле, вокруг соломенных скирд, весь снег измят, протоптан до чёрной земли. Здесь и смешные следки мышей — точечки, где наступали лапы, и бороздка, где волочился хвост, — и бесчисленные крестики от босых ног птиц, — овсянок, воробьёв, синиц.

А вот и покрупнее лунки — это горностай промчался. Ещё крупнее, — лисица кралась, насторожив уши, слушая попискивание мышей.

Кормное место! Птицы и мыши за зерном прибежали, за сорным семечком; горностай и лисица за мышами. Человек увидит — за лисицей придёт, капканы насторожит у соломенных скирд.

Засыпал снег последние ягоды и семена на земле, черничные почки, листву брусничную. Перешла лесная птица на древесную пищу.

Покачиваясь на тонких ветках, склёвывают рябчики ольховые серёжки, тетерева — берёзовую почку, глухари — колкие сосновые иглы.

Ну, что ж — по сезону и пища.

Правда, столовые довольно прохладные, особенно в ветреные дни, зато спальни теперь хороши.

Набил зоб и — бух! — в снежную перину; тепло, уютно и тихо.

В речной полынье, в чернильной воде, в морозном пару кувыркаются нырковые утки.

Смотреть на них и то холодно. А на самом деле теплее в воде, чем на воздухе.

22 декабря — день зимнего солнцестояния, и повернётся «солнце на лето, зима на мороз».

Очень тёмное, очень холодное время, и всё же это начало весны.

РАССКАЗЫ и СКАЗКИ

Солнышко за ушко́

Это было давным-давно. Так давно, что никто уже не помнит, когда это было.

Пришла на землю зима. Снега́ упали глубокие, морозы начались трескучие, дни становились всё меньше и меньше.

Взойдёт Солнышко на небо, не успеет и пригреть, как сразу

опять заходит.

Все звери и птицы в темноте сидят, от холода дрожат. А ночи всё длинней и длинней…

Осталась до Нового года неделя. И наступила самая длинная, самая тёмная ночь. Такая, что нет ей конца.

Уже давно петухи в деревне пропели, а ночь всё тянется и тянется. Не выходит Солнышко на небо, не хочет греть землю.

Испугались тогда звери и птицы: «Вдруг Солнышко совсем больше не выйдет? Пропадём тогда, застынем, света белого не увидим…»

И собрались на лесной совет. Стали думать да гадать: как сделать, чтобы ночь кончилась?

Думали, думали и придумали: надо Солнышко на небо за ушкó вытянусь. Тогда и день наступит.

Ну, а кто тянуть будет?

— Я потяну! — сказал Тетерев-косач. — Я тут самый сильный, я тут самый храбрый! Вытяну Солнышко.

— Я потяну! — сказал пёстрый Дятел. — Я тут самый умелый, я тут самый работящий. Вытяну Солнышко.

— И я потяну! — сказал Клёст-еловик. — Я тут самый…

Хотел он тоже похвастаться чем-нибудь, да хвастаться нечем. Простая птичка-невеличка, зелены пёрышки.

— Куда тебе, кривоносому! — засмеялись звери и птицы. — Лучше дома сиди, не срамись!

— Не беда, — сказал Клёст. — Авось и я пригожусь.

И полетели Тетерев, Дятел и Клёст Солнышко за ушкó вытягивать.

За чистым полем, за тёмным лесом лежало Солнышко в тучах.

Первым Тетерев прилетел.

— Эй, ты! — закричал он. — Трус! Вставай, а то хуже будет! Одним крылом зашибу, одной лапой затопчу — и дух вон!

— Попробуй! — сказало Солнышко.

Подскочил Тетерев, ухватил за Солнышкино ушко и ну тянуть! Тянет-потянет, вытянуть не может.

А ушко горячее, жаром обдаёт.

Опалило у Тетерева брови, он и выпустил ушко.

— Ну тебя! — говорит. — Сгоришь с тобой. Не хочешь вставать, и не надо. Я и так проживу. В снег нырну, перья распущу, авось не замёрзну.

Вторым Дятел прилетел.

— Эй, ты! — закричал Дятел. — Лежебока! Вставай, а то хуже будет! На хвост обопрусь, носом размахнусь — и дух вон!

— Попробуй! — сказало Солнышко.

Подскочил Дятел, ухватился за Солнышкино ушко. Тянет — потянет, вытянуть не может.

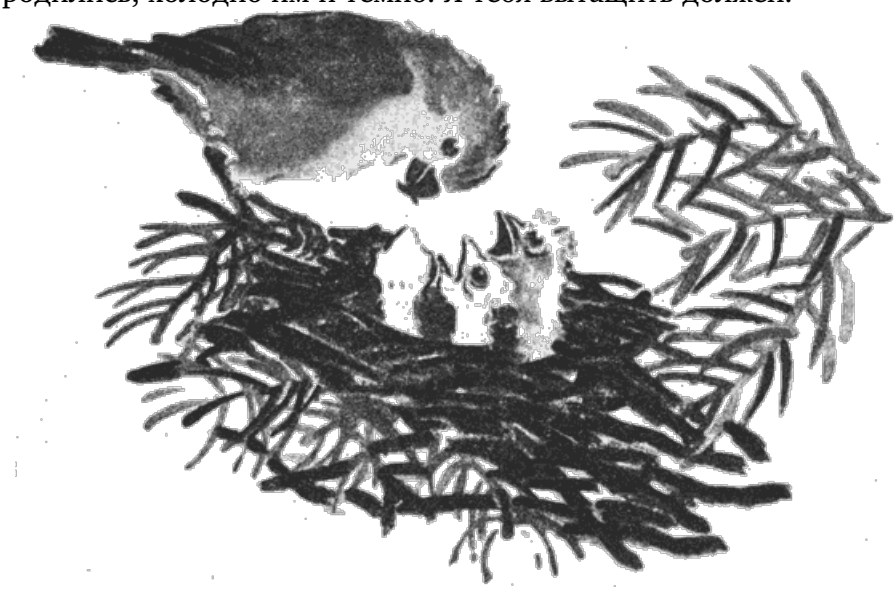
А ушко горячее, жаром обдаёт.

Опалило у Дятла голову, он и выпустил ушко.

— Ну тебя! — говорит. — Сгоришь с тобой. Не хочешь вставать, и не надо. Я и так проживу. Дупло продолблю, заберусь в него, авось не замёрзну.

Самым последним Клёст прилетел.

— Слушай, Солнышко! — сказал Клёст. — Мне грозить нечем, я тебя сам боюсь. Но у меня в лесу дети малые, зимой родились; холодно им и темно. Я тебя вытащить должен.



— Попробуй! — сказало Солнышко.

Ухватил Клёст за Солнышкино ушко, тянет-потянет, вытянуть не может.

А ушко горячее, жаром обдаёт.

Покраснели у Клёста и грудка, и крылья. Весь опалился Клёст, а ушко не бросает.

И сжалилось над ним Солнышко.

— Ладно, — говорит, — не тужи. Встану.

Поднялось и начало на небо взбираться.

И сразу кончилась самая длинная, самая тёмная ночь в лесу. Свету прибавилось, и ночи на убыль пошли.

И опять стало хорошо зверям и птицам.

Давным-давно это было. Но и до сих пор за неделю до Нового года Солнышко не хочет вставать. Тянется самая длинная ночь.

А потом Солнышко вспоминает, как его Клёст за ушко тянул, и поскорей поднимается в небо. Ночи идут на убыль.

А у Тетерева до сих пор красные брови, у Дятла — красная

шапка, а у старого Клеста-еловика все пёрышки красные, словно жаром опалены.

Кто работает зимой

Росли на огороде злые сорняки — мохнатый Чертополох, серая Лебеда и жгучая Крапива. Росли и воевали с огородными овощами. Растолкали всех, лучшие места себе захватили, — соки из земли тянут. Совсем забили овощ огородную!

Пришли колхозники, стали грядки-пропалывать. А сорняки хитрые — их сразу не выведешь!

Чертополох говорит:

— Меня с грядки сгонят, а я — под забор! Там и схоронюсь.

Лебеда говорит:

— Меня с грядки сгонят, а я — в канаву! Там и уцелею.

Крапива говорит:

— Меня с грядки сгонят, а я — в кусты! Там и продержусь.

Много раз пропалывали огород колхозники, осенью лопатами перекопали, всю землю перевернули. А сорняки-то — вон они! Выжили. Кто в придорожной канаве сидит, кто под забором схоронился, кто в кустах спрятался. А одна серая Лебеда на крышу сарая забралась. Растёт-цветёт, посмеивается — всех вокруг листика обвела!

Осенью созрели у сорняков семена — многое множество! У Чертополоха, наверно, тыщи, у Крапивы, наверно, тыщи тыщ, а у Лебеды и вовсе — тьма тьмущая!

Обрадовались сорняки, загордились. Чертополох говорит:

— Весной рассею семена, все грядки заполоню! Уж тогда-то со мною никто не справится!

Крапива говорит:

— Весной рассею семена, все огороды заполоню! Уж тогда-то со мною никто не справится!

Лебеда говорит:

— Весной рассею семена, все поля, дороги и тропки заполоню! Уж тогда-то со мною никто не справится!

Да только — не вышло.

Едва первый снег землю укрыл, появились на огородах новые работники. И ну пропалывать сорняки! Ни одного не пропускают. Повыдергали семена и у Чертополоха, который под забором сидел, и у Крапивы, что в кустах пряталась И даже Лебеду, что на крыше росла, и ту обчистили до зёрнышка!

Не расти теперь сорнякам, не засорять землю! Добрый будет в новом году урожай.

— А кто помог?

Да птички-невелички: щеглы, снегири, подорожнички.

Ведь они и зимой на полях трудятся.

Гости из заграницы

1

Мыши обычно ни над чем не задумываются, — им бы только поесть да вовремя удрать от врага. Но в одной избе, у лесной опушки, народился летом очень любознательный мышонок. Он покоя не давал самой старой и мудрой подпольной мыши: делись с ним опытом, да и только!

— Пра-пра-пра-прабабушка, есть ли на свете звери, которых я ещё не видел? — спросил однажды мышонок.

— Ещё бы не быть! Есть.

Вот погоди, и к нам во двор прибегут зимою заграничные гости.

— Заграничные?

— Да. Это те, что живут по ту сторону забора.

— А когда у нас будет зима?

— А вот придут люди, заложат у нас в подполье отдушину кирпичами да тряпками, тут и зима придёт.

— Зима придёт, я во двор выбегу на новых зверей смотреть.

Заложили люди отдушину, и стало в подполье и темно, и тепло. В засеках — картошка, овощи.

Живи да радуйся!

А мышонок только и думает, как бы убежать из дома, поглядеть на невиданных зверей.

Да не вырвешься: подполье закупорено.

2

Но в середине зимы мышонку вдруг повезло: в подполье прокопалась крыса. Мышонок сейчас же заметил в земляной стене дыру.

Пробрался к ней и помчался по крысиному ходу. Сначала — под землёй, потом — под снегом.

И вот он в неведомом царстве — в огромном сарае, где сладко пахнет сеном. Слышит, в углу, за жердями, что-то похрустывает. «Мыши», — догадался мышонок и побежал знакомиться.

Подбежал, да так и ахнул: мыши-то мыши, да не наши, — видно, заграничные. Что за шубы на них надеты! Не серые, а разноцветные: спина ярко-рыжая, перёд белый. А у самой толстой тётки ещё посередине спины чёрная полоса. Вот что значит заграница!

— Как тебя, тётенька, зовут? — спросил мышонок.

— Тише! Тише! Нас могут услышать. Говори шёпотом. Как я. Меня зовут полевая мышь.

— А как ты приехала сюда из заграницы?

— В соломе, на грузовике. Больше ничего не спрашивай: нас могут услышать.

«Ну и трусиха», — подумал мышонок.

Зато вторая мышь, самая большая и самая длиннохвостая, оказалась смелее.

— А я сама сюда прибежала зимовать, — сказала она. — Я лесная мышь. Но сейчас в лесу голодно. А летом благодать: ягоды, семена, жуки, червяки. Хватай да ешь. Повезёт, и птицу на обед поймаешь!

— Ну и тётка! Живых птиц хватает! — ужаснулся мышонок.

И на всякий случай он отбежал в сторонку. Там сидела самая маленькая мышь. У неё были смешные коротенькие ушки и очень тоненький хвостик.

— Ты умеешь лазать? — спросила она мышонка.

— Умею. Я раз залез по занавеске до самого потолка.

— А я лазаю по травинкам и по кустам. Меня зовут мышь-малютка. Смотри, как я полезу.

Тут она стала взбираться по тонкой жердинке. Лапками цепляется, хвостиком вокруг жердинки обвивается и всё вверх да вверх!

— Ловко! — крикнул мышонок.
А мышь-малютка уже на самой верхушке жерди.
— У, ю, ю! Вот где я!

3

Мышь-малютка гордо оглянулась по сторонам. Но вдруг вздрогнула и замерла от ужаса.

Мышонок почувствовал, что она видит что-то такое страшное, чего и вообразить невозможно. И он задрожал всем телом.

— Ласка! — пискнула мышь-малютка.

Полевую и лесную мышь как ветром сдуло. А мышонок растерялся, заметался из стороны в сторону и не успел скрыться от врага.

Белый, тонкий зверь с острой мордой и злющими глазами бежал прямо на него.

Мышонок помчался во весь дух: мимо жердей, по разбросанному сену, через доски… Ласка не отставала. Мышонок пробежал между кирпичами. Ласка проскользнула за ним. Мышонок юркнул в знакомый крысиный ход. Ласка — тоже.

Вот мышонок бежит уже под снегом, но ласка всё ближе и ближе. Нет, не уйти от неё мышонку: он уже выбился из сил.

Вдруг сзади что-то рухнуло. Мышонка обдало снежной пылью. Но он и не оглянулся. Он продолжал бежать и не заметил, что погоня прекратилась.

Конечно, мышонок так никогда и не узнал, что́ случилось. Прямо над крысиным ходом по двору проехал грузовик. Тяжёлое колесо примяло снег и завалило снежный туннель.

В родном подполье мышонок сейчас же подбежал к старой мудрой мыши и крикнул:

— Пра-пра-пра-пра-бабушка! Я их видел! Я видел заграничных мышей и заграничного кота — Ласку!

Собрались под Новый год у праздничной лесной ёлки звери и птицы. Кабаны пришли, лоси, волки, лисицы, зайцы. Филин прилетел.

В другое время передрались бы все, перегрызлись, а сейчас ничего, смирно сидят. Только страшные рассказы рассказывают.

Переполох

— Хорб! Харб! Хряк! Хрю-хрю-хрюк!

Я свирепый кабан-*секач*. Так люди прозвали нас, молодых диких кабанов, за то, что изо рта у нас торчат два страшных бивня. Мы народ отчаянный. Даже людей не боимся, если нас — стадо, а человек один и без этого… как его?.. без хрю-хрю-хрюжья.

Только вот этой осенью случилось… Просто щетина дыбом, как вспомнишь! Свинство прямо, как напугали нас.

Шли мы стадечком — я и три молодые чушки — по лесу. Глядь, забор стоит. За забором — дача, окна досками заколочены. Кругом дачи — сад; яблони, дубы огромные. У нас слюнки потекли: жёлуди там на земле валяются, может, и яблоки. А люди в заколоченных дачах никогда не живут. Это мы хорошо знаем.

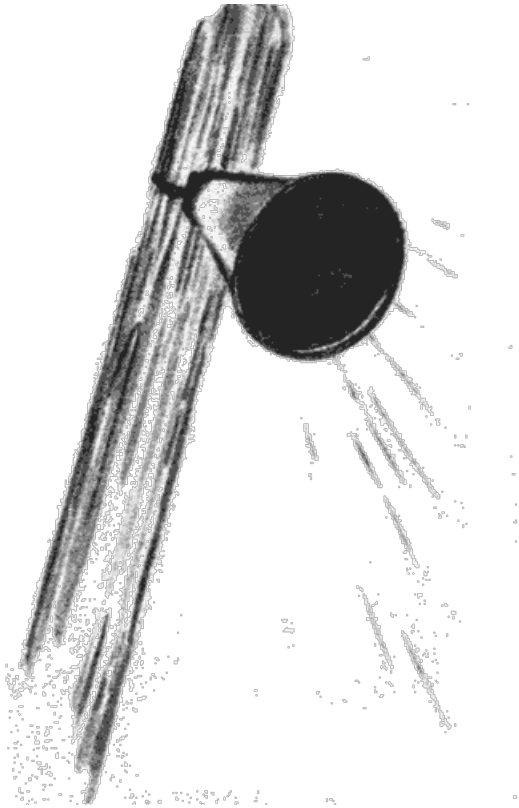
Пошли кругом забора, дырку в нём нашли.

Яблок на земле не оказалось, зато жёлудей — тыщи! И корешки какие-то сладкие — хрюк! — пресладкие! Мы всю землю в саду вспахали носами, как свиньи. Налопались — не продохнуть. И тут же под дубом легли маленько соснуть. Тишина такая — ни листик не колыхнётся.

Вот спим, пищу перевариваем. Такого храп-храп-храпака задаём, — сороки от нас шарахаются.

Вдруг — голос! Человеческий голос:

— Говорит Москва!



У меня сна как не бывало. Вскочил я. А он:

— Говорит Москва!

Вскочили на ноги и чушки.

— Хрю? Хрю? Хрюк? — спрашивают.

А он:

— Начинаем производственную гимнастику, — на весь-то лес!

Стоим — смотрим по всем сторонам: где враг? Откуда? В какую сторону бежать?

Ни справа, ни слева, ни спереди, ни сзади — никого! Но ведь мы же знаем: так ведь не бывает, чтобы голос был, а человека не было! Не иначе, как он это на нас кричит: «Зачем мои жёлуди слопали! Вот я вас сейчас!..»

До того страшно, — мураши по коже на шкуре, щетина дыбом!

Не выдержали мы. Как рванём — и туда, где в заборе дыра. Я шишку себе набил, но проскочил. А чушки разом за мной. Визг подняли: «Виии! Виииии!» — хоть уши затыкай!

А нам вслед:

— Вытянуть руки вперёд, раз, два, три…

Вот-вот за ноги вытянутыми руками схватит, вот-вот

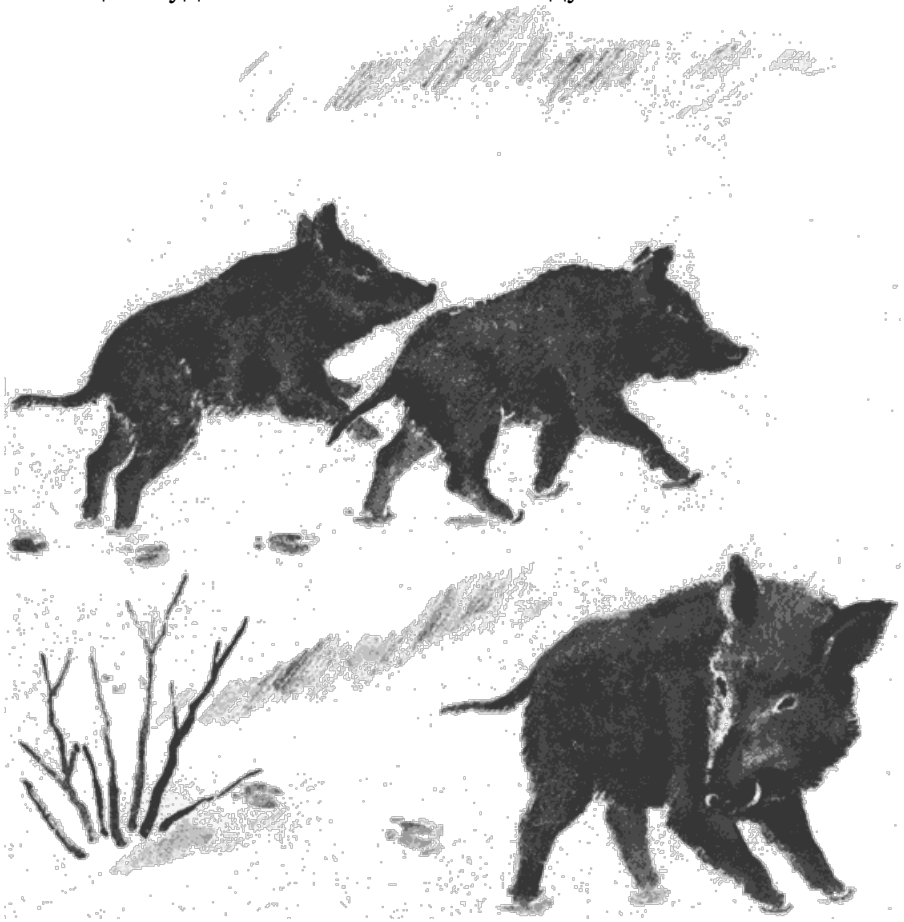
бабахнет! Забор не выдержал — трах! — повалился. Чушки галопом — и за мной по лесу да в чащу! Такого шуму наделали, что и не слыхали, стрелял тот человек или нет.

Ох, и страху натерпелись, — ужас прямо!

Потом знакомый заяц нам объяснил:

— Свиньи вы, свиньи. Одно слово — копачи. Все рылом в землю. Нет, чтобы наверх посмотреть. А там репродуктор. На дереве прибит. И страшного в этом ничего нет. Орёт только громко, а ни бегать, ни стрелять не может.

Вещь не удешев… — как его? — неодушевлённая!



Рассказ годовалого медведя

— Я родился в прошлом году, как полагается, — в берлоге. Под Новый год был ещё крошкой-сосунком — с крысу ростом.

Проснёшься, пососёшь — и опять спать.

Вдруг просыпаюсь: кто-то — грох! Грох! Грох! — над головой, и вся наша берлога трясётся. Вот ужас-то!

Мамаша-медведиха шепчет мне:

— Охотники! Я побегу, а ты лежи: тебя, может, и не заметят…

Да как вскочит, — свет хлынул в берлогу, — и дёру со всех ног!

А это, оказывается, совсем и не охотники, это, оказывается, деревенский дед в лес на дровнях приехал ёлку новогоднюю для клуба срубить. И начал топором грохать по той самой ёлочке, под которой мамаша себе спальню на зиму устроила. Дед, — как выскочила медведиха из-под снега, — так сам от страха затрясся, пал в дровни и давай коня настёгивать. Тут уж не до ёлки!

А я лежу в развороченной берлоге, — холодно мне и есть хочется. Вылез — и пошёл мамашу разыскивать.

В лесу снег; я тону в нём с головой, ничего кругом не вижу, только вверх смотрю. Там на ветках рыженький зверёк с пушистым хвостом прыгает, сучит на меня ножками, цокает сердито. Побоялся я к нему на дерево влезть поиграть. Нашёл местечко под большими лапами ели, где снег весь выдуло, чуть только на земле осталось. Сел тут и давай скулить — мамашу звать. Звал-звал — не откликается. А у меня животик подвело. Так есть хочется, прямо никакого терпежу! Я и стал лапками землю рыть.

Глядь, — а на ней под снежком травка зелёная, цветочки! Вот радость-то! Давай их в рот запихивать, — маленькие-то ведь всё в рот себе тащат, на вкус пробуют. Нет, вижу, не очень-то вкусно, — совсем не то сладкое, что мамашино молочко… Выплюнул, — фррр! Стал глубже копать, — там корешки. Ну, эти съедобные оказались, хоть и горьковатые.

Набил я себе ими пузечко, — будто и легче стало, не так голодно. Я свернулся калачиком под ёлкой, лежал, лежал — да вдруг ка-ак засну!

…Просыпаюсь, а кругом темно, и опять есть хочется. Я уж подумал было, что меня нашла мамаша-медведиха и сонного принесла назад в берлогу. Да нет, — рядом никого нет, кругом колючие еловые лапы…

Вылез я из-под них, — глубокий снег, холод, темнота… Я и заплакал, опять мамашу стал звать. Никого! Только мыши в снегу пищат: у них, оказывается, гнёзда на ветвях кусточков под снегом, — испугались, что я их мышат съем! А я и сам испугался: вдруг на мой писк какой-нибудь страшный зверь придёт и — хап! — схватит меня и проглотит. Маленький ведь я ещё был.

Сижу, дрожу, от страха глаза зажмурил — и слышу: идёт кто-

то. Тяжёлые такие шаги — под снегом сучья ломают. Открыл глаза, — всё равно ничего не видать: темно. А шаги и замерли: вот. Ох и страшно же!..

Но тут я узнал свою мамашу, — это она пришла на мой писк!

Вот мы обрадовались друг другу! И как раз тут часы пробили полночь. Родился Новый год, — и всё кончилось счастливо, как и всегда во всех страшных новогодних рассказах.

Вот и всё.

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Кабанчик и Лисёнок

— Ай, ай, ты же совсем голый, Кабанчик! Щетинка редкая, да ещё жёсткая. Как же ты зимовать будешь?

— Ху-худой ты до чего, Лисёнок! Х-хребет один, кожа да кости. Как же ты зимовать будешь?

— У меня шёрстка густая, шубка тёплая — не замёрзну!

— А у меня ху-хуже, думаешь? У меня под кожей-то жир. Жир лучше всякой шубы согреет!

Сорока и Медведь

— Эй, Медведь, спишь, что ли?

— Хррр!.. Уснёшь с такими… Чего тебе, стрекотуха?

— Да вот не пойму я, почему тебя Медведем зовут? Ну заяц-беляк, ну птица глухарь — это понятно. А вот Медведь… Ну что такое Медведь?

— Охо-хо! Бестолковая ты птица. «Мед-ведь» — значит «мёд ведающий». Знаю, где мёд в лесу спрятан, потому и мёд-ведь. Понятно? «Вот окаянная птица, покоя нету. Только сон сладкий стал сниться, будто бы есть в лесу дуплистое дерево, а в дупле соты. И никто про то не ведает, один я, Медведь, ведаю. И, будто бы… хррр, хорр!»

Сорока и Глухарь

— Здоро́во, тётка Сорока! Где бывала, куда летала?

— Летом в тёмном лесу жила, осенью — на светлой опушечке.

— А теперь куда?

— В деревню, милок, в деревню.

— Чем же плохо тебе в лесу?

— Да как же, милок, да как же! Птичьи гнёзда давно пустые, яичка не утащишь, птенчика не схватишь. Всякая живность попряталась. Пусто нынче в лесу, ограбить и то некого!

— Чем же в деревне-то хорошо?

— Да как же, милок, да как же! У дворовой собаки косточку

стяну, на помойке объедочков накопаю. Я птица не гордая, грабить некого — воровать начну. А уж сплетен-то разнесу, сплетен-то!..

ДЕЛА РЕБЯЧЬИ

Сорока. Внимание! Внимание!

Говорит лесное радио. Передаём объявления! Пионерами и юннатами на лесных просеках открыты бесплатные птичьи столовые. В столовых самообслуживание. Большой выбор холодных блюд. Столовые открыты с рассвета до заката.

Наш корреспондент дятел встретился на лесной просеке с ребятами.

Беседа записана на ленту бересты жуком-короедом.

Включаем запись.

Дятел. Расскажите, ребята, что вас заставило открыть птичьи столовые.

Ребята. Птицам голодно!

Летом они помогали нам уничтожать гусениц и зловредных насекомышей.

Они красивые, певучие! Мы любим птиц!

В лесу без птиц скучно!

Дятел. Кик! кик! Какие ваши дальнейшие планы?

Ребята. Постараемся, чтобы все, кто любит птиц, — взялись за устройство птичьих столовых.

Сорока. Корреспондент навестил птичьи столовые. Посетители — поползни, синицы, зинзиверы, московки, пухляки, гренадёрки, овсянки, снегири и другие птицы — хором выражают своё удовольствие.

Но под одной столовой корреспондентом обнаружена снежная книга жалоб.

Чечётка коготком нацарапала: «Коноплю и семечки насыпают не давленные. Клюв свихнёшь, пока раскусишь. На языке — мозоли!»

Синица зинзивер носом выстукала: «Сало салу рознь. Ни одна синица солёное сало не любит. Подвешивайте несолёное!»

Пухляк наследил: «Безобразие! Вчера прилетел на обед — всю столовую засыпало снегом. До заката до конопли дорывался. Чуть не умер от такого самообслуживания. Сделайте навес!»

Гренадерка напрыгала: «Осталась без обеда! Обед ветром сдуло. Что за растяпа сделал столовую без бортиков? Ветер у него в голове!»

Овсянка хвостом начёркала: «Заявляю жалобу на однообразие блюд. Каждый день конопля, семечки, сало. А подножный птичий корм? Семена лебеды, крапивы, репейника, ясеня, конского щавеля? А ягоды? Рябина, клюква, можжевельник, бузина, овёс, просо, пшено? Семена арбуза, дыни, тыквы? Витаминно-о-о!»

Сорока. Передача объявлений окончена.

* * *

Однажды я была в лесу. Вокруг никого не было. Стояла полная тишина.

Я подошла к сосне и стала собирать упавшие шишки.

Вдруг кто-то мне бац шишкой по затылку!

Я выпрямилась, огляделась. Никого нет.

Я опять стала собирать шишки. А мне по спине кто-то шишкой бац! И кто это озорничает?

Посмотрела я вверх и увидела на сосне… дятла! Дятел долбил шишку. Наверное, выклёвывал семена. Вот он бросил

пустую шишку и принялся за вторую. Так вот кто кидал в меня шишки!

Мне стало так смешно, что я громко рассмеялась. Дятел посмотрел на меня, испугался и улетел.

Наташа Переймивовк

* * *

Вот и всё.

Пришли мы в лес и удивились: тишина! А что тут летом было! Птицы кричали, порхали бабочки, ползали разные жуки-пауки. Ну, птицы на юг улетели, а куда насекомые подевались? Где они?

— Тут, тут, тут! — вдруг услыхали мы. Смотрим, дятел на трухлявом пеньке сидит, носом по коре стучит, нам показывает: тут, тут, тут!

Разбили пенёк топором: действительно — тут! И жуки, и комары и какие-то мушки.

Было это ещё в ноябре. С тех пор мы собрали целую коллекцию насекомых, — зимующих в трухлявых пнях. Сейчас все дятлы стали еловыми семенами кормиться, так мы следим за синицами: это большие знатоки насекомых! Может, и они нам что-нибудь покажут.

Володя Иванов

* * *

Я охочусь не по следу, а за следами. Я зарисовал почти целый альбом следов. Я их рисую с натуры в поле, в лесу, у домов. У меня зарисованы следы зайца, белки, вороны, сороки, кошки, рябчика, ласки. Есть у меня очень редкий след совы — два пальца вперёд, два назад.

Ребята сначала дразнили меня следопытом, а потом перестали. Увидели, что я действительно следопыт!

Слава Сахаров

Целую пачку писем получили мы от мышей-полёвок, от волков и ястребов. Мыши жалуются на лисиц, ласок и горностаев, что житья от них не стало: где увидят, там и хватают.

Волки на охотников жалуются. Обнаглели, говорят, охотники совсем. И капканы ставят, и из ружей стреляют, и сонный порошок в приваду закладывают. Пообедаешь, заснёшь после обеда и — пожалуйста! — очутился в клетке.

Ястребы мелкими птицами недовольны: не хотят мелкие птицы в когти к ним попадаться.

Заявляем раз и навсегда: от волков, мышей, ястребов и других вредных животных жалобы принимать не будем. Плохо вам? Вот и хорошо!

Ответы на загадки

Январь. Отгибают чешуйки на шишках клесты.

Втыкают шишки в расщелины коры и разбивают их клювом большие пёстрые дятлы.

Отгрызает чешуйки с шишек белка.

Февраль. Чечётка, чумичка, или ополовник, овсянка.

Хвост лисицы охотники называют трубой, хвост волка — поленом, а хвост зайца — цветком.

В сильные морозы воробьи и другие птицы взъерошивают свои перья. При этом вокруг их тела увеличивается прослойка воздуха, который очень плохо проводит тепло.

Март. Снег быстрее тает в поле. В поле он не затенён деревьями. В городе снег грязный, а грязный снег поглощает больше тепловых лучей солнца.

Иногда воронки вокруг столбов, и деревьев образует ветер. Но в марте солнце нагревает столбы и стволы деревьев, и снег вокруг них обтаивает.

Прошлогодний снег, то есть снег, выпавший до нового года, лежит, естественно, внизу, под снегом, выпавшим после нового года.

Апрель. Кроме скворечников, скворцы гнездятся под карнизами крыш, в дуплах деревьев и даже в земляных норках в обрывах.

На лошадей, коров и овец скворцы садятся для того, чтобы нащипать линялой шерсти для выстилки гнёзд.

Ловят они тут и насекомых, которые жалят животных.

При вспашке вместе с пластами земли выворачивается на поверхность много разных червей, насекомых и их личинок. Скворцам тут лёгкая добыча.

Май. Часто черви так разрыхляют землю под камнями, что камни тонут.

Рыбу, лемминга, яйца и птенцов съел северный олень.

Олень зверь не хищный, травоядный, но при недостатке в пище белковых и минеральных веществ олень начинает хищничать.

Июнь. В рассказе Брехункова Вити всё неправильно. В день летнего солнцестояния (21 июня) в семь часов утра солнце уже высоко над горизонтом, и поднимается оно не на востоке, а почти на северо-востоке. Черёмуха в это время не цветёт. Трясогузки и каменки на деревьях не поют, а серая мухоловка и вообще петь не может.

Иволги в дуплах не гнездятся. Дятлы в июне шишек на кузницах не разбивают: к этому времени из шишек высыпаются все семена. Гнездо дятел устраивает всегда в дупле, и птенцы его совсем не молчаливы: они кричат в дупле не переставая.

Ворон и ворона не папа и мама, а совсем разные птицы. И не могли они в это время приносить воронятам красную рябину и лягушечью икру: рябина ещё не созрела, а из икры уже давно вывелись головастики. Да и не кормят вороны воронят икрой и рябиной. Да и воронята вылетают из гнезда ещё в мае.

Белая куропатка и заяц-беляк в июне совсем не белые; они уже перелиняли.

Гром гремит всегда после молнии, солнце в июне заходит под Ленинградом не на западе, и в девять часов вечера оно ещё высоко над горизонтом.

В дождь закрывают венчики одуванчики, кувшинка, мокрица, гвоздика-травянка, звездчатка злачная, смолёвка поникшая и др. Эти цветы «прячутся от дождя».

Закрываются на ночь белая кувшинка, цикорий, козлобородник, одуванчик и др. Говорят, что цветы спят.

А есть ночные цветы, которые спят днём, а раскрываются только ночью. Это злопушки, смолёвка поникшая, дрёма белая и ночная фиалка-любка.

Июль. Некоторые крапивницы, траурницы на зиму прячутся в щели коры и земли. Большинство же бабочек проводят зиму в стадии куколок. Прячется на зиму и многоцветница, лимонница, дневной павлиний глаз.

Нет крыльев у самки обыкновенного кистехвоста, мешочниц улиткообразной и многоцветной, а также у самки пяденицы обдирало и у некоторых других.

Может пищать ночная бабочка «мёртвая голова».

Ветки на молодых сосенках растут ярусами. Каждый год на вершине сосенки завязывается новая мутовка — новый ярус.

Сколько на сосенке ярусов — столько ей и лет. Прибавьте только год на прорастание семени.

Мутовок — ярусов — на сосенках не много, их по пальцам легко сосчитать.

Овсянки чаще всего попадаются на глаза зимой, когда они собирают на дорогах и у жилья просыпанный овёс. Да и осенью любят они летать на овсяные поля. Поэтому их, наверное, и назвали овсянками.

У синички гренадёра на голове хохолок, похожий на украшение головного убора солдат-гренадёров. (В старых армиях был род войск — гренадёры.)

Свиристеля называют красавой за его красоту: у него на крыльях и хвосте красные и жёлтые пятнышки, а на голове — хохолок.

Август. У собак нет на теле потовых желёз. В жару они, чтобы снизить перегрев, разевают пасть и высовывают язык.

Перья свои утки смазывают жиром из копчиковой железы, и перья в воде не намокают.

Зайчонок наступил на зрелый гриб-дождевик. Если наступить на дождевик, то из-под ноги взовьётся облачко «дыма» — тысячи спор гриба.

Сентябрь. Раки зимуют в норах под водой.

Из своей кожи вылезают при линьке раки и змеи.

С открытыми глазами спят рыбы.

Выше всех растёт гриб-трутовик.

Октябрь. Клён и ольха.

Черника и брусника.

Ноябрь. Самый распространённый воробей — это воробей обыкновенный или домовый. Но живёт у нас ещё и воробей полевой. У него на голове шоколадный беретик, а на шее белый воротничок. В стайках полевых и домовых воробьёв нередко встречаются совсем или частично белые птички. Это альбиносы. Альбиносы изредка встречаются среди разных птиц и зверей. Белый цвет пера или шерсти образуется от нехватки красящего вещества — пигмента. Кроме воробья полевого и домового, живут у нас в Союзе воробьи каменные, пустынные, рыжие, черногрудые и другие.

Декабрь. Мы выдыхаем влажный воздух. При охлаждении он сгущается в пар.

При морозе кристаллики снежинок упруги и жёстки. При сдавливании снега ногой возникает скрип.

Влажный воздух комнаты, соприкасаясь с холодным стеклом окна, образует крохотные капельки воды, которые, в свою очередь, образуют кристаллы льда. Из этих-то кристаллов и вырастают ледяные узоры.

Содержание

Январь. *А. Ливеровский* … 3
Рассказы и сказки … 7
Привет вам, уважаемые ребята. *В. Бианки* … 7
Сказка про Новый год. *Э. Шим* … 8
Цветок, который и зимой не спал. *Н. Павлова* … 12
Лесной спорт. *В. Бианки* … 16
Дела ребячьи. *Н. Сладков* … 20
Как самому сделать лесной календарь. *В. Бианки* … 23
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 24
Подслушанные разговоры … 26
Синица и Белка. *Э. Шим* … 26
Лось и Сорока. *Э. Шим* … 26
Ворон и Тетерев. *Э. Шим* … 26
Клёст и Чиж. *Э. Шим* … 27
Мышь и Заяц. *Э. Шим* … 27
Загадки. *Н. Сладков* … 28
Февраль. *А. Ливеровский* … 29
Рассказы и сказки … 33
Федино окно. *В. Бианки* … 33
Как дело было. *В. Бианки* … 36
Переполох. *Н. Павлова* … 37
Как клесты заставили белок по снегу прыгать. *Н. Сладков* … 38
Вежливая галка. *Н. Сладков* … 39
Весны предтечи. *В. Бианки* … 41
Подслушанные разговоры … 44
Дятел и Куница. *Э. Шим* … 44
Налим и Окуни *Э. Шим* … 44
Выдра и Ворона. *Э. Шим* … 45
Лесной спорт. *В. Бианки* … 46
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 48
Загадки. *Н. Сладков* … 50
Март. *А. Ливеровский* … 51

Рассказы и сказки … 55
Сногсшибательный душ. *Н. Сладков* … 55
Прорубь. *Н. Павлова* … 57
Песенка за окном. *Н. Сладков* … 59
Ворон и Ворона *Н. Сладков* … 60
Дупла. *Н. Сладков* … 61
Овсянка. *Н. Сладков* … 62
О вкусах не спорят. *Н. Сладков* … 63
Птицы над городом. *В. Бианки* … 64
Лесной спорт. *В. Бианки* … 66
Подслушанные разговоры … 68
Дуб и Верба. *Э. Шим* … 68
Заяц и Снегирь. *Э. Шим* … 68
Дятел и Синица. *Э. Шим* … 69
Крапивница и Муха. *Э. Шим* … 69
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 70
Загадки. *Н. Сладков* … 72
Апрель. *А. Ливеровский* … 73
Рассказы и сказки … 76
Про жаворонков *В. Бианки* … 76
Апрельские шутки. *Н. Сладков* … 77
О чём говорили ветерок с ручейком. *Н. Павлова* … 78
Гости берёзы. *Э. Шим.* … 81
Зяблик с колечком. *Н. Сладков* … 83
Подслушанные разговоры … 84
Рысь и Белка. *Э. Шим* … 84
Ворон и Заяц. *Э. Шим* … 84
Филин и Зяблик. *Э. Шим* … 85
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 86
Доска объявлений. *Н. Сладков* … 88
Куда смотреть и что слушать? *В. Бианки* … 89
Дела ребячьи. *Н. Сладков* … 90
Загадки. *Н. Сладков* … 92
Май. *А. Ливеровский* … 93
Рассказы и сказки … 97
На солнышке и в тени. *Н. Павлова* … 97
Как бобрёнок плотину строил. *Э. Шим* … 100
Слепой бельчонок. (Рассказ мальчика.) *В. Бианки* … 104
Полосы и пятнышки. *Э. Шим* … 105
Незваные гости. *Н. Сладков* … 106
Высотный терем. *Н. Сладков* … 108
Птичьи часы. *Н. Сладков* … 109
Подслушанные разговоры … 110
Сорок обедов и сорок ужинов. *Н. Сладков* … 110

Кукушка и Пеночка. *Н. Сладков* … 110
Дятел и Тля. *Н. Сладков* … 111
Ворона. Утка, Тетерев. Бекас. Лягушка и Майский жук. *Э. Шим* … 111
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 112
Лесные происшествия. *Н. Сладков* … 113
Загадки. *Н. Сладков* … 114
Июнь. *А. Ливеровский* … 115
Рассказы и сказки … 119
Свейки. *В. Бианки* … 119
Чей это дом? *Э. Шим* … 120
Птичьи заботы. *Н. Сладков* … 122
Ловушка. *Н. Павлова* … 124
Медовый дождь. *Н. Сладков* … 125
Двое совершеннолетних. *Н. Павлова* … 126
Мой научный опыт. *В. Бианки* … 127
Птичий трудодень. *Н. Сладков* … 128
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 130
Подслушанные разговоры … 132
Всех страшнее *Н. Павлова* … 132
Лось и Летучая Мышь. *Э. Шим* … 132
Мышь-малютка и Пеночка. *Э. Шим* … 133
Землеройка и Скворец. *Э. Шим* … 134
Уж и Синичка. *Э. Шим* … 134
Загадки. *Н. Сладков* … 135
Июль. *А. Ливеровский* … 137
Рассказы и сказки … 141
Васильки. *Н. Павлова* … 141
Приключения Припрыжкина — закавказского русачка. *Н. Сладков* … 143
Слепой дождик. *Э. Шим* … 144
Под водой. *Н. Сладков* … 147
Рыбята. *Н. Сладков* … 148
Скворец знахарь. *Н. Сладков* … 150
Пятое имя. *Н. Сладков* … 151
Подслушанные разговоры … 152
Добрая Кукушка. *Э. Шим* … 152
Кукушка и мы. *Э. Шим* … 152
Дела ребячьи. *Н. Сладков* … 153
Доска почета. *Н. Сладков* … 155
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 156
Загадки. *Н. Сладков* … 157
Август. *А. Ливеровский* … 159
Рассказы и сказки … 163

Лесные силачи. *Н. Сладков* … 163
Кому достался белый гриб. *Э. Шим* … 164
Приключение в норе. *Н. Павлова* … 166
Храбрый карасик. *А. Ливеровский* … 168
Клюква-ягода. *А. Ливеровский* … 170
Птичья дружба. *Н. Сладков* … 170
По грибы. *Н. Сладков* … 173
Подслушанные разговоры … 176
Белки, Бобры и Енот. *Э. Шим* … 176
Кукушка и Иволга. *Н. Сладков* … 176
Шмель и Синичка. *Э. Шим* … 177
Сыч и Мыши. *Э. Шим* … 177
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков, Н.* Павлова … 178
Загадки. *Н. Сладков, Н. Павлова* … 180
Сентябрь. *А. Ливеровский* … 181
Рассказы и сказки … 185
Прощальные песенки. *Н. Сладков* … 185
Воздушная почта. *В. Бианки* … 186
Отчего ясень плачет. *Э. Шим* … 187
Гриболов. *Н. Сладков* … 189
Теремок. *Э. Шим* … 191
Чёрный коршун. *Н. Сладков* … 193
На великом пути. *Н. Сладков* … 195
Медведь-дармоед. *Н. Сладков* … 196
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 198
Дела ребячьи. *Н. Сладков* … 199
Подслушанные разговоры … 200
Заяц и Ёжик. *Э. Шим* … 200
Ветер над полем. *Э. Шим* … 200
Загадки. *Н. Сладков, Н. Павлова* … 202
Октябрь. *А. Ливеровский* … 203
Рассказы и сказки … 207
Заяц в штанах. *Н. Сладков* … 207
Упрямый зяблик. *Н. Сладков* … 209
Опёнки. *Н. Павлова* … 210
Лиса, Водяная Крыса, и Заяц. *Н. Сладков* … 212
Скворцы прилетели! *Н. Сладков* … 214
Лиса-плясунья. *Н. Сладков* … 215
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 217
Подслушанные разговоры … 218
Кабаны. *Н. Сладков* … 218
Заяц и Летучая Мышь. *Н. Сладков* … 218
Медведь и Сорока. *Э. Шим* … 219
Хомяк и Крот. *Э. Шим* … 219

Зяблик и Дятел. *Н. Сладков* … 220
Осень и Анютины Глазки. *Э. Шим* … 220
Тетерев и Тетеря. *Э. Шим* … 221
Гуси-лебеди. *Э. Шим* … 221
Дела ребячьи. *Н. Сладков* … 222
Загадки. *Н. Павлова* … 224
Ноябрь. *А. Ливеровский* … 225
Рассказы и сказки … 228
Как воробей тёплый угол искал. *Э. Шим* … 228
Позёмка. *Н. Сладков* … 231
Весна под ногами. *Н.* Павлова … 233
Дела ребячьи. *Н. Сладков* … 234
Подслушанные разговоры … 236
Воробей и Куропатка. *Э. Шим* … 236
Белка и Лесная Мышь. *Э. Шим* … 236
Недовольная лиса. *Н. Сладков* … 236
Кому что. *Э. Шим* … 237
Что вкуснее. *Н. Сладков* … 237
Пуночка и Барсук. *Э. Шим* … 237
Хозяин и Хозяйка. *Э. Шим* … 238
Морозко, Ёж, Барсук и Медведь. *Э. Шим* … 238
Выставка «Моды сезона». *Н. Сладков* … 239
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 240
Загадки. *Н. Сладков* … 242
Декабрь. *А. Ливеровский* … 243
Рассказы и сказки … 247
Солнышко за ушкó. *Э. Шим* … 247
Кто работает зимой. *Э. Шим* … 250
Гости из заграницы. *Н. Павлова* … 251
Страшные происшествия под Новый год. *В. Бианки* … 255
Подслушанные разговоры … 260
Кабанчик и Лисёнок. *Э. Шим* … 260
Сорока и Медведь. *Н. Сладков* … 260
Сорока и Глухарь. *Э. Шим* … 260
Дела ребячьи. *Н. Сладков* … 262
Книга жалоб и предложений. *Н. Сладков* … 265
Ответы на загадки … 266

69 коп
Детгиз
1961